СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Тамбовский АЛЬМАНАХ

№ 32

ТАМБОВ • 2026

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ № 32

Литературно-художественное издание
Тамбовского регионального отделения Союза писателей России
Издаётся с 2005 года

Главный редактор
Мещеряков Ю.А. (Тамбов), *секретарь Союза писателей России.*

Редакционная коллегия
Аршанский В.С. (Мичуринск), *член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин Тамбовской области.*
Бережной С.А. (Белгород), *секретарь Союза писателей России, главный редактор альманаха «Пересвет».*
Беридзе Ю.В. (Москва), *член Союза писателей России, главный редактор газеты «Российская кооперация».*
Дорожкина В.Т. (Тамбов), *член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, почётный профессор ТГУ имени Г.Р. Державина, Почётный гражданин города Тамбова.*
Знобищева М.И. (Тамбов), *член Союза писателей России, литературовед, кандидат филологических наук.*
Иванов Г.В. (Москва), *секретарь Правления Союза писателей России, председатель исполкома Международной литературной премии имени Сергея Есенина.*
Кочуков С.К. (Тамбов), *член Союза писателей России, Почётный гражданин Тамбовского района.*
Курбатова Т.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России, руководитель литературного объединения «Радуга».*
Луканкина Е.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России.*
Лютый В.Д. (Воронеж), *член Союза писателей России, заместитель главного редактора журнала «Подъём».*
Николаева А.Н. (Тамбов), *член Союза писателей России, кандидат исторических наук.*
Пешкова С.Н. (Липецк), *член Союза писателей России, руководитель Липецкого регионального отделения СМЛ.*
Пронина Л.А. (Тамбов), *доктор философских наук, профессор, директор Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина.*
Черняк С.В. (Тамбов), *председатель правления Тамбовского регионального отделения Союза писателей России.*

ISBN 978-5-6030498-2-3

ISBN 978-5-6030498-2-3

9 785603 049823 >

© СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тамбовское региональное отделение

Спасибо тем, кто молится за нас

Спасибо тем, кто молится за нас,
К иконным ликам взоры обращая,
Обиды нанесённые прощая,
В наш светлый миг и самый скорбный час…
Спасибо тем, кто молится за нас…

Спасибо тем, кто молится в тиши,
Для нас спасенье вымолить стараясь,
Во всех земных грехах за нас покаясь,
Находит оправдание души…
Спасибо тем, кто молится в тиши.

Спасибо тем, кто молится за нас,
Не перешедших точку невозврата,
С лучом рассветным или в час заката,
Благоговений посылая глас…
Спасибо тем, кто молится за нас…

Надежда БАШМАКОВА

Сергей ЧЕБОТАРЁВ

Бабка

Повесть

Детская память не сохраняет последовательности произошедших событий. В ней остаются лишь самые яркие, окрашенные сильными эмоциями моменты нашей младенческой жизни. Но это всего лишь эпизоды. Ты не можешь вспомнить ни то, что предшествовало им, ни то, что случилось позже.

Моё самое раннее воспоминание детства: я – ученик первого класса – в продлёнке горько рыдаю после прочитанного вслух рассказа Валентины Осеевой «Бабка». И сегодня ясно вижу ту старенькую парту, на которую уронил голову, удивлённые и испуганные глаза одноклассников. Раиса Дмитриевна пытается успокоить меня:

– Ты обижаешь бабушку, твои родители плохо к ней относятся?

Я лишь киваю и ещё сильнее заливаюсь слезами, которые, на удивление, становятся вдруг сладкими и светлыми: мне совсем не хочется останавливаться. Такого зарёванного учительница повела меня домой.

Родители, как всегда, были на работе, и нас встретила перепуганная бабка:

– Что произошло? Кто тебя обидел?

Раиса Дмитриевна всё рассказала. Спросила, хорошо ли я себя веду дома, не обижаю ли её. Бабушка вдруг обняла меня, завела рукой за спину, словно хотела защитить, опустила глаза и тихо, но твердо сказала:

– Все бы были такие, как наш.

Больше она не произнесла ни слова, и учительница, поняв, что разговор окончен, несколько смущённая двинулась к выходу.

Я ушёл в соседнюю комнату. Лёг на диван. В голове крутилось недавно услышанное. Я так никому и не рассказал до сих пор, почему тогда плакал.

Просто тот рассказ был про мою бабку. Тучная, широкая, с мягким певучим голосом. В старой вязаной кофте, с подоткнутой за пояс юбкой… Вставала раньше всех, гремела в кухне посудой. Нужду терпела… Мужа на войне убили.

Иногда её, как и ту бабку из рассказа, обижали или я, или родители, и тогда она замолкала, уходила в свою маленькую пристройку - саманку, где висело множество образов и обёрнутая в фольгу от шоколадных конфет еле тлевшая лампадка. Она долго молча сидела там в одиночестве, не отрывая выцветших глаз от своих икон.

Но совсем не эта картина приходила мне в голову, когда я так горько плакал в тот памятный на всю мою жизнь день. В конце рассказа бабка умирала в ожидании внука Борьки из школы. Кажется, впервые в жизни я по-настоящему осознал тогда страшное слово «смерть». Хотя видел её и раньше. Бабка часто брала меня с собой на деревенские похороны. Они казались мне совсем не страшными, а, наоборот, торжественными и величественными. Покойники лежали со спокойными, не искажёнными страданиями лицами, как выглядели при жизни. В песнопениях и действиях старух, знавших, как всё полагается, я не чувствовал никакой трагедии безысходности. Но вот теперь смерть не просто ходила где-то по нашей деревне – она встала со мной рядом.

В тот вечер, лёжа в кровати, я закрылся с головой одеялом. В мозгу непрерывно крутилась последняя строчка рассказа: «Не придёт утром бабка». А ведь такое утро когда-то наступит и в нашем доме! И слёзы снова лились из моих глаз.

* * *

Бабка была рядом всегда. Родители на работе. Старший брат на учебе в Калинине, потом в армии. Мы дома вдвоём. С ней всегда спокойно, тепло, уютно и никогда не скучно. Играли в магазин, больницу, школу. Бабка просила продавца «отпустить ей товар подешевше, а то денег у неё совсем нет, сделать укол в руку, которая мощует и отымается, а ей надо «итить сор драть на гароде», путала буквы и цифры, которые писал ей учитель на доске, смешно плакала, когда получала двойку. Ближе к обеду мы шли в магазин за свежим хлебом. Его каждый день привозили из соседнего села на лошади, запряжённой в тележку с синей будкой. В магазине у продавщицы тети Вали деревянные полки были уставлены трёхлитровыми банками с берёзовым соком и рыбными консервами. Слюни текли от чесночного запаха Краковской колбасы, кольцами висевшей на стене за прилавком. Иногда «выкидывали» дефицит - замороженную рыбу с таинственным названием хек и шоколадки. Рыбу бабка всегда покупала, а вот конфеты нет. Говорила: «Денежек на них не хватает». Для меня в детстве счастье - это наесться шоколада досыта, вволю. Раз в месяц почтальонка тётя Лиза приносила бабке пенсию - двадцать рублей. Тогда она надевала очки и старательно медленно выводила свою фамилию в той строчке, где почтальонка ставила жирную галочку. У бабки сразу поднималось настроение, она поила уставшую тётю Лизу чаем с вареньем. Та снимала со своих плеч тяжеленную сумку с газетами и журналами и садилась с бабкой за стол.

Как-то во время чаепития я попросил дать мне подержать в руках эту самую пенсию, которой бабка так гордилась и дорожила. Она дала мне четыре синих бумажки по пять рублей:

– Возьми, ты уж большой, скоро в школу пойдешь, должон знать счёт деньгам. Пересчитай, сколько тут?

Я сел в уголок и громко вслух стал пересчитывать купюры: один, два, три… Увлёкшись разговором, бабка и почтальонка не заметили, как я тихонько сполз со стула, выскользнул в дверь и со всех ног помчался к магазину. За счастьем. Рядом по дороге в заросшем саду виднелся фундамент старого сарая. Я оглянулся, погони не было, значит, ещё не хватились. Надо было действовать быстро. У меня промелькнула мысль взять одну денежку, а остальные три оставить здесь под кирпичом. Но хватит ли одной денежки на шоколадку? Бабка говорила, что они очень дорогие. Решил всё же не рисковать. Я подошёл к прилавку: на полке стопочкой лежали заветные плитки с красивой девочкой на обложке. Протянул деньги и громко попросил:

– Дайте мне, пожалуйста, шоколадки.

Тётя Валя пристально посмотрела и переспросила:

– Тебе на все?

– На все, – уверенно сказал я, – меня бабушка послала, ей некогда.

Продавщица уже было повернулась к полке, как вдруг строгая тётя в красивом костюме, стоявшая в очереди за мной, сказала:

– Постойте. Тут что-то не так. Не может быть, чтоб ребёнку дали столько денег. Я сейчас пойду в их сторону, заведу его и спрошу у родителей.

Она крепко взяла меня за руку, и мы пошли. Перед домом уже металась испуганная бабка:

– Куда ты подевался?

– Да вот, – сказала моя спутница, – за шоколадками ходил. Вы его посылали?

– Да что вы, Тамара Васильевна, это ж моя пенсия, я ему посчитать дала.

Я почему-то не помню, чем для меня закончился тот день – детская память не сохранила, значит, ничего яркого. Кажется, все только посмеялись. Зато отчётливо помню, как через пару месяцев мама привела меня в школу на подготовку, я поднял глаза на учительницу и обомлел. Передо мной стояла та самая строгая тётя, которая не дала осуществиться моей мечте, когда я был от неё всего в одном шаге.

Всё своё детство я следил за тем, чтоб ни один ремень не лежал на виду. Если находил, немедленно прятал в свою конуру – нишу между печкой и огромным шифоньером, куда проскользнуть мог только я один. Однажды, после очередного происшествия, не обнаружив ремня, отец схватил попавшийся под руку кипятильник и стал изо всех сил стегать меня толстым шнуром. Это было намного больнее: я тогда сильно пожалел, что попрятал все ремни в доме. На мой ор прибежала бабка:

– Ты в уме? – закричала она отцу.

– Уйди, мать, вы его все избаловали, растёт шалопаем, а его пальцем не тронь. Время придёт, плакать от него будете.

Удары сыпались один за другим, я захлёбывался в рыданиях, не мог вымолвить ни слова, только заикался, но отец и не думал останавливаться. Тогда бабка сама кинулась под удары и закрыла своим большим телом. Несколько раз отец, пытаясь достать меня, стеганул её со всей силы.

– Остановись ты, Христа ради, Ленька. Бить вас много, пожалеть некому.

Бабка обняла меня и вывела из комнаты.

Большими праздниками были для меня родительские субботы. В эти дни все несли в храм конфеты, раздавали их друг другу и просили помянуть «родителев». Бабка заворачивала в уголок чистого носового платка все «поминушки», которые получала, и несла мне. И я ел конфеты сверх всякого лимита. А бабушка с умилением смотрела на меня и приговаривала:

– А вот мать бы не донесла, сама б всё поела по дороге. А я все о внучке жаланюсь, я у тебя жаланная.

* * *

Поздней осенью или ранней весной, когда работ на огороде было немного, бабка ездила погостить в Москву. Однажды, вернувшись из столицы, она рассказала мне про чудесный домик, который видела у тёти Ани. В нём есть всё, что нужно для жизни. Горит очаг, украшена новогодняя ёлка, на привязи сидит собачка. Там живут мальчик и девочка. У них красивая одежда, на полках разложены сладости и игрушки. Размером домик с раскладушку, но, когда его разворачивают, он становится большим, совсем как настоящий. Как я загорелся тогда:

– Зачем он тёте Ане, её дети давно выросли! Привези его мне.

Бабушка обещала в следующий раз обязательно выпросить. Осенними холодными вечерами я выведывал у неё подробности, мечтая скорее оказаться в волшебном домике, закрыть за собой дверь и вместе с мальчиком и девочкой очутиться в удивительном добром мире, где останавливается время, а на душе хорошо и покойно. А бабушка всё рассказывала и рассказывала. Он, по её словам, был «склянным», даже полы, так что ходить по ним надо очень осторожно в мягких тапочках. Я всей душой чувствовал, как дорого мне это хрупкое хрустальное чудо и что только оно станет для меня настоящим домом, как для тех детей, которые живут в нём вечно, не старея. Мы будем вместе играть, но никто об этом не узнает, и ни у кого в деревне не будет таких друзей, как у меня. На улице все будут удивляться, где это я пропадаю целыми днями, но это будет только наша тайна.

Вот бабка, наконец, приехала. Как я бежал встречать её к остановке автобуса! Но никакой раскладушки среди её вещей почему-то не оказалось. Меня пронзила страшная догадка: она забыла взять его с собой. Забыла о том, о чём я непрерывно думал и мечтал много месяцев и о чём мы говорили с ней почти каждый день. Нет, не забыла. Привезла. Она открыла чемодан и достала оттуда старенькую потрёпанную картонную книжку-раскладушку. Развернула её, и передо мной и правда появился домик. Через слюдяное окошко можно было увидеть собачку и детей. Там были разведённый очаг и посуда, шоколадки и апельсины, сверкающая огнями ёлка, но только всё это было нарисованным. Потрясённый обманом, я бросил книжку на пол и долго молча лежал в кровати. В один миг рухнула мечта о таинственной жизни с волшебными друзьями в стеклянном домике, где можно втайне ото всех быть счастливым. Позже, когда острота боли

притупилась, я раскрывал домик, ложился на пол и в одиночестве смотрел на него, представляя свою жизнь в его стенах, выдумывая разные истории и разговаривая вслух с его картонными обитателями. Мне до слёз хотелось наяву, а не в фантазиях попасть в светлый мир этого стеклянного домика. Я никогда не бывал в нём, но всю жизнь стремлюсь туда вернуться.

Себе из Москвы бабка тоже привезла книжку. Облюбовала её у дяди Феди, когда в няньках сидела.

Книга осталась у неё на всю жизнь. Читала она её по складам, медленно.

– Я ведь тока два класса кончила, а третий колидор.

Зимой, как управится со скотиной, надевала очки, подводила под строчку палец и медленно вытаскивала из неё слова: Ро – бин – зон Кру – зо. Иногда одно предложение читала по три раза, потом поднимала глаза и спрашивала:

– А чего это он сделал-то?

Я не выдерживал:

– Давай я тебе быстро прочту.

– Что ты, что ты, я сама. Мне спешить некуды.

Каждую зиму принималась она за Робинзона снова, с начала. Летом было не до чтения: огород, сено, скотина. По первым холодам Робинзон опять не слушался отца, опять садился на корабль и опять выбирался из моря на пустой берег. Бабка ворчала:

– Сказано ему, дома сиди, нет, понесло.

Но, когда он начинал обживаться, строить жильё, сеять хлеб, разводить коз, смягчалась.

– Вот хозяин, – говорила. – Один, а не пропал. Сам посеял, сам убрал, сам и ответ держит. Никто над ним не стоит. Явангиль кажный день читаить. С Богом и на острове не пропадёшь.

Один раз дочитала почти до самого конца: у острова показался корабль. Закрыла книгу и долго сидела молча.

– Чего же ты, – говорю, – дальше не читаешь, его же сейчас спасут, домой заберут.

– От чего спасуть? У него там дом, хлеб, козы, всё своё. Он там хозяин.

Убрала книгу в сундук и больше в ту зиму не раскрывала.

* * *

Иногда у нас в доме выключали электричество. Это обычно случалось поздней осенью или зимой. Наступала тьма. Тусклый свет исходил лишь от печки, где тлел уголь. Бабка доставала большую стеариновую свечу, зажигала её. Пламя свечи и живое тепло печки создавали уют и неповторимую таинственную атмосферу. Я клал голову к ней на колени, и бабка начинала рассказывать мне про свою жизнь.

Чаще всего говорила про антоновщину. Я никак не мог разобрать, за кого же была она в этой страшной войне. За наших или за бандитов?

– Все, сынок, хороши были. И те грабили, и энти. Зерно отбирали, из дома

тащили чего найдут. Но антоновцы всё-таки к кристианам больше сочувствия имели. Лошадь хорошую возьмут, а какую-нибудь плохенькую оставят. Красные отбирали всё подчистую, и нет тебе ничего. Живи как хошь.

Мне запал в душу её рассказ о комсомольце из села Шапкино.

– Мальчонка, – говорила, – был, худенький, щуплый, в чём душа. Лет пятнадцати. Из Мучкапа домой возвращался, шёл через Матвеев курган на Луневку. Между нашим селом и курганом буерак, по дну ручей течёт неглубокий. А бандитам уж тут сообщили, что идёт комсомолец такой-та с собрания. Они его стерегли. Вот как начал он подниматься на гору, в Луневку всходить, тут они его и засекли, увидали с Матвеева кургана, эх, понеслися за ним на лошадях. Он бечь со всех ног. Видит, дело плохо, догоняют, вскочил в крайний двор, забился в кизяки – они возьми и рухни на него, закрыли с головой. Сидить там беднай, не дышит, а мне из суднего окна всё видать. Бандиты поднялись на гору: нету комсомольца, куды подевалси. Далеко убечь не мог, значит, где-то во дворе хоронится. Искали, искали – как провалилси. Тут Гаврила Кулеш и шумни во всю глотку: «Выходи добром. Не выйдешь щас, двор соломой обложим, зажгём, вся усадьба сгорит. Помёрзнет народ в зиму без избы, и бабы, и ребятишки все погорельцами будут. Ты ж комсомол. Должон быть идейнай». Немного погодя повалилися кизяки, вышел комсомолец. Засмеялись бандиты: «Щас, – говорят, – мы тебя подкинем до дому, а то ты пешком итить замаилси». Привязали его, бедного, за руки к лошади и потащили волоком на Шапкино. Под Варварино слезли, зарубили шашкой. Мать приехала, кричить. Подняла на руки, как дите малое, навалила на телегу, хоронить повезла.

– Я у Гаврилы посля спрашивала, он уж тут в коммунисты поступил: неушто правда бы сожгли двор?

– Мы и не собиралися, уж и на лошадей садились. Так шумнули, на всякий случай, сами думали, что он уж убёг давно, а оно, видал, как вышло.

Меня удивляло, что бабка не знала дня своего рождения. Говорила: «Где-то после Петрова дня». Даты в паспорте писали примерно через много лет, когда документы выдавали. Ей записали тысячу девятьсот седьмой год, а она родилась на самом деле в пятом. Муж был на два года моложе. После свадьбы она вошла в его семью. Работали много, жили, не бедствовали. Но хлеб ели ржаной. Пшеницу не сеяли.

– Не выспевает она в наших местах, – объясняла бабка.

* * *

Дед читал Слово Божье каждый день. Бабушка сохранила дедово Евангелие. Оно лежало у неё в сундуке, завёрнутое в белый платок. Иногда она давала его мне и просила почитать вслух. Евангелие начиналось с того места у Матфея, где Христос говорит ученикам: «Я создам Церковь Мою и врата ада не одолеют её». Первые страницы, со слов бабки, искурили в войну дядья. Она отобрала у них книгу и спрятала. К советской власти дед относился как к Божьему попущению. Поэтому и в колхоз не вступал, считал грехом. Над единоличниками измыва-

лись, как могли. Душили налогами, отрезали огород, двор ломали. Бабушка рассказывала, как пришли выгружать картошку, подъехали на телеге с порожними мешками. Полезли в погреб, а она закрыла крышку и села на неё сверху. Старшему сыну велела гнать лошадь подальше от дома. Грозили тюрьмой, но обошлось.

В семье подрастало трое детей, их надо было кормить. Отправились с мужем в саратовские степи на сусликов. За сданные шкурки платили деньги, а мясо шло на еду.

В 1939 году во время очередного обыска на потолке нашли чечевицу. Заявили, что конфисковывают её в счет уплаты налога. Дед схватил мешок и стал высыпать чечевицу в навоз, приговаривая: «Ни мне, ни тебе, ни советской власти». Тут уж без наказания не обошлось.

Из Белоруссии писал письма. Говорил: «Тут жить можно. Колхозов нету, лошади дешёвые. А будет лошадь, прокормимся». В июне 1941 года Бобруйским горвоенкоматом Чеботарёв Павел Филиппович был призван на фронт. Первое ранение получил под Сталинградом. Лежал в госпитале в Балашове. Она ездила к нему. Там и сфотографировались. Эта фотокарточка – всё, что осталось у неё от деда. Бабка увеличила её и повесила над кроватью. Говорил ей: «Вот привезла бы пять килограмм сливочного масла, и меня бы комиссовали». Бабушка часто рассказывала мне эту историю, было видно, что она не давала ей покоя. И всегда с горечью, как бы оправдываясь, добавляла:

– Да где ж я б взяла ему эту маслу! Я желудями да картофельной кожурой ребятишек кормила.

Потом тяжёлое ранение в Крыму, снова госпиталь и опять передовая. Четыре долгих года похоронка обходила её дом. Она молилась истово, со слезами. После Победы ждала его домой. Но в июне сорок пятого почтальонка принесла злосчастный треугольник. 23 апреля погиб в предместье Берлина. Запомнила место: Кенигсдамм.

Через станцию Мучкап проходили эшелоны с пленными немцами из-под Сталинграда. Она с соседками, такими же солдатками, носила им по ночам еду. До Мучкапа десять километро: надо быстро сбегать, утром на работу. Пленные тянули из вагонов руки и просили хлеба. Подавали, что было: хлеб, картошку. Моему святому негодованию не было предела:

– Ты хоть понимаешь, что ты делала? Ты ходила помогать врагам, фашистам. Ты сама и есть предательница. Дед воюет. А она врагов кормит.

Бабка смотрела на меня робко и опять, как бы оправдываясь, говорила:

– Ну они ить люди, они йисть хотели, думала, можи и мово хто покормить.

Письма дед писал часто. Но ничего не осталось. Опять дядья искурили. Всё про ребятишек спрашивал. В каждом письме наказывал: «Как бы тяжело тебе ни было, в колхоз не всходи».

– А я уж к тому времени взошла, – винилась она. – А как вступила, в ночь сон мне приснился. Надели на меня хомут, он жмёт, я задыхаюсь, а снять не могу. Проснулася вся в поту. Кричу в голос: «Прости, отец», – а что сделаешь, я б детей одна не подняла. Ему не сказала. Так он и не узнал.

Помню, когда в нашем храме собирали подписи в защиту мира, бабка всегда отказывалась подписывать. Говорила: «Неграмошная». Я возмущался:

– Но ты ж за пенсию расписываешься, а тут почему не можешь? Может, ты против дела мира?

– Боюсь, как бы за коммуну не подписаться.

Она не любила девятое мая. На улицу в этот день не выходила. Смотрела на праздник из окна. Как шли ветераны с медалями.

– Мой лежит, а эти вернулись, да их ещё и потешают.

Первый раз вдов в нашей деревне поздравили в год сорокалетия Победы. Ей подарили платок и пакет с продуктами. Платок был с красивыми узорами в зелёных тонах. Шерстяной. Он лежал у неё в сундуке на самом верху. К пенсии в тот год ей добавили три рубля за деда. Соседке бабе Лиде добавили пятёрку: у неё муж был сержантом. Бабка робко спрашивала:

– А что ж мне-то не дали? Мой в письмах писал, что тоже вроде сержант.

Баба Лида смотрела на бабку насмешливо, свысока:

– Да ты что, Стенька, в уме? Мой Семён семилетку окончил, а твой Пашка пенёк, тепина безграмотная, нашла с кем сравнить.

Бабка опускала глаза, она никогда не говорила ей поперек. Баба Лида была человек в селе уважаемый – портниха. Всю власть, и сельскую, и районную, обшивала. Трёх дочерей одна подняла, всем образование дала высшее. Бабка не смогла дать образование никому. Двое старших в Москву вырвались на стройки послевоенные. Дальний родственник дед Митька на год получил печать в сельсовете и выправил им документы, чтоб из деревни уехать смогли. А младший, мой отец, всю жизнь топором промахал плотником колхозным. Как мне было горько и обидно за бабку! Она такая хорошая и добрая, никогда никому не может слова дурного сказать, всегда промолчит, всё перетерпит. Меня возмущала эта её безропотность, её унижение перед соседкой. Почему не может за себя постоять? Я думал, вот вырасту и обязательно докажу, что дед был сержантом и никакой он не пенёк. И перед бабкой обязательно извинятся и выдадут ей пять рублей, и она будет гордиться и дедом, и мной. И вся деревня узнает об этом. И замолчит пристыженная баба Лида. Опустит глаза. И не посмеет больше так обижать бабку. Я вырос, я нашел документы, бабушка: твой Пашка был сержант, старший сержант, а ещё герой, кавалер орденов и медалей, которые получил за смелость и дерзость в борьбе с врагом, воюя за тебя, за детей, за свою далёкую Луневку, куда хотел вернуться обязательно с лошадью, о которой так мечтал и с которой все бы вы точно не пропали с голоду. Он с честью упокоился в предместье Берлина Кенигсдамме в братской могиле первым справа во втором ряду… Слышишь ли ты меня, бабка? Гордишься ли нами?

* * *

Зарабатывала бабка валенками. Валяла по ночам. Но свалять – полдела, надо было ещё умудриться их продать. Собирались большими артелями человек по пятнадцать и шли за семьдесят километров в Балашов. В поезд нельзя

садиться. Милиция ловила, валенки отбирала, штрафовала за спекуляцию. Да и на базаре было страшно.

– Раз расторговалась, осталась последняя пара. Подошла женщина, говорит: «Сестре вот хотела купить, она сейчас дома, пойдём, тут недалеко, всё равно ты торговлю кончила». (Наблюдала она, видать, за мной, скумекала, что есть у меня деньги.) Подошли к дому. Через забор вижу: мужик здоровенный на порог подымается. Жутко мне сделалося, страх напал. А провожатая в дом тянет: «Пойдём, чайкю попьёшь на дорожку». Дала один валенок: «Иди примерь, а я тут постою на улице». Уж как она меня уговаривала, упрашивала. Я с места не двинулась, говорю: «Тут обожду. На народе». Она пошла было, а потом кинула мне валенок в ворота, прошипела: «Ух, хитрая», – и дверь захлопнула. Кинулася я со всех ног бежать. Сама думаю: вот ведь уберёг Господь.

Старший сын Федька уже был работником и во всём помощник. Потихоньку справлялись. Без него было б совсем туго. Кормилец. В 1944 году в семнадцать лет пришла и ему повестка на фронт. Как жить, как детей кормить, все глаза прокричала. По осени потянулись из села подводы, запряжённые быками, в райцентр. Везли зерно на железнодорожную станцию. На одной из подвод Федька. Тут и пришла ему в голову страшная мысль: не довести одну до Мучкапа. Ссыпать во дворе. Дело это было опасное – соседу срок дали за бутылку пшеницы: не утерпел, принёс домой ребятишкам тюрю сварить. А тут – целая подвода. Шутка ли! Она отговаривала его:

– Сынок, боязно.

– Мать, что на войне погибнуть, что в тюрьме сгинуть, может, хоть вы выживете.

Готовились к этому делу загодя. Яму решили рыть в сенцах под кроватью. Полы земляные. Копали всей семьёй ночами. Землю относили понемногу ведрами в огород, чтоб, упаси Бог, соседи не заметили. Зерно засыпали в ночь перед самой отправкой Федьки на вокзал, положили сверху два слоя самана, припорошили землей, утрамбовали как следует. Через два дня обыск. Обнаружили недостачу:

– Куда зерно девали?

Бабка отнекивалась:

– Видать не видали, ошиблась учётчица.

Федька далеко, спросить не у кого. Начали обыск. Весь двор прошарили, стали штыками землю ковырять. Кровать отодвинули. Тычут.

– Есть, – кричит оперативник. – Легко пошёл. Свежая земля.

У бабки сердце остановилось, в глазах потемнело. Нашли. Пропали они. Тут штык вошёл в плотный слой самана и остановился.

– А, нет, твёрдо, ничего нету, – услыхала она.

Благодаря этому Федькину зерну и прожили они три голодных года. Молола на камнях понемногу да варила кулеш. Добавляла желудей, лебеды. Сестра иногда передавала снятое молоко, почти водичку, им заправляла похлёбку. Так и продержались.

* * *

Под кроватью у бабки стоял большой коричневый чемодан, запертый на ключ. Все знали, что там она собирала всё, что потребуется на смерть. Сколько себя помню, мне всегда хотелось посмотреть, а что на эту самую смерть требуется. Но бабка строго охраняла свою тайну и к ней никого не допускала. Ключ прятала где-то в недрах своего огромного сундука. Когда она уходила, я пытался отыскать ключ, но у меня ничего не получалось. Я несколько раз просил показать мне, что там, в этом чемодане, но она лишь отмахивалась и сердито говорила:

– Отстань ты от меня, я ж не лезу в твои дела, вот и ты ко мне не лезь.

Однажды бабка сильно заболела. Слегла, попросила сбегать за фельдшерицей тётей Надей. Ей сделали укол, ехать в больницу в Мучкап она отказалась:

– Куда мне ехать, дома помирать буду.

Вот тогда-то и доверила она мне свою тайну. Когда мама и папа ушли на работу, она заговорщическим голосом позвала меня, велела открыть сундук, достать со дна стёганую безрукавку и взять из её кармана ключ. Я с трепетом вытащил из-под кровати чемодан, и бабка открыла его. В нём лежали её вещи. Новые, ненадёванные. Юбка, кофта, платок, тапки, тюлевое покрывало и маленькая белая подушечка, набитая сеном и украшенная сверху пришитыми чёрными матерчатыми крестиками.

– Как я помру, – говорила она, – обмоють меня бабка Вера с бабкой Настей и обрядють. Положуть на лавку, которая у нас в сенцах стоит. Вот этими двумя оборочками мне руки и ноги свяжут, чтоб лежали ровно на месте. А ты гляди, чтоб всё делали, как я приказываю. Мать с отцом ничего не понимают. В руки рукописание дадут, – она показала мне чёрно-белый листок, испещрённый таинственными буквами, от которого отрезала ножницами верх с тремя иконами. – Это на лоб положишь, а бумагу в руки.

Я увидел, что в бумагу бабка своими каракулями вписала имя Степанида. Напечатанные буквы были непонятными, очень блёклыми и расплывчатыми, прочесть их я не мог.

– А зачем тебе эта бумага, что в ней?

– Без неё в рай не примут. Иконку Божией Матери на руки положат, её будут целовать. Как все простятся, ты её забери, отнеси в церковь и поставь у канона до сорокового дня, потом возьми домой – память тебе будет обо мне. Как гроб закрывать начнут, ты первым делом проверь, чтоб ноги и руки мне развязали, а то забудут, и буду я там плакать связанная. Самой на энтом свете мне верёвок не снять. Как я там буду спутанная.

Я живо представлял, как бабка будет заливаться слезами и просить о помощи, а помочь ей уже никто не сможет, если не развяжу эти две веревки.

С тех пор мы вместе каждый год перебирали бабушкин чемодан. Закрывали дверь на засов, чтоб никто не вошёл, и тихонько начинали это действо. Как ждал я этот день, у меня почему-то перехватывало дыхание и колотилось сердце. То ли от этого её неторопливого священнодействия, то ли от доверия, которое она оказывала только мне одному. А бабушка в который раз повторяла всё, за чем

мне надо последить. От кулёчка ладана и пучка самодельных восковых свечей чемодан источал невероятное благоухание, воздух в доме в тот день наполнялся удивительным ароматом, который я помню до сих пор. О смерти она говорила буднично. Я понял, что умереть - это просто, как выйти в другую комнату. Главное, чтоб был человек рядом, который не забудет развязать ноги и руки.

* * *

Бабка любила ходить на деревенские свадьбы, слушать, как кто прибасает. Частушки сыпались одна за другой. «Откуда они их столько знают, - удивлялся я, - сами сочиняют, что ли?» Тётя Валя только споёт, а у тёти Мани уже есть ей ответ. И так дуэль длилась до тех пор, пока ноги не откажутся плясать.

- А Манька Вальку уделала всё-таки, - радовалась бабка. - Во оторвяга, палец в рот не клади.

- Какая оторвяга, - кокетничала тётя Маня, - мне уж пятьдесят годов, по поминкам надо ходить, а я вот все по гулюшкам.

Все захохотали. Тут вышла посреди круга тётя Дунька Кузюнина. фигура в деревне известная: и выпить любила, и матерочком запустить. Смешно вскинула руки, растопырила пальцы:

- Я гуляла, гуляла, душа моя чиста, я любила сто попов и монахов триста.

- Ооооо, - пропела бабка, - ну и прибаснула, послухать нечего. Пойдём, сынок, отседова.

По телевизору смотрела только народные песни и пляски. И чтоб песни играли по-тадышнему. Как только на экране появлялся Ленин или Сталин, сразу тихонько уходила. Иногда слушала Брежнева. Говорила:

- Мой одногодка. Я уж на пенсии давно. А он всё выступает. Это в колхозе работать тяжело, а на его месте можно до ста лет работать.

Иногда тётя Аня присылала из Москвы посылки. Там были апельсины, сгущёнка, сухая колбаса. Всё это съедалось быстро, а конфеты предназначались только мне. Бабка прятала их и выдавала строго по две штуки в день. Никакими капризами, никакими уговорами невозможно было заставить её нарушить своё правило. Время от времени в сенцы приносили странный деревянный ящик, заполняли его снегом. Бабка ставила на плиту огромный чугун с трубой, соединяла его с ящиком, обмазывала щели тестом и растопляла печку. По дому распространялся резкий запах. Мне объясняли, что варится каша, но я уже прекрасно знал, что они гонят самогон. Отец со стаканом уже стоял у трубочки с ниткой, по которой тонкой струйкой стекала мутноватая жидкость. Бабка недовольно смотрела на него:

- Гляди не напробуйся. День ясный, скотины полон двор, а он уж пробвыить.

Вот тут и наступал мой час. Я выходил на крыльцо и, если она была рядом, глядя в глаза, начинал громко по складам декламировать: «А у нас бабка го – нит са – ма – го…»

- Что ты, что ты, - испуганно бормотала бабка. - Зайди домой, замолчи ради Христа.

И я ел конфетки вдоволь. Получал разрешение на всё. И думал: «А жалко все-таки, что самогон гонят так редко».

Иногда, напробовшись самогону, отец начинал ругать бабку. Всё детство ему испортила. Бросали детей на деда, а сами на сусликов. В колхоз не всходили. Кому чего доказать хотели. Всё им советская власть плохая.

– И когда беременная мной была, в ларь полезла за зерном, перегнулась, ухо мне защемила. Родился изуродованным по твоей милости.

Бабка всегда молчала и не отвечала ни слова на его упреки. Чего с пьяным говорить, как об стенку горохом. Два дурака в одной избе не бывает. Раздражённый её молчанием, отец начинал требовать пенсию, которую бабка хранила у себя под матрасом:

– Живёшь у меня на всём готовом, а денежки Нюрке с Федькой везёшь в Москву.

Тут бабка тихо, уверенно и спокойно говорила:

– Это мой дом, я в нём хозяйка. И хлеб даром у вас не ем, работаю с утра до ночи.

Как я всегда боялся таких разборок! Весь сжимался в комок. Было видно, что мать хоть и молчит, но отца поддерживает. Однажды и она высказалась про наболевшее:

– Вот и ребенка, мама, настраиваешь. Из школы приходит, только дверь откроет, кричит: «Бабушка». А мы с отцом уж и никто.

Только после этого стал замечать, что, заходя в дом, первым делом и правда зову бабушку. Раньше и в голову не приходило.

* * *

Жили мы напротив старой деревянной Никольской церкви, уцелевшей в тридцатые и открытой по ходатайству безутешных вдов и матерей в 1946 году. Но её я не помню. Церковь сгорела, когда мне было всего полтора года. Стояла изнуряющая жара июля семьдесят второго. Горели торфяники. Дышать нечем. На улицу днём никто не выходил, село казалось необитаемым. Я, пухлый карапуз, мучаясь от зноя, плакал и капризничал. Бабка налила воды в маленькое корыто, стоявшее под невысокой берёзкой, посаженной в палисаднике в год моего рождения, и окунула меня в него. Вдруг из церкви повалил густой чёрный дым. Среди белого дня загудел колокол. Безлюдная деревня ожила. Все бежали к храму с лопатами, топорами, ломами… Быстро выстроилась живая очередь к колодцу, и люди, передавая вёдра с рук на руки, попытались залить пламя. Но было уже слишком поздно – стихия бушевала вовсю. Языки огня вырывались из окон. Бабка попросила двух пробегавших парней взять у дома лестницу и снять огромную надвратную икону св. Николая. Икона почиталась в селе чудотворной, и лишиться её было делом немыслимым, настоящей трагедией. Парни с трудом оторвали образ от деревянной обшивки и спустили на землю. Бабка принесла икону домой и поставила в маленькой саманной пристройке на небольшой резной подставке, которую называла угольником. Я любил подолгу рассматривать этот образ. Во

всё стекло по диагонали была большая трещина: лопнуло, когда отрывали от стены, объясняла бабка. За спиной у святителя виднелись многочисленные крытые соломой дома. Я уже знал, что это наше село, ведь он покровитель и защитник Луневки. Иногда, в праздники, бабка открывала круглый навесной замок и пускала в саманку старух в белых платочках, они умилительно пели и читали перед нашей иконой молитвы. После службы пили чай, и бабка в который раз начинала рассказ про страшный пожар, как металась она возле дома, не зная, что делать:

– В густой траве в палисаднике споткнулась о брусок, упала, встаю, гляжу, а это лестница. Откеда она взялася, сроду её тут не было. Лёнька либо на чердак лазил ды бросил. Я, не будь дурой, шумлю: «Ребяты, бяритя лестницу, сымайте икону». Они схватили, бегут, я за ними. Залезли, рвут, рвут, никак не выходит. А огонь прям вот он. Кое-как отодрали. Только сняли, и стена рухнула. Ещё б чудок, и беда была.

Все хвалили бабку за то, что не растерялась и спасла чудотворную икону для всего луневского обчества. Бабка склоняла голову, опускала глаза и сосредоточенно, разглаживая обеими руками белую праздничную скатерть, терпеливо выслушивала похвалы в свой адрес. Было видно, что это доставляло ей удовольствие.

– Тебя Матерь Божья надоумила, не иначе, – говорили старухи.

– Может, и Матерь Божья, а может, и сам святитель Николай, тут ить щас разви угадаешь.

– Может, и так, — соглашались разумные старухи.

Я гордился бабкой, её подвигом. Радовался, что святитель Николай, которому молится вся деревня, стоит не где-то, а у нас дома, под замком, и к нам, а не к кому-то ещё собирается всё село. Однажды я увидел, как пришли две незнакомые женщины в чёрном, и бабка открыла им саманку. Но молитв в этот раз я не услышал. Таинственные гостьи, подложив под руки полотенца, взяли образ, подняли, вынесли и с пением пошли прочь из нашего дома.

– Бабушка, – закричал я, – куда они его уносят?

– Тише, тише, сынок, церкву открывают, он опять подымется над селом.

Я рыдал в голос:

– Бабушка, не отдавай.

– Что ты, что ты! Мария Константиновна прозорливая, вот она и сказала, что наша церква с этой иконой будет стоять до второго пришествия. Ничего с ней больше не сделается.

Наш храм ограбили – вынесли все старые иконы, спасённые когда-то жителями из сгоревшей деревянной церкви; иконостас из тёмных намоленных многими поколениями образов разобрали и заменили яркими картинками на фанере. И только святитель Николай смотрит со своей высоты и по-прежнему хранит наш храм и Луневку, всех её уцелевших немногочисленных обитателей до второго славного пришествия Христова, как ты и обещала, бабка.

С открытия церкви в 1976 году вся жизнь Луневки изменилась. Село наполнилось незнакомыми людьми: старухами и стариками с добрыми благостными лицами, в кирзовых сапогах, с сумками через плечо; по праздникам шли они по дорогам со всех концов села к храму, а вечером просились на ночлег. В нашем

доме всегда останавливалось человек пять-шесть. Были они неприхотливы, спали на полу, бабка подавала им обжаренную картошку, политую постным маслом, посыпанную крупной солью и репчатым луком. В тарелке стояла квашеная капуста, которую бабка для скусу всегда посыпала пясочком. Это был её фирменный кулинарный рецепт. Когда мне не нравилась какая-то еда и я капризничал: «Не вкусно», – она всегда ласково говорила:

– А ты, Серёженька, посыпь её пясочком, сладко будить, обьйисси.

А потом бабка повела меня в новую церковь. Это был обыкновенный кирпичный дом, почти как наш, только сверху приделаны небольшая луковица и выкрашенный серебряной краской деревянный крест. Рядом, на перекладине, подвесили большой кислородный баллон, гильзу и уцелевший от сгоревшей церкви колокол. Старенький Василий Васильевич подходил к ним, брал в руки две железных палочки – пальцы от гусениц трактора – и начинал выводить мелодию. Весёлую, почти ту, под которую пели частушки тетя Маня и тетя Валя. Бабушка всегда умилялась его трезвону:

– Во как выводит, хоть пляши.

После недолгих уроков Василий Васильевич разрешил сыграть на колоколах и мне. Старухи окружили звонницу. Баба Женя стала тихонько подпевать в такт мелодии: «Сергей поп, Сергей поп, Сергей дьякон и дьячок, вся деревня сергеевна…» Мне эта частушка очень не понравилась. «Какой я вам поп», – обиделся, бросил железки на землю и ушёл.

– Молодец, – сказала бабушка мне в утешение, — ловко у тебя выходит. Как помру, провожай меня таким трезвоном до кладбища. Прям до самой могилы звони, чтоб они все позавидовали.

* * *

Тот вечер я запомнил на всю жизнь. На улице было холодно, промозгло, как будто это не юный апрель, а поздняя унылая осень. Числа не знаю. Уже стемнело. Пододевшись потеплее, мы с бабушкой сидим около нашего дома на скамейке. Вернувшись со стояния в Великий четверг, она пересказывает мне события этого дня. Время от времени неторопливый рассказ перемежает обычной своей присказкой: «Теперь чаво же, ага», – это делает его каким-то задушевным и очень личным, так она обычно рассказывала мне события своей нелегкой жизни.

– Щас, сынок, Его ищуть. Взяли вилы, колья, факела, идут, шумят. А ведёт их Иуда, предатель, они ему заплатили. А Он с учениками хоронится в саду. Молится о Чаше.

– А в каком саду, бабушка?

– Ну в каком, каком, конечно же, Марфуткином, каком же ёще-то? Большой сад, темнай, густой, заблудишься какой сад. Вот они и идут с факелами, под кажное дерево заглядывають, все кусты осматривают, ищуть.

Я со страхом смотрел на этот сад, огромным пятном черневший на другой стороне нашей улицы. Я боялся ходить туда один: сад казался мне жутким и зловещим. А ещё там бродила, я сам это видел, высохшая старуха Марфутка, у которой совсем не было зубов и волочилась одна нога, она пыталась поймать

ребятишек, которые пробирались в её сад за вишней или яблоками. Но зачем Он пришел туда, да ещё и темной страшной ночью? А бабушка продолжала:

– Нашли, нашли, вот они все, тута. В потёмках поди разберись, кто иде, кто апостол, кто Господь. А тут Иуда взял и поцеловал Спасителя. Его и арестовали. Связали и повели. А все как кинутся бечь. Кто куды. Только Петр один не кинулся, покрался за ними край деревьев, чтоб не заметили. Крадётся, крадётся, а сам боится, кабы не увидали. Теперь чаво жа, ага. Привяли на двор к священнику. А холоднО, руки с пар сошлися. Вот он к костру погреться. Просит: «Пустите ради Христа, озяб я дюже». А служанка и говорит: «Подходи, погрейся. Откуды ты тут, чтой-то незнакомая мне твоя личность. Ты не из сада, не из этих? Не был с Ним?» – «Что ты, что ты, я мимо шёл, холодно, озяб весь». А Христа уж тут выводють, вядут в притвор.

– Куда ведут, бабушка? – спрашиваю я.

– Ну в сеньцы по-нашему, а по-ихнему в притвор. И тут Господь, побитый весь, в крови, оборваннай, Он обярнулси, обярнулси и глянул на него со двора. Прямо в глаза глянул. Его так и прожгло до самых костей. Эх, как Петр кинется бечь, бегеть, плачет, рыдает: «Чего ж я натворил, еще даже петух не запел, а я уж отрекси», – весь он обкричалси, беднай: «Господи! Прости мене, сам не знаю, что на мене нашло и как всё так получилыся».

Затаив дыхание, слушал я рассказ и во все глаза смотрел на этот сад и понимал теперь, почему так боюсь ходить по нему, оказывается, там обитает не одна злая Марфутка, которая, конечно, тоже арестовывала Спасителя, но и Иуда, и ещё какие-то бандиты с кольями, вилами и топорами. И вдруг я почувствовал из глубины этого темного сада взгляд. Я не видел физически Того, кто посмотрел мне в самое сердце, но я ощутил Его так явно, что никаких сомнений быть не могло. На меня пристально, зорко и пронизывающе смотрел Тот, кто прятался там под старым развесистым деревом. Стали совсем не страшными Марфуткин сад и тёмная ночь. Я вдруг подумал, какой я счастливый, что у меня есть такая красивая и добрая бабушка, брат, мама и папа, собака Амур, которая сейчас жмётся к нашим ногам, так меня понимает и так мне предана. Почувствовал, как всех их я люблю, как хорошо нам вместе сидеть тут, обнявшись, и это благодаря Тому, кто смотрит на меня из тьмы Марфуткиного сада и тоже с нами в этом общем счастье. Потеплело на улице и в душе, хотелось молчать и сидеть тихо-тихо, чтобы не отпугнуть Его и не потерять этого взгляда. У меня хлынули из глаз слёзы, но совсем не привычные слёзы обиды или боли. Это были неведомые раньше слёзы умиления и любви. Как же хорошо! Я прижался к бабушке. А она вся светилась необыкновенной улыбкой, которую не могла скрыть ночь, гладила меня по голове и тихо приговаривала:

– Не плачь, не плачь, сынок, он ить завтра воскреснить.

С тех пор прошло много лет, целая жизнь. Не было в ней дня, когда бы я не возвращался к тому апрельскому четвергу у старого сада. Числа я так и не знаю. «Но с этого дня Ты светом и воздухом стал для меня». Я терял этот взгляд, иногда на годы. И всякий раз, когда казалось, что навсегда, сквозь темноту доставал меня тихий свет со скамейки из детства, и я почти наяву слышал: «Не плачь, не плачь, сынок, он ить завтра воскреснить». Спасибо тебе, моя жаланная.

* * *

Когда я уезжал на учёбу, бабка всегда провожала меня до остановки. Покрывала чистый платок, брала свою палку и шла рядом, не отставая. В карман совала кулёчек конфет.

– Возьми, возьми, дорога дальняя, а ты нет-нет, да достанешь. Съишь – и дорога веселее.

Автобус трогался, я махал ей из окна. Она не махала в ответ. Стояла, опершись на палку, и глядела вслед. Сколько я ни оборачивался – всё стояла.

А потом была эта страшная телеграмма: «Бабушка умерла. Срочно приезжай». Домой добрался только к вечеру. Бабка лежала на той самой лавке из притвора, которую уже занесли в дом, одетая во все свои наряды из смертного чемодана, со связанными руками и ногами. Шерстяной зелёный платок так и остался лежать в сундуке. Неразвернутым. Лицо её было бледное, осунувшееся, неестественно заострился нос. Читали псалтирь. У гроба, вся в чёрном, сидела тётя Аня:

– Как же она тебя ждала, Серёжа. Всё время спрашивала: «Ну что ж он так долго едет-то?» Отец сказал ей, что вызвали тебя, а сам телеграмму отправлять не велел. «Нечего, – говорит, – с учёбы срывать мальчишку». Она без сознания была последний день. Перед самой смертью пришла в себя, прошептала: «Серёжка приехал?» Ей сказали: «Нет ещё». Она отвернулась к стенке, губы у неё скривились, как будто горькую чашу поднесли, громко вздохнула: «Ээээхх, что ж так долго-то?» Потом полежала немного, вытянулась, как струна, и отошла.

На столе осталась раскрытая книга. Поперёк страницы её очки с резинкой вместо сломавшихся душек. Я взглянул на текст. Робинзон всё ещё оставался на своем острове.

Вынесли её на рассвете. Как приказывала. Гроб с трудом прошёл в узкие надворишные двери. У коровьева падворока мужики, сняв с плеч, опустили его на две крашеные самодельные табуретки.

Старательно выговаривая каждое слово, зазвенел высокий голос певчей Марфуни: «Подаждь, Господи, оставление грехов всем прежде отшедшим в вере, надежде воскресения отцем, братьям и сестрам нашим, новопреставленной Степаниде со сродниками…» Тяжело переставляя ноги, вышла на шум корова, испуганно сбились в клубок у загородки овцы. Телёнка с вечера закрыли в катухе на задвижку: молодой, разбазыкается, ещё гроб опрокинет.

Вспомнил, как бабка ворчала на отца:

– Опять воду ледяную налил телку, что ж ты делаешь-то, Лёнька, аишь трудно страстить? Вон чайник огнянный на плите, плесни, руки не отсохнуть.

– Что ты, мать, во всё лезешь? Лежишь вон и лежи, всё тебе надо. И так хорош, и такую выпьет, – бормотал отец, упрямо наливая в ведро холодную воду из уличной колонки.

В последний год бабка носила пойло телёнку сама. Вставала, крошила в старый перекошенный полуведерник с тёплой водой ржаного размоченного хлеба (всё посытнее) и шла. Медленно, с остановками, опираясь на высокую не струганную палку – пока были силы, упрямо исполняла она свою последнюю работу.

Мужики протянули под гроб две длинные утирки, перекинули их через плечи, намотали на запястья рук, осторожно подняли. «Свяатыый Боооже, Свяа-

тый Крееепкий…» За деревянной стеной хлева послышался топот, все поняли, что телёнок шёл провожать её. Сделал несколько шагов и упёрся в глухую стену своего катушка. Было обидно. Корова видела её, овцы, чужие люди, все смогли проститься, а он остался за глухой деревянной стеной. Двор огласило жалобное, низкое, из самой груди мычание… А гроб уже выплывал со двора на улицу. «… Свяатый Безсмертный помилууй нас…»

Всю Литургию гроб стоял в храме. Потом отпевание. Включили паникадило.

– Большая честь, – шептались старухи, – заслужила.

Как она и просила, я бил в колокол-баллон, пока не одеревенели руки и процессия не подошла к самому кладбищу. Когда меня подвели к ней, все уже попрощались. Я поднял покрывало. Руки и ноги были развязаны, оборочки лежали тут же, в углу. Я поцеловал иконку на груди и покрытый венчиком холодный лоб. Запричитала бабушкина сестра бабка Аниська:

– Дорогая моя сестричка Стеня. Улеглася ты в своём новом домочке. И ничегошеньки ты мне не скажешь, не прикажешь. И как ты такую думушку обдумала, и ни с кем ты, моя рОдная, не посоветывалася. А увидишь ты тама мово сыночка Колю, скажи, как его маме тута без него плохо. И как я тут все глазки свои прокричала…

За всё это время ни одна слеза не упала из моих глаз. Вот уже застучали глухие удары сначала молотка, а потом и комьев глины о крышку гроба, а я всё стоял, окаменевший. Подошёл брат:

– Серёж, ты поплачь, тебе, правда, легче будет. Бабушка тебя больше всех любила.

После поминок вечером оделся и вышел на улицу.

– Ты куда? На кладбище? Не ходят туда на ночь глядя. И вот чего, ты нас с матерью не суди, мал ещё, не видал ничего в жизни, мы о тебе думали. Бабушка свой век прожила, восемьдесят лет с лишним, всем бы так. Мы её ни в чём не обижали. В тепле жила, в чистоте, сыта, одета. Довольная, всем соседям говорила, как за мной ухаживают, всем бы так доживать. Ну сдёрнули б тебя с учебы, и чего хорошего. Ты о себе побольше думай. Никуда не пойдёшь. Раздевайся, иди полежи.

– К Мишке обещал зайти. Я недолго.

Домой вернулся поздно. Но никто ещё не ложился.

– Где ты шляешься? У Мишки и свет в окне давно потух.

– Мы с ним по улице прошлись, пап, все нормально.

Отец скользнул по мне взглядом и остановил его в ногах. Я наклонил голову посмотреть, что не так. Колени моих новых брюк были ярко-желтыми от прилипших к ним комьев свежей глины. И тут, наконец, слёзы накрыли меня. Я побежал в комнату, рухнул на свой старый диван. Как и десять лет назад, зарылся лицом в подушку, закутался одеялом. В голове метрономом стучало: «Не придёт утром бабка…»

Мария ЗНОБИЩЕВА

Неба горячий осколок

Стихи

* * *

Луч из окна – как белая тропа,
Но мама смотрит пусто и устало:
– За маму съешь, и съешь ещё за па...
Качнулась ложка. Мама резко встала.

Вчера повесили большой портрет,
Он не в рубашке там – в чужой одёжке.
Вчера сказали: «Папы больше нет»
И дали орден подержать в ладошке.

Кому сказать? Снежинкам? Облакам?
Закутанной в кулёк сестрёнке Ире? –
Как холодно вдруг сделалось рукам,
Как пусто стало в комнате и в мире.

Одни кричат, что дальше – только свет,
Другие уезжают, третьи – плачут.
На ёлке огоньки. А папы – нет.
У всех, навеки... Вот что это значит.

* * *

В ночь перед переписью люди
Рекой стекались в Вифлеем,
Кто на осле, кто на верблюде.
Ночлег нашёлся, но не всем.

Как после долгого хожденья
Приюта жаждала чета!
Но всякий час перед рожденьем
Сопровождает суета.

Когда в предвечный час вечерний
Звезда лучом касалась крыш,
Держатель старенькой харчевни,
Смеясь, подсчитывал барыш.

И до сих пор в преддверье чуда
В ночных гостиницах темно:
Мы тонкие готовим блюда,
Мы пьём искристое вино,

Мы от работы отвыкаем,
Мы покрываем окна льдом
И не пускаем, не пускаем
Жену рождающую в дом.

Увы, на наших мониторах
Не засияет звёздный крест.
Мы те гостиницы, в которых
Сегодня нет свободных мест.

Сирени по дворам

По росе до первой сини
Во сиреневом саду
Ночевала птица Сирин,
Словно чуяла беду.

У последнего предела,
Там, где корень в землю врыт,
То ли билась, то ли пела,
То ли плакала навзрыд.

То ли синие чернила
Стыли в воздухе густом,
То ли сердце хоронила
Под сиреневым кустом?..

А цветы в саду шумели,
Стлали розовый покров,
Рифмовали, как умели,
Красоту, любовь и кровь.

Так, наверно, в сорок первом
Было тесно всем цветам,
Сгусток неба так, наверно,
Закипал то здесь, то там…

...Вот опять, опять распорот
И слепит, как мир иной,
Каждый двор и каждый город
Стороны моей родной.

Лоскутки

Фраки выцвели, вылиняли сюртуки,
Отшумели шелка, и осыпались перья.
От нарядов остались одни лоскутки,
И, как в детстве,
колдую над ними теперь я.

Эта замша для летних небес хороша,
Изумрудный сатин
пригодится для рощи,
Тело будет из ситца, из хлопка – душа,
Наше время неброско:
тем лучше, чем проще.

Лоскуток ренессанса в квадрате окна,
Незабудка надежды на фартуке мамы,
Над дисплеем,
погасшим на слове «война»,
Постмодерн
одичавшей контекстной рекламы.

Шить обновы и не к чему, и не с руки,
И без нас, горемычных, нашито немало.
Собираю заплатки, ищу лоскутки –
Чтобы внукам и правнукам
шить одеяло.

Сон о последней минуте прадеда

Нет, он это не в агонии орал,
Горький воздух окаянным криком руша.
Это памяти серебряный хорал
Выходил аккордом порванным наружу.
Он не мороку последнему кивал,
Травы комкая сильнее и суровей,
А глаза родные жадно целовал,
Пряди русые, надломленные брови.
И планеты не покинули орбит,
И стрижи не прекратили круговерти…
В донесении написано: «Убит».
В примечании означено: «Бессмертен».

* * *

Далёких мест земное волшебство
Влечёт побыть с собой наедине –
В тот город, где не знаю никого
И где никто не знает обо мне.

Они поют, такие города,
Как мартовские жёлтые чижи…
Как сладко затеряться иногда
В садах многоголосых и чужих!

Не тороплюсь – там не прийти домой:
Мой дом везде, где воздух как слеза.
Но через день, другой, шестой, седьмой
Я по привычке всем смотрю в глаза.

Ищу следы сражений: мрак и свет.
Но там идёт подлёдная игра.
Они молчат, им вовсе дела нет
До моего замёрзшего нутра.

И я беру обратный – навсегда
В свой круглый рай,
в свой город без углов,
Где закипает вешняя вода
И любопытство пылко,
как любовь.

Там скажут, то калеча, то леча,
Чем помыслы мои нехороши…
И нежно снимут волосок с плеча,
Пушинку с платья,
Давний грех с души.

* * *

Весь порядок теперь – в беспорядке,
Скоро, скоро – ручьи и дожди.
Медуницы, пролески, хохлатки –
Синеглазый народец, приди!

От сосны – по-весеннему рыжей –
В небо нежное вьётся дымок.
Из-под снега, ссечённого лыжей,
К солнцу выбрался заспанный мох.

Нет, не весело и не легко мне,
Но душа не за этим живёт.
Потому и вонзаются корни
В синий морок, в серебряный лёд.

Точки

Если, точку поставив, руки не отнять,
То чернильная капля вскипит, как смола.
И ещё потерпеть, и помедлить опять –
Чтобы точка заплакала и потекла.

Так слезится, сужаясь, полуденный зрак,
Так лицо искривляется дрогнувшим ртом,
И рождается новый неведомый знак,
Тёмный-тёмный вначале, прозрачный – потом.

В этой точке последней, у чёрной черты
Плачьте, плачьте, пожалуйста, все, кто лучист!
…Мы обугленным точкам рисуем хвосты,
И они запятыми ложатся на лист.

* * *

Просыпаться, выдумывать поводы,
Чтоб сильней оттолкнуться от дна…
Слёзы лишние, долгие проводы –
Только так и приходит весна.

То, как девочка, бегает в салочки,
То замрёт, притворится большой,
То потянется взглядом русалочьим
За какой-нибудь робкой душой.

И, впадая в прекрасные крайности,
Словно в реку входя наугад,
Чуешь сердцем, отвыкшим от радости,
Этот смех, этот свет, этот взгляд.

* * *

От всего остаются слова –
Колокольчики в тёмном овраге.
Не тоскуй обо мне: я жива
Всё равно только так – на бумаге.

Мне из памяти не удалось
Вынуть неба горячий осколок.
Это – я, а у глаз и волос
Век стрекозий пуглив и недолог.

Этот мир, отворённый войне,
Выбирает сюжет покороче.
Ничего он не сделает мне,
Я смотрю ему в самые очи.

* * *

Сирень суха. Май уходящий кроток,
и ясен путь, и горизонт сердит.
Я подхожу к такому повороту,
который лоб и щёки холодит.

И сладко не платить привычной дани
сторонним взглядам,
стрелкам на часах.
Уходит время просьб и ожиданий,
приходит время ветра в парусах.

Благословляю всё, чем воздух вышит:
что спят цветы, что замер птичий гимн,
что юноши молчат,
а если пишут,
то признаются мне
в любви к другим.

* * *

В тот день, который выпадет последним,
на тронутых прохладою деревьях
вечернее фонарики зажгите,
и пусть припомнит кто-то из детей,
что в каждом фонаре живёт фонарщик
в фуфаечке из новогодней ваты,
и что, когда один фонарик гаснет,
теплее загорается другой,
ведь это просто маленький хозяин
уходит на вечерний чай к соседу,
хрустит печеньем, дышит паром чайным…
Не вешай нос! Как можно быть печальным,
когда сквозь сад – весь – сколько хватит веток –
фонарики, фонарики горят?..

Станислав ЧЕРНЯК

Цветок катальпы

Стихи

Жемчуг

Храня в себе жемчужины стихов,
Я, как моллюск, чуть приоткрывший створки.
Пусть вместо них сегодня тюль и шторки
Хранят мой мир от страхов и грехов.

Убрать смартфон и выключить навек
Пугающе поющий телевизор.
Ты капельки мне выпиши, провизор,
Чтоб я забыл про двадцать первый век.

Бушует океан, вода бурлит,
У раковины ненадёжны створки.
Не отвлекут готовки и уборки
От мыслей, что же завтра нам сулит.

Мой жемчуг обожает тишину,
Чернильницу, уютный тихий вечер,
Уютный плед, накинутый на плечи
И календарь, забывший про войну.

Течение времён и мутных вод,
И полуправда между тьмой и светом.
Стать суждено философу поэтом –
Чему произойти – произойдёт.

Жемчужины выбрасываем в мир
В надежде тщетной изменить талантом
Вселенную, подвластную константам,
Не покидая раковин-квартир.

Разбиты створки. Нет преграды злу.
Всё кончилось. Крестами стали плюсы…
Но кто-то снова собирает бусы
Из россыпи жемчужин на полу…

Цветок катальпы

Мы пробегаем мимо красоты
Под грузом дум и вейпов ароматов…
– О чём ты, друг? Где мы, а где цветы?
Сейчас эпоха дронов и «сарматов».

Воздушны, грациозны и легки
Цветки катальпы, словно орхидеи…
Идут на смерть простые мужики
За Родину, за правду, за идею.

И каждый, как цветок, неповторим –
Немыслимо, почти неуловимо.
Остановись, давай поговорим,
Пока вся жизнь не пробежала мимо.

Что там сокрыто в глубине души,
За лепестками комплексов и страхов?
Поговори со мною, не спеши.
Не убежит твоя земная плаха…

Цвети, цветок! Так короток твой век,
Как, впрочем, у всего на этом свете…
Цвети, цветок! И здравствуй, человек –
Цветок любви на огненной планете.

Но это всё идеи и слова,
Поэзия: «цветы, как наши лица…».
Мелькают дни, как пыльная листва.
Остановись, чтоб чудом насладиться!

Дудук

Провинциальный старый ресторан.
Потёртости на мебели и стенах.
На авансцене пожилой Варган,
Блиставший раньше на столичных сценах.

Друзья Варгана – скрипка и дудук,
И старое, в подтёках, пианино –
Свидетели отчаянья и мук
Седого пожилого армянина.

И нет того, чего бы он не смог
Исполнить вам за смятую купюру.
Пройдя по жизни тысячи дорог,
Плевал он на запреты и цензуру.

Когда играет – он античный бог,
Но разве только не хватает нимба.
Вот только если зритель пьян и строг,
То даже боги падают с Олимпа.

Мадам, вся наша жизнь – игра и тлен,
Где каждый день, как ноющая рана.
Я попрошу исполнить «Dle Yaman»[1]
Несчастного, но гордого Варгана.

Поёт дудук о море и ветрах,
И о любви пронзительной и нежной,
О солнце и чарующих горах,
Слезах дождей и смерти неизбежной.

Мадам, утрите слёзы на щеках,
Моя любовь несчастий всех сильнее…
Всё в мире прах? И деньги – тоже прах!
Варган, возьми. Сыграй повеселее.

Коньяк в бокале, свежий козий сыр,
Люля-кебаб, посыпанный кинзою…
Как гармонично совершенен мир,
Где счастье оттеняется слезою!

1. «Дле Ямен»

Алиса

– Алиса, что несёшь ты Королеве
В корзиночке? По шахматному полю
Легки прыжочки с клеточки на клетку,
Пока в дремоте все ладьи и кони…
– Не просто так скачу – на новый level,
Чтобы свою проверить силу воли
И получить все высшие отметки –
6:0, 6:0 – от судей на балконе.

Тут главное коньки мне не отбросить,
Когда вокруг смятение и спешка.
Рулетки шарик мечется по кругу,
А казино всё повышает ставки.
И я бегу, надеясь, что не спросят:
Что может пронести в корзине пешка?
Талдычат обо мне они друг другу,
Для Королевы требуя отставки…

И вот бурлит толпа у эшафота.
Кровь красная у белых и у чёрных
Фигур, что добровольно встали в клетки,
И ждут, когда покатится корона.
Идти вперёд – обычная работа,
У пешками навеки наречённых
(Здесь исключенья, к сожаленью, редки).
Спешат все к смерти, думая, что к трону!

Остался клеток ряд, и я сумею
Вмиг стать ферзём, загнав тугую шпагу
В плоть короля, что требует сноровки,
И пусть визжат ладьи от бенефиса.
И пусть все офицеры онемеют
От мысли, что без пушки и без флага,
Без блата и без подлой рокировки
Свою победу вырвала Алиса!

Ждут Шляпник с Белым Кроликом за чаем,
Чтобы отметить общую победу
И, наконец, собрать Шалтай-Болтая,
Что сделать рать и конница не могут…
С ума сошли часы – мы замечаем:
Быстрее управлялись наши деды…
Всех пешек, что ферзями стать мечтают,
Ведёт Алиса в дальнюю дорогу…

Бал Воланда

Она – королева. Бушует немыслимый бал.
Странная полночь свинцом наливает вериги.
Море шампанского. Черпай, богемский хрусталь!
Тост за хозяина – мастера аудиенций.
Сгинут бесследно все те, кто заныл и устал,
Кто не поддался гипнозу и сеял интриги,
Те, кто лепил окончание ИН к слову СТАЛЬ...
Фрида с платочком останется. Но без младенца.

Бритвою древней короны заточенный край,
Яркими маками алая кровь на паркете.
Звоны от ржавых цепей. Мир спускается в ад.
Тени из прошлого плоть обретают и силы.
Музыку громче! Ты вместе с оркестром играй.
Каин за Авеля нынче уже не в ответе.
Залпы орудий, как высшая степень наград.
Скоро рассвет? Прямо с бала обратно в могилы.

Её, королеву, спасут только спирт и любовь.
Хмель все желанья за миг сформулирует смело.
– Гелла, открой двери Майгелю, коль он пришёл!
К чёрту платок. Фриду срочно пристройте по блату!..
Воланд поднял в удивлении пышную бровь,
Расхохотался (оно не к добру!) Азазелло…
Мастер явился (небрит он, помят и смешон),
Чтоб мо́рок пал в свете дружбы Христа и Пилата.

Караван

На миг остановлюсь и оглянусь –
Путь полувековой, покрытый пылью…
Дорога грёз в итоге стала былью,
Дорогой слёз… но я свернуть боюсь.

Оазисы душевной теплоты,
Сады любви и родники надежды –
Всё миражи. Мы там же, где и прежде,
В пустыне из забот и суеты.

Наш караван по-прежнему бредёт
К незримой точке непонятной цели.
Слились меридианы, параллели.
Стоим на месте, двигаясь вперёд.

Горбы верблюдов ссохлись от невзгод –
Не корабли пустыни, а уродцы.
Не их вина, что наших чувств колодцы
Все пересохли. Счастье не придёт.

Но что это вдали? Журчит вода,
И листья пальм простёрты над домами…
Судьба жестоко наигралась с нами…
Вдруг не мираж? Пойдём скорей туда!

Тамбовщина

Боишься не успеть и не успеешь
Объехать мир, увидеть, насладиться:
Туманами над своенравной Темзой,
Пылающим закатом над Берлином,
Неповторимым флёром Амстердама,
Смешными водопадами Антальи,
Очарованьем улочек Парижа,
Классической солидностью Нью-Йорка…

Жизнь коротка! И нужно сделать выбор!

Я посещу деревню под Тамбовом
И наслажусь в Ивановке сиренью,
Рахманинова слушая концерты…
Пройдусь по старым улочкам Козлова,
Потом в Котовск – на встречу с неваляшкой,
И в Коптево, где ждёт Сергеев-Ценский,
Чтоб передать приветы коммунарам,
Воссоздающим Ирскую коммуну.

Мне даст в дорогу яблоки Мичурин,
А Мокроусов – окорок тамбовский,
Что так чудесен с местною картошкой
И настоящим деревенским квасом.
Тамбовский мёд всех слаще и душистей,
Чай заварю на мяте и душице.

«Пирожникофф» несёт свои зефиры,
И с заседанья к нам спешит Асеев...

Мир так огромен, но уютней дома.
Тамбовщина на редкость многогранна!

Ценней синица, чем журавль в небе…

Премьер

Памяти нашего земляка, русского артиста балета
Георгия Альфредовича Розая[2]

Туберкулёзный госпиталь – могила,
Ад на земле из кашля, слёз и боли,
Дно жизни… выплыть вряд ли хватит силы,
Все силы стёрты блеском прошлой роли.

Его любили господа и дамы,
В остатке только происки чахотки.
Теперь он тень, статист печальной драмы:
Харон заждался возле вечной лодки.

Ещё есть перстень – талисман досужих,
Скабрезных разговоров и догадок.
Безумно дорог, но ему не нужен –
Он перестал ценить, на что был падок.

Кровь на платке напомнила о розах.
Совсем недавно счастье улыбалось!
Шипы коварны, вся душа в занозах,
И поводов для жизни не осталось.

К утру он умер – дряхлый и забытый,
Освободив чахоточную койку,
Купающимся в зареве софитов,
Сверкающим, уверенным и бойким.

2. Русский артист балета, солист Мариинского театра, Русского балета в Париже (сезоны Дягилева). Родной дядя Юрия Григоровича. Родился в 1887 году в с. Ивановское, Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Умер от чахотки 27 августа 1917 года в возрасте неполных 30 лет в Петергофе.

Харон встречает в медицинской маске:
Пора сесть в лодку, чтобы кануть в Лету,
Надеясь обрести в прекрасной сказке
Любовь навек к супруге и балету…

* * *

Мне снилось детство в городке родном,
Лесок у дома, проданная дача,
И новенький (как будто только сдача)
Кирпичный наш пятиэтажный дом,
Стоящий стрелкой компаса на север,
А во дворе – уютный детский сад,
В который я ходил сто лет назад…
Огни завода и душистый клевер,
Рассыпанный на заливных лугах,
Где шампиньонам били мы поклоны,
«Баранских гор» неведомые склоны…
Приходит всё в волшебных добрых снах.

Мне снилось детство в городке родном –
Учителя, занятия и книги…
Неведомы интриги и вериги,
И не нужны таблетки перед сном…
Волшебный мир, и ты в нём не один –
Друзья вокруг, а если с ними в ссоре,
Придут Чапаев, Робинзон, Том Сойер
И друг надёжный Гекльберри Финн…
Уютный свет в родительском окне.
Все молоды, все живы, все здоровы…
Я побывал в чудесном детстве снова,
Прошу его почаще сниться мне…

Сергей БЕРСЕНЕВ

Небольшой городок, затерявшийся в центре России…

Стихи

Глухомань

Вот так приедешь в глухомань,
найдёшь на гибель ворожею…
И в январе вдруг встретишь май,
о происшедшем не жалея.

И будешь жить не по часам,
не по законам казнокрадов…
Там происходят чудеса,
там – свой, магический порядок,

какой не любят в городах,
где путник, словно в бездне, канет…
Там привечает песней птах,
там да сих пор вещает камень:

«Напра-налево не ходи!»
Окольной нет дороги к счастью…
Один – со сказкой на один,
Минуя степь, лесную чащу…

И если вздумает лешак
пожать напрягшуюся руку,

его порыву не мешай –
иначе век плутать по кругу.

Шамань, кудесница, шамань
с начала до кончины года!
Вот так приедешь в глухомань,
и возвращаться неохота…

Небольшой городок

Небольшой городок, затерявшийся в центре России…
Его имя известно – вам скажет любой проводник.
Он стоит и стоит, чем бы годы ему ни грозили…
Не упал на колени, седой головой не поник.

Небольшой городок, где окраина – та же деревня…
Человек человеку то – друг, то – жестокий рентген.
И гуляет молва, у которой в попутчиках – ревность,
и от зависти чёрной святое не спрятать в реке.

Небольшой городок… Скорый поезд в гостях – две минуты….
Ну, откуда прольётся на крыши божественный свет?
Говорят, что в таком и рождаются бунты и смуты…
Здесь непризнанный гений однажды оставит свой след.

Небольшой городок… Сколько их по стране – лилипутов!
Вековые легенды… История – в каждой главе…
Но вторгается ночь, будто жадные щупальца спрута…
Это входит во вкус белокаменный град-Гулливер.

Разговор с ёжиком

Ничего не случалось похожего
никогда от рожденья со мной:
я вчера разговаривал с ёжиком
о загадочной жизни земной.

Раскалённые сумерки августа
опустились на сказочный двор.
А мы с ним, как в селениях, запросто
познакомились, выйдя из нор.

Он, степного стального характера,
на беседы банальные скуп.
Не знаток «сарафанного» радио…
Познавал через рифму Москву.

За общение долгое ратовал,
да и мной был обет ему дан,
но билет на дорогу обратную –
уже вещи бросал в чемодан.

Если б слышал кто наши желания
там, где пишется точный маршрут…
Подождут пусть высотные здания,
монотонные дни подождут.

Здесь всего-то два месяца прожито…
Отчего-то стал близок мне зной.
Я вчера разговаривал с ёжиком
о загадочной жизни земной.

* * *

Я ехал мимо чьей-то боли
И мимо радости чужой...
Василий Романенков

Город, лес, деревня, поле…
Незатейливый маршрут, –
прочь от горя, прочь от боли…
Дай Бог, нынче не сожрут!

Дай Бог, вынырнет попутчик
из вокзальной суеты, –
может, разуму научит,
путь мой дальний освятит.

Сидя ангелом напротив
в тесной крепости купе,
о приветливой природе
вдруг затянет он куплет.

О народе, что мелькает
поминутно за окном,
что не радуги мелками
там раскрашен каждый дом.

Но всегда предложат гостю
во главе сидеть стола,
даже если счастье – горстью
размельчённого стекла.

Та же боль и то же горе –
этот крест не сбросить с плеч:
будто якорь держит в море
шлюп, который губит течь.

Многолюдных станций важность,
полустанков пустота…
Всё забудется однажды –
отставай-не отставай!

И попутчик вскоре смолкнет,
и окажется никем…
Вкус берёзового сока
растворится в коньяке.

Сколько вылито за во́рот
будет! Столько не живут…
Лес, деревня, поле, город…
Закольцованный маршрут.

На этой земле

На земле тишина. На развалинах травы как флаги…
Вадим Шуляковский

Я на этой земле проводил безмятежное детство,
где не ведал о сказках, что пишутся в мрачных тонах,
где, казалось, и друг, и до гроба любовь – по соседству,
и ходил босиком и в заштопанных бабкой штанах.

Спозаранку – до озера, хвастаясь удочкой новой
перед Пашкой, с которым делили улов пополам.
Я давал ему самое, самое честное слово:
вместе с ним до конца – по лесам, по лугам, по полям.

Нами был графский парк до росистой травинки изведан,
особняк, весь в развалинах, тайнами потчевал нас.
И неслась моя жизнь, словно поезд, от лета до лета.
Дожидался и класс выпускной, и экзамен, и вальс.

И как будто судьба разделила два мира пунктиром,
и у Пашки теперь - свой, единственный дом на века.
И таким же, как я, вспоминать о земле запретили…
О земле, что не хочет в неволе плодиться никак.

На земле – тишина, но не тех деревенских рассветов,
когда хор петухов взбудоражит селенье вот-вот…
На земле – тишина, и не Богом наложено вето,
и куда-то зовёт, и куда-то зовёт поворот…

Сергей
ДОРОВСКИХ

Московское время

Рассказы

Тонкие стены

Анна Петровна жила одна уже двенадцать лет. Муж её, Николай Степанович, был человеком тихим, с голосом негромким, глуховатым, с лёгкой хрипотцой. Даже когда он сердился, это походило скорее на ворчание старого пса. Да и такое с ним случалось редко, теперь даже и не вспомнить. Он жил тихо и умер во сне. С тех пор на комоде, рядом с фарфоровой фигуркой пастушки, стоял его портрет в простой деревянной рамке, которую Анна Петровна купила в ближайшем магазине. Она так любила этот магазин, ведь тот был в доме напротив, а уйти дальше она опасалась, словно могла заблудиться и пропасть.

Она не поставила общий семейный снимок. Он у неё, конечно, был. Там они втроём: Коля, она и сын. Но смотреть на него не могла. Во-первых, себя было невыносимо видеть – молодую, полную, улыбающуюся так, будто вот-вот разорвётся от счастья. А во-вторых… сын.

Сын даже не приехал на похороны. Прислал короткую эсэмэс – скупую, как расписка: «Соболезную, мам. Приехать не смогу». И всё. С тех пор – тишина. Она даже не знала, в каком городе он теперь, с какой женщиной живёт и всё ли у него в порядке. Звонки иногда по праздникам, обрывочный разговор, формальный, с уклонением от её вопросов, а потом – всё реже. Её дни рождения он всё чаще забывал.

Она знала и верила: нет, он не был жестоким. Просто жил своей жизнью – где-то далеко, с другими заботами. Для него всё это, наверное, выглядело иначе, без боли и трагизма…

Анна Петровна и сама не заметила, как перестала ждать. Просто однажды убрала альбом подальше и долго стояла у комода, перебирая старые фотографии. Сначала хотела поставить тот снимок, где её муж Коля совсем зелёный

студент – с саркастическим прищуром, в клетчатой рубашке по моде семидесятых. Но потом отложила его. Нашла другой. Тот, что она сделала случайно, без подготовки. Незадолго до смерти.

Там он сидел на кухне, у окна. В вытянутом тусклом джемпере, который так любил. Сухие жилистые ладони сложены на столе. Он улыбался – одними уголками губ, мягко, устало. В этой улыбке – прощание. Так смотрят люди, которые уже всё поняли. Как будто он не на неё в ту секунду смотрел, а сквозь неё – туда, где уже нет ни боли, ни суеты.

– Вот так лучше, – тихо сказала она сама себе, ставя портрет на комод, рядом с фарфоровой пастушкой. – Ты у меня тут такой, какой и был. Коля!

И ей показалось, что он – согласился. Впрочем, как и всегда.

Она смотрела на портрет. И была тишина, только капал кран на кухне.

* * *

Нет, она не сошла с ума. Знала: его нет. Но был выработан за годы особый, тихий способ советоваться – взгляд на портрет, пауза, и дальше решение приходило само, будто Коля подсказывал. Так бывает, когда живёшь с человеком столько лет, что его молчание становится продолжением твоих мыслей.

Жила она в хрущёвке, в однокомнатной квартире на четвёртом этаже. Дом был старый, панельный, с тонкими, словно бы из картона, стенами. Она помнила тот день, когда они – недавно расписавшаяся молодая пара – сюда заселялись. Коля говорил, что эта однушка будет первым шагом, а дальше – только лучше и больше. Но дальше не случилось. Не потому, что не складывалось, – просто жизнь пошла по-другому. Сначала ждали квартиру на работе, потом перестройка, завод встал, очередь замерла. Потом родился сын, но квартир в новой России при расширении семьи уже не давали. И одна комната как-то незаметно вместила в себя всю их жизнь. В ней сын сделал первые шаги. В неё же они провожали его поступать в университет в другой, более развитый город, а вернее – в полную и окончательную неизвестность для себя. Здесь Коля начал кашлять по ночам, здесь она мерила ему давление, здесь он последний раз попросил её не вызывать врача…

Так хрущёвка стала рамкой, в которую целиком поместилась человеческая судьба.

Слышно тут было всё: как у соседей наверху двигают стулья, как внизу лает собака. И как за стенкой, в квартире слева, творится бог знает что, потому что она съёмная.

Недавно в неё вселились молодые.

Она впервые услышала их вечером, в середине сентября. Сидела на своей маленькой кухне, пила чай, медленно размачивая баранку и глядя на своё отражение в тёмном, с крапинками дождя окне. И вдруг за стеной – громко, будто у неё в комнате – женский голос:

– Ну сколько можно! Я же просила!

И мужской, вернее даже мальчишеский, с досадой:

– А я что! Да я всё сделал! Ты опять начинаешь?

Анна Петровна вздрогнула, чуть не пролила чай. Посмотрела на портрет мужа, будто прося подтверждения, что это не у неё в квартире. Потом поставила чашку на блюдце, прислушалась.

Стены действительно были тонкими. Казалось, если подойти и положить ладонь – почувствуешь, как вибрирует перегородка от крика. И на мгновение ей почудилось, что можно шагнуть прямо в их разговор, распахнуть среди бумажных цветков на обоях невидимую дверь и сказать грубо: «Ну хватит, потише можно?!»

Но Анна Петровна, конечно, не сказала. Только сидела, не дыша, и прислушивалась.

* * *

С того вечера что-то сдвинулось. Сначала она себе не признавалась, что ждёт голосов соседей. Делала вид, что не замечает. Но всякий раз, когда за стеной начиналась жизнь, Анна Петровна невольно замирала, стараясь навострить слух. Даже свет выключала, словно бы её кто-то мог заметить и уличить. И вот в полной тишине в её кухню будто бы входила молодая жена – она чаще всего звонила по телефону, и её голос то взлетал, то падал, то срывался на смех. Мужа она называла Серёжей. И Серёжа этот, судя по всему, был человеком шумным, безалаберным, но добрым. Она его любила, хотя и позволяла себе над ним посмеиваться. Для Анны Петровны это было так же интересно, как и непостижимо. У них с Николаем Степановичем любовь была совсем другой. Строгой. Застенчивой. Зашитой внутрь.

Анна Петровна узнавала шумных соседей день ото дня всё лучше. Как же часто они ссорились – почти без повода, легко, искристо, из-за мелочей. Носки по комнате, свет в коридоре, он пьёт молоко из пакета, а ещё заказал пиццу, не спросив, с чем она хочет. В другой раз, как поняла с высоты опыта Анна Петровна, Серёжа сказал молодой жене «как хочешь», а та ждала, что именно он примет решение, и поэтому на него сорвалась. Впрочем, Серёжа буянил не меньше: она выбросила коробку от смартфона, а он хранил её на случай возврата по гарантии, а ещё она разложила вещи «не в те ящики», и он теперь опаздывает и не может одеться… Порой их разговор понять было сложно, как и причину ссоры:

– Вытаскиваешь флешку из ноутбука, так извлеки безопасно! Я тебе миллион раз говорил: слетит всё! А орать будешь, что я виноват!

Потом враз мирились, и это было слышно: тихие голоса, смех, шёпот. Иногда они пели – негромко, фальшиво, но весело. И тогда она ловила себя на том, что улыбается, всматриваясь в свою пустую кухню.

* * *

Постепенно подслушивание стало сопереживанием, присутствием. Анна Петровна не просто слышала чужие голоса – она начинала ими жить. Сначала боялась этого, потом успокаивала себя: это не любопытство, а хоть какой-то

отголосок жизни. Всё лучше, чем этот телевизор с его пошлостью и чужим бельём. В спорах молодых за тонкой стеной она находила свои невысказанные слова, в их смехе – забытое тепло. Она прикасалась к чужой близости из своей пустоты, радовалась и мучалась, и была счастлива этим.

Часто она спорила, советовала, говорила с ними мысленно или вслух. То вставала на сторону жены, потому что та была права, и тут же искала оправдания Серёже, потому что тот был явно не злой, а просто молодой и неотёсанный.

– Ну что ты на него кричишь, – шептала она, обращаясь к стене. – Да все они такие в их возрасте! Дай ему повзрослеть. И всё наладится.

И переводила взгляд на портрет. Муж с фотографии смотрел на неё с лёгким прищуром, и ей казалось, что он соглашается. Во всяком случае, не спорит.

Однажды у них был праздник. За стеной гремела музыка, звякали стаканы, слышались возбуждённые голоса. Она поняла: у Серёжи день рождения. Кричали, хлопали, кто-то нестройно затянул поздравление. Анна Петровна невольно улыбнулась, налила себе чаю, подняла кружку к стене.

– С днём рождения, Серёжа, – сказала она тихо. – Здоровья тебе. И ей.

Помолчав, глянув на портрет мужа, будто и он отмечал сейчас с ней, добавила от них обоих:

– И ребёночка вам желаем! Тогда враз повзрослеете!

Николай Степанович смотрел спокойно, ободрительно со снимка.

Тогда впервые ей пришла мысль: а ведь можно познакомиться. Пойти к ним, испечь пирог – она умела и раньше пекла часто. И уже как будто видит: открывает дверь жена, Оля, кажется, да Оля и есть, хотя он её называл Олька-ссорка, Оль-Оль, а порой и как-то грубо, непривычно: Оляндра. Один раз выдал:

– Слышь, Оляндра, ну сколько можно цвести и пахнуть, когда я пытаюсь извиниться?!

Анна Петровна представляет, как стоит у порога на коврике, зачем-то чистит о него тапочки, а Оля, застёгивая пуговку халата, в дверях улыбается ей вежливо, но настороженно.

«Здравствуйте, я из соседней квартиры, Анна Петровна. Вот, решила зайти к вам по-соседски, познакомиться».

И они удивятся, переглянутся, пригласят её на чай? Вряд ли. Скорее всего, дежурно улыбнутся, скажут спасибо, закроют дверь. Даже, может, и пирог вежливо не примут. И стена между ними останется. Сейчас не принято переступать такие стены. И думать о том, что рядом кто-то живёт и что-то чувствует.

Она сидела на кухне и думала об этом. Ей семьдесят. Ему – двадцать шесть, жене – и того меньше. И между ними стена – такая тонкая, что слышно всё. Через неё проникают голоса, смех, даже дыхание – но не люди.

* * *

И всё же она продолжала слушать. Уже не в силах отказаться. Да и не хотелось. Серёжа и Оля стали частью её жизни. С ними её день обретал рисунок,

а вечер переставал быть просто ожиданием сна. Их жизнь стала для неё тайным счастьем.

Но однажды вечером случилась тишина.

Сначала Анна Петровна решила: ушли гулять! Или в гости. Или к родителям. Она легла спать спокойно. Но и на следующий вечер за стеной было всё так же пугающе, неестественно тихо. И через день. И через два.

Она ловила себя на том, что ходит по квартире бесшумно, будто боясь, что весь дом замер и слушает только её движения. Такая тишина была не просто отсутствием звуков – она давила, как вода на уши. Чтобы занять чем-то руки, Анна Петровна брала с комода фарфоровую пастушку – холодную, лёгкую, с отбитым краешком подола – и грела её в ладонях. Держала осторожно, с той особой бережностью, с какой держат то, что давно никто не трогал. Боялась не уронить, а сжать чуть сильнее и расколоть, словно вместе с фигуркой могло расколоться и что-то в ней самой. Потом ставила её обратно, к портрету мужа, и смотрела на Колю долго, без слов, будто он мог знать, куда запропастились соседи.

Садилась на кухне, заваривала чай, смотрела на стену. И не притрагивалась к чашке. Та постепенно остывала и пахла, как одиночество, если дать ему крепко настояться.

Стена молчала.

– Может, всё-таки уехали? – спрашивала она портрет.

Муж смотрел с фотографии, но ответа не давал.

Она перебирала варианты. И вдруг догадка чуть просветлила её лицо. Может, у них родился ребёнок? Оля в роддоме, а он там, рядом, с ума сходит. Или по друзьям шатается: такое случается с молодыми папашами вроде него. Тогда тишина объяснима. Или разъехались? Или просто уехали на море.

Не предупредив её! Хотя да, конечно, а зачем им её предупреждать…

* * *

На пятый день она, выходя в магазин, задержалась у их двери. Обычная чёрная дверь, обитая треснутым дерматином. Хуже, чем у неё, да и кто будет заботиться о двери в съёмной квартире, где каждый жилец – как случайный пассажир. Она постояла, прислушалась – тихо. Потом наклонилась, почти приложила ухо к холодному металлу, но тут же отдёрнула себя: нехорошо, соседи могут увидеть. Но ей нужно было знать.

Теперь каждый поход в магазин превращался в пытку. Она смотрела на дверь, замедляла шаг, прислушивалась к тишине. И возвращалась к себе, и снова садилась на кухню, и снова слушала стену, которая молчала.

Через неделю она не выдержала. Подошла к стене, прижала ладонь, потом ухо. Холодная, шершавая, чужая. И вдруг – шаги. Она отшатнулась, будто обожглась. За стеной кто-то ходил. Не они! Шаги другие – тяжёлые, редкие, без суеты.

Вечером она набралась смелости и вышла на площадку, захватив с собой продуктовую сумку, хотя в магазин не собиралась. Хотела позвонить, спросить,

может, весточка какая про молодых будет? Но не успела: дверь распахнулась, и вышел мужчина лет пятидесяти, в тёмной куртке, с лицом усталым, холодным и равнодушным.

– Здравствуйте, – испуганно сказала Анна Петровна, прижимая к груди свою старую сумку с выцветшим цветком. – Я ваша соседка.

Мужчина обернулся, посмотрел на неё без интереса.

– А я ваш новый сосед, – ответил он ровно и равнодушно, даже не глядя.

– А как же прежние? Пара жила тут, юная такая совсем…

– Съехали. Наслышан о них, квартиросъёмщики. Мусор бы хоть за собой сгребли по комнатам. Все на них вроде как жаловались, шумные были. И вы, наверное, тоже? – он глянул на неё с лёгким укором и недоверием. – Меня хозяин предупредил, что тут тонкие стены.

– Нет, что вы… я ни разу не жаловалась… на Олю и Серёжу, – начала она.

И вспомнила возглас:

«Слышь, Оляндра, ну сколько можно цвести и пахнуть, когда я пытаюсь извиниться?!»

– Да вы не переживайте, я своё давно отшумел. И давно разведён. Так что не потревожу, – произнёс он с ухмылкой и, не дожидаясь ответа, спустился по лестнице.

Анна Петровна проводила его взглядом. Потом повернулась и медленно пошла к себе. Продуктовую сумку с выцветшим цветком она обронила и забыла у соседской двери, на полу, возле коврика. Она так и осталась лежать там, повесив ручки, – чужая вещь между двумя мирами, перегороженными стеной.

* * *

В квартире было пусто. Анна Петровна села на стульчик у стены, опустила руки на колени, ладонями вверх, как делают старые люди, когда уже нет сил держаться.

Посмотрела на фигурку пастушки, на портрет мужа.

– Коля, – произнесла она одними губами.

И застонала, опустив голову на ладони.

Кран капал.

Московское время

Дом у деда был старый, а время только добавляло ему морщин в виде трещин по стенам. Он и сам чем-то походил на хозяина: видно, что держится, но уже устал. Да и палисадник давно превратился в непроходимые дебри. Ежевика сомкнула колючие плети в сплошную сеть, переплелась со жгучей крапивой. Даже местные коты, известные своей наглостью шастать, где им вздумается, обходили эти места стороной, боясь изодрать свои шкурки.

Я помню это место другим – каким оно было при бабушке. Тогда палисадник выглядел прибранным, торжественным, словно подворье перед свадьбой.

Георгины стояли ровно, как нарядные часовые. Бархатцы горели оранжевыми огоньками, а куст жасмина цвёл так бело и густо, что запах пышным невидимым облаком уплывал далеко и ощущался даже за рекой. С тех пор прошло больше тридцати лет, но стоит закрыть глаза – и я снова мальчишка, бегущий к калитке, за которой меня ждут. Я снова вижу этот двор и бабушку на пороге. Стоит и вытирает руки о фартук, мне радуется.

Порядок держался на ней, а без неё всё потеряло смысл. Оставшись один, дед перестал следить, и ежевика, при бабушке строго знавшая своё место, сначала оплела и медленно задушила в объятиях жасмин, затем перемахнула тонкими руками-змеями через дорожку, а там уже и до крыльца почти дотянулась, цепляясь за старые доски сухими колючими ноготками.

«Как смерть, слепая, ко мне ходу ищет!» – говорил дед и при этом ещё и посмеивался.

Да и в доме уже было не так, как при бабушке. В углах скопилась паутина, на подоконнике сиротливо плесневела кружка с засохшей чайной гущей, а половицы поскрипывали так, будто кто-то устало молил о пощаде. Но в этом не чувствовалось запустения.

Дом жил – иначе, тише, но жил.

По утрам в нём пахло печным дымом, сушёной мятой, развешанной пучками у притолоки, и ещё чем-то едва уловимым, горьковатым – то ли старой древесиной, то ли самим временем. В редкие дни, когда я приезжал к деду, я просыпался под этот запах, под скрип половиц и осторожный шум на кухне – дед уже хлопотал.

* * *

Солнце в то утро уходящего сентября вставало рыжее, но какое-то усталое. Оно напоминало лицо женщины, чей возраст не скрыть косметикой. Лучи стелились длинными полосами на выцветшие половики, освещая каждую пылинку в воздухе. Я вышел, потягиваясь, и увидел деда – он привычно сидел у окна, поставив на подоконник старенький радиоприёмник. Это была солидная, тяжёлая коробка в деревянном корпусе. На передней панели – две круглые шкалы. Буквы «ВЭФ» поблёскивали латунью под динамиком, а ручка громкости была крупной, ребристой и чуть дребезжала, если повернуть её слишком резко. Частота «Маяка» была отмечена на шкале тонкой царапиной – следом от ногтя.

Лицо у деда было спокойное, собранное, как у человека, который ждёт важного сообщения. На стене напротив висели старинные механические часы. Я помнил их с детства: круглый деревянный корпус, потемневший от времени, лимонный циферблат со строгими римскими цифрами, на котором краска пошла сеткой мелких трещин, как на старинных картинах, и две стрелки – минутная при этом чуть погнутая у самого кончика. Под циферблатом мерно качался латунный маятник – туда-сюда, туда-сюда. Внизу, на цепочках, висели две бронзовые гири в форме еловых шишек, видимо, бутафорские. Часы не били, но у них был свой голос – негромкое, убаюкивающее тиканье, похожее на мерное дыхание старого, усталого, но живого деревенского дома.

Каждое утро, за несколько минут до девяти, дед подходил к часам, открывал застеклённую дверцу и поправлял минутную стрелку. Делал он это неторопливо, почти торжественно, сверяясь с радиоприёмником. Я много раз наблюдал эту сцену: радиоприёмник выдаёт мелодию «Не слышны в саду даже шорохи», а затем тонкие равномерные гудки на одной звуковой высоте, пока последний не уходит тонкой нотой вверх в последнем писке. А после – короткая пауза, и наконец спокойный женский голос произносит:

– Московское время девять часов утра.

Дед в этот наивысший момент кивал, будто соглашаясь с невидимой собеседницей, осторожно переводил стрелку – часы всегда отставали на минуту-другую. Закрывал дверцу и кончиками пальцев проводил по деревянному корпусу. В этом жесте было что-то ласковое, благодарное. Так гладят старого коня по холке.

И вот в этот очередной приезд после ритуала я передал деду подарок – современные электронные часы в пластиковом корпусе «под дерево». Специально подбирал, чтобы были с мощной электронной начинкой, но оформленные в ретро-стиле. Они и правда были красивые, ладные, с мягкой подсветкой, показывали не только время, но и дату, фазу луны, температуру, атмосферное давление и бог весть ещё что. Они синхронизировались по спутнику, не требовали завода, не отставали и не спешили.

Я был доволен: теперь деду не придётся каждое утро ждать сигналов «Маяка» и крутить стрелки дрожащими пальцами!

Дед принял подарок благодарно, хотя и пожурил меня за лишнюю трату. Долго вертел в морщинистых, с набухшими венами руках, разглядывал экран, цокал языком:

– Ничего себе придумали! Ну-ка на проверенный мой термометр гляну! Ух ты! А давление – пойду сверю!

И с недоверием, прищуром запел свою любимую прибаутку про стрелку барометра:

– Барон пошёл налево, барон пошёл направо!

А потом вернулся и всмотрелся то в меня, то в электронную «игрушку» с недоверием и уважением:

– Ети ж тебя, как точно! Сдаётся даже, поточнее механики, всё до циферки! А как знать может?

– Достижение науки! Спутники!

– Спутники, – повторил он, бережно и осторожно всмотревшись в алую пульсацию значков и цифр.

Однако на стену вешать не стал – поставил осторожно на комод, рядом с фарфоровой статуэткой балерины, оставшейся от бабушки. Старинные часы убирать, похоже, не собирался. Я не обиделся – что ж тут такого, привык человек к вещи, да и место пустое останется. Там, поди ж, за ними и паутины, и всего набралось. Но был уверен, что заводить их он больше не станет.

* * *

Наутро я проснулся рано. В доме было тихо, только маятник мерно отсчитывал секунды. Я поглядел на электронные часы – они бесшумно показывали без десяти девять. Старые же напоминали мастодонта, что устал столько лет бежать, пробиваться зачем-то сквозь время. Они отставали на целых три минуты. Маятник качался всё так же неторопливо, гири висели неподвижно, и в этом расхождении было что-то трогательное, как в старике, который не поспевает за молодыми, но не сдаётся.

Но вот появился дед из комнаты, от него пахло печным дымком. Молчаливый, собранный, слегка даже торжественный. В руках у него был приёмник, и он вновь поставил его на подоконник. Так же, как ставил, наверное, сорок лет подряд: чуть левее центра, антенной к окну, ручкой громкости к себе. Маятник качался, модные электронные часы с удивлением чуть мигнули, а дед уже крутил, вылавливал из шипения знакомую волну.

Ровно в девять раздались позывные – мелодия «Не слышны в саду» и те самые гудки, которые я помнил с детства. Приёмник ожил, и комната наполнилась женским голосом. До того знакомым и привычным, будто диктора на «Маяке» усадили в изолированную комнату, над которой не властны эпохи:

– Московское время девять часов утра.

Дед, кряхтя, поднялся со стула, подошёл к часам, привычным движением открыл дверцу и перевёл минутную стрелку вперёд. Стекло чуть скрипнуло, стрелка подалась туго, но послушно. Дед закрыл дверцу, и маятник качнулся, будто облегчённо вздохнув.

Меня вдруг что-то кольнуло. Я спросил:

– Дед, а зачем ты их всё равно подводишь? У тебя же новые часы, точнее не найдёшь! Сами синхронизируются. И если уж на то пошло, то ты можешь не ждать сигнала «Маяка», а в любую минуту поправить старые часы, сверившись с новыми. Только и всего!

Дед помолчал, пригладил седые усы – они у него были пшеничные, прокуренные на кончиках. Потом повернулся ко мне, и в его усталых выцветших глазах, окружённых сеткой морщин, мелькнуло что-то, чего я раньше не замечал.

– Точнее-то они точнее, – произнёс он наконец, выдохнув. Видимо, не решался, стоит ли мне объяснять. – Только они молчат.

Я не понял:

– Что значит «молчат»?

Дед отошёл к окну, упёрся ладонями в подоконник, всмотрелся в солнце, что поднималось над заросшим палисадником. Лучи заливали двор золотистым осенним светом.

– Понимаешь… – начал он и замолчал, подбирая слова. – Когда я включаю радио, слышу Москву. Не просто сигналы, а саму Москву! Там люди, машины едут, метро работает, кто-то спешит, а кто-то чай пьёт. Огромная страна живёт. И дикторша эта – она для всех объявляет, а значит, и для меня тоже. Она не знает, что я тут, в Ольховке, один сижу, без бабки остался, но она мне, именно мне го-

ворит, какое сейчас московское время! – он перевёл дыхание и добавил тише. – И я понимаю, что я ещё есть. Что меня помнят!

Я стоял, не зная, куда деть руки. Дед повернулся ко мне, взглянул на комод, где молча светились электронные часы. Мне показалось, что цифры на них сделались пунцовыми, словно от стыда.

– А часы твои – они хорошие, точные, спору нет. Но они со спутником говорят, а не со мной. Спутник – он железный, как банка консервная, что с него взять-то! Летит себе в космосе, ему всё равно, есть я тут в Ольховке или уж помер. А Москва – живая. И радио «Маяк» каждое утро – это вроде как мне привет из столицы. Здравствуй, дорогой Иван Осипович! Вроде как говорят: жив ещё, дед, сигнал принял? Ну и мы живы. Держись там дальше!

Он вздохнул и снова сел к окну. Приёмник тихо шипел, чуть сбив волну, и сквозь треск и помехи договаривал прогноз погоды, дойдя до нашего центрально-черноземного региона. Голос дикторши сменился: теперь более тонкий, молодой рассказывал о температуре и осадках, а дед слушал, но думал о своём.

Я вышел на крыльцо. Воздух был по-осеннему прозрачен, пахло прелым листом и дымком. Я думал о том, как дед всю жизнь проработал здесь, так никуда и не сдвинувшись от родных мест, хотя таланта бы хватило покорить не одну столицу. Как растил мою маму, как возил её в город на старом «пирожке» – поступать в музыкальное училище.

Я знал, что дед всю жизнь проработал в местном хозяйстве зоотехником и ни разу не бывал в Москве. Она была для него не городом, а голосом. Женским, утренним, свежим, знакомым и ожидаемым. Который говорил, что мир вот-вот завертится в утренней суматохе. И в этом кружении ему без слов передают привет из самой первопрестольной! А значит, в мире по-прежнему есть место и для него.

Когда я вернулся в дом, электронные часы на комоде бесстрастно отсвечивали «9:15». Старые часы на стене тикали, чуть отставая уже на несколько секунд, маятник качался, отбрасывая на стену дрожащую, как ладонь старика, тень. Я подошёл к приёмнику, покрутил ручку громкости – она ответила знакомым дребезжанием.

– Дед, а можно я с тобой завтра тоже послушаю?

Он с хрустом оторвал лист календаря, вчитываясь в советы на день, и, прежде чем пойти и бросить его в печь, посмотрел на меня поверх очков. В его глазах что-то дрогнуло, будто солнечный зайчик пробежал. Он мне поверил! Поверил, что я понял!

– Конечно! Завтра в девять, как всегда! – тихо ответил он.

* * *

Я уехал через три дня. Перед отъездом вышел во двор один. Утренний туман ещё лежал в низине, и мокрые плети ежевики блестели под первыми лучами. Я постоял у влажной, тронутой лёгким утренником калитки, вдохнул горьковатый сентябрьский воздух, запоминая его. Дед вышел проводить, грустно глядя

на меня со старого крылечка. Если бы я знал, что маятник часов уже отсчитывает последние секунды и что я вижу его живым в последний раз, я бы обнял деда. Но так устроена жизнь: мы почти всегда не знаем, что нужно навсегда прощаться. Сказал только:

– Жди, к новому году приеду! – и, обернувшись, добавил. – Знаешь что, дед! А привезу-ка я тебе колонку умную, такую, что умеет разговаривать! Будет с кем пообщаться!

А он усмехнулся, тронув носком тапка колючий ежевичный ус:

– Я ещё не совсем с ума выжил, чтобы с колонками разговаривать!

Когда автобус тронулся от обшарпанной остановки, я закрыл глаза и будто увидел в окне его силуэт. Дед стоял у подоконника и поднял руку – не махал, а просто держал ладонь. А за ним были его старинные часы, тоже махали мне на прощание латунным маятником.

* * *

В конце той осени деда не стало. Я приехал на похороны: их организовал мой дядя, старший сын деда. Человек строгий и неразговорчивый, вряд ли мы с ним за всю жизнь обменялись более чем пятью фразами. Он решил все вопросы и уехал сразу же с кладбища в город, безучастным голосом попросив меня побыть на поминках. В доме собрались одни шумные деревенские старухи, отчего стало особенно тоскливо. Когда проводил их, вздохнул.

Дом опустел и сразу как-то осунулся, потемнел. Я чувствовал, что он мне особенно не радовался. Старые часы на стене остановились – маятник замер в нижней точке, стрелки застыли на двадцати минутах двенадцатого. Гири-шишки висели неподвижно, и в полумраке часы напомнили мне пышный могильный венок.

Тишина наполнила дом. Такая, что было слышно, как за окном осыпаются листья. Заводить часы стало некому. Мои родители живут далеко. На похороны они не успели, не смогли вылететь и будут только послезавтра. Я знал, что дому они вместе с дядей уже нашли покупателя. Продав, разделят сумму. И значит, тут я сижу последний раз.

Дальше уже не мыслил, а действовал, как говорило сердце. Я снял бережно старинные часы, ощущая пальцами шершавое дерево корпуса, завернул в старое полотенце и увёз с собой.

Дома, в своей однокомнатной квартире, я повесил их на стену, но заводить не стал. Поначалу просто не мог. Они долго висели молча, как память, и я привык, что они есть – большой лимонный циферблат с трещинками, чуть погнутая стрелка, маятник, который не качается.

* * *

Через месяц после похорон, в какое-то особенно тоскливое воскресное утро – за окном в сплошном тумане моросил дождь со снегом – я открыл на телефоне приложение и нашёл онлайн-радио «Маяк». Включил. Раздались знакомые

позывные – те самые «Не слышны в саду» и гудки, один выше другого. Я глянул на часы в телефоне: ровно девять! И женский голос, всё тот же строгий, однотонный, произнёс:

– Московское время девять часов утра.

И тут я не сдержался. Смотрел на застывшие дедовы часы, меня невольно трясло.

Далёкая Москва говорит. Для всех. А значит, и для меня тоже. Значит, и меня помнят. Я не одинок!

Встал, открыл дверцу с тусклым от пыли стеклом, перевёл стрелки – они поддались с лёгким, знакомым скрипом. Достал из нижнего отделения заводной ключ с потемневшей медной рукояткой и осторожно, с тугим напряжением, завёл механизм. Пружина отозвалась тугой вибрацией, маятник чуть вздрогнул и начал раскачиваться, сначала робко, потом всё увереннее, и стучал верно, как сердце, которое чудом вернули к жизни. Часы пошли. Их тиканье наполнило квартиру запахами печи, мяты, далёкого знакомого дома, где жили дедушка с бабушкой. Дома, которого у меня больше нет. И который навсегда со мной и во мне.

Я придвинул телефон с бормочущим приёмником поближе и, глядя, как уверенно и бодро качается маятник, отбрасывая на стену дрожащий латунный зайчик, произнёс:

– Доброе утро, дед! Московское время девять часов ноль-ноль минут.

Радио мирно и однотонно вещало, а что – уже совсем неважно. Где-то далеко, в Москве, люди спешили, толпились у метро, а диктор готовилась перейти к прогнозу погоды.

И мне показалось, что в этом эфире, среди бесконечного шума и сигналов, есть голос моего деда. И я его слышу.

Ваш двоечник Эдик

Артёму в июне исполнилось восемнадцать, и отец подарил ему машину. Не самую дорогую, но надёжную, корейскую, золотистого цвета. Не такую, чтобы хвастаться, а ездить. Вручая ключи, сказал:

– Ты скоро поступишь, сынок. Будешь учиться на юриста. И будет очень кстати, что в большой город станешь ездить на машине. Это быстрее и даже выгоднее, чем поезда, которые только и делают, что дорожают. Да и привыкай к мобильности. Сейчас это важно.

Отец у него был человеком известным. Эрнест Всеволодович Знаменский. Адвокат, из тех, кого в городе называли по имени-отчеству даже за глаза, а иные – с почтительным придыханием. Эталон интеллигентности, такта и знания законов.

Артём, хотя и отучился на права за счёт папы, всю ночь думал, что лучше отказаться от подарка и подождать, когда сам заработает, и купить себе ма-

шину. Не потому, что был неблагодарным, а потому, что не хотел смотреть на мир через стёкла отцовских очков. Слишком уж всё в жизни было заранее определено: юридический, карьера. Такой вот расчерченный путь, где отец внимательно ведёт тебя под локоток. А он задыхался от этой ясности… Но к утру решил: не обижать. Отец ведь от чистого сердца. После смерти мамы он жил один, хранил ей верность, никого не приводил в дом – такой вот светский монах. И, конечно же, Эрнест Всеволодович искренне любил сына, отказ от подарка мог ранить. Причём глубоко и совсем незаслуженно.

Утром сели завтракать. Отец пододвинул сыну приборы – всё как обычно, без слов. За окном шумел двор. Артём помешал чай, хотя сахар не клал.

– Я решил, – сказал он, не поднимая глаз, – раз ты мне подарил машину, и время свободное пока у меня есть… летом подработаю курьером. Цветы буду развозить. Уже звонил по объявлению, берут.

Эрнест Всеволодович замер. Нож застыл над сыром. Потом снял очки и тут же вернул на переносицу.

– Курьером? – повторил он, будто пробуя новое незнакомое слово. – На машине? И это ты: парень, который сдал почти каждый экзамен на сто баллов?

– Да, – кивнул Артём.

– Зачем? Если нужно – я дам тебе денег! Ты только скажи, сколько? Даже спрашивать не стану подробностей, на что.

– Не в деньгах дело, пап.

– А в чём?

Артём наконец поднял глаза:

– Мне нужно самому попробовать. Понимаешь? Я хочу!

Отец смотрел на него долго, как на свидетеля, который говорит правду, но не ту, что ждали:

– Ну, если тебе не нравятся цветы, пойду таксистом! Цветы скучно возить, они же молчат, а там клиенты, можно поговорить, много нового узнать для себя.

Отец тяжело вздохнул, поднял на него взгляд – не сердитый, но напряжённый. Помолчал и ответил:

– Нет уж… Цветы так цветы. Тем более, я тебе уже не могу указывать. Раз тебе восемнадцать.

И придвинул сыну маслёнку, будто ставил точку. Он никогда не спорил и взвешивал каждое слово, сказанное сыну, на самых чутких весах.

* * *

В первый рабочий день Артём подмигнул машине, как приветствуют живого напарника, с которым предстоит работать целое лето. Корейская легковушка стояла чистенькая, довольная, будто тоже ждала этого дня. Артём провёл ладонью по капоту, чувствуя прохладу, и улыбнулся:

– Ну что, в путь!

И, кажется, в тот момент он искренне верил, что впереди его ждёт что-

то большее, чем просто адреса в телефоне и чужие двери. Цветочный салон, куда устроился Артём, держала Людмила Ефимовна – женщина полная, радостная, шумная, из тех, кто заполняет собой всё пространство, стоит ей только появиться. Руки у неё были особенные, ловкие. Она подрезала стебли, крутила упаковочную ленту, придерживали целлофан губами и при этом никогда не ошибались. Казалось, букет рождался у неё быстрее, чем она успевала договорить фразу.

От Артёма она была без ума:

– Ой, ну до чего ж ты у меня аккуратный! А с цветами смотришься ну как в кино! Эх, попадись ты мне такой лет двадцать назад! А знаешь что! Сегодня вечером дочка моя зайдёт, я вас познакомлю!

Он пропускал это мимо ушей. Да, следил за собой, старался. Укладывал волосы, трижды в день менял рубашку. Ему нравилось думать, что он несёт людям праздник. Хотелось верить, что курьер с цветами – это не просто доставка, а почти гость. Что его появление на пороге – маленькое событие. Кто-то вздыхает, кто-то краснеет или прячет слёзы. Он воображал, как его благодарят с чувством, как при нём вручают букет дальше – маме, подруге, любимой. И он в этой цепочке не посторонний, а необходимый. Тот, кто привёз не просто цветы, а чью-то нежность. Ему казалось, что радость обязательно должна хоть краем задеть и его самого.

Но выходило иначе! Открывали двери, брали букет, улыбались – но не ему. Улыбка была предназначена цветам или тому, кто их заказал, а он был лишь продолжением упаковки. Некоторые совали чаевые, не проронив ни слова. И потому эти деньги скорее обижали! Он был роботом. Функцией.

Эта мысль оказалась ядовитой. Артём стал замечать, что весь мир устроен так же. Отец – внешне такой успешный адвокат – тоже был для своих клиентов функцией. Никому не было дела до его чувств, усталости, бессонных изнурительных ночей, когда тот изучал материалы или готовился к заседанию. Важно было только одно: выиграет он или нет.

Артём вдруг увидел всё это с беспощадной ясностью. Люди были нужны друг другу только затем, чтобы что-то привезти, решить, сделать. А что у человека внутри – никого не волновало.

Ему вдруг стало тошно даже от собственной опрятности. От этих белых рубашек, от вежливой улыбки, которую он натягивал перед каждой дверью, чтобы потом стереть. Артём поймал себя на мысли, что уже не различает лиц: все сливались в череду рук, дверей и дежурных благодарностей. Это было не одиночество даже – его ещё можно пережить. Скорее невидимость. Как будто его затёрли, как фамилию на подарочной упаковке. И от этого внутри что-то тонко надламывалось – без треска, без слёз, тихо.

Он решил: хватит! Отработает последние дни и уедет. Куда-нибудь подальше от города, от букетов, от чужой радости, где ему не было места. Посидеть одному, подумать, как жить дальше. Он уже сообщил Людмиле Ефимовне, что уходит. Та расстроилась, даже всплакнула, но спорить не стала.

* * *

В последний рабочий день он зашёл за оставшимся заказом.

– Ну вот, – вздохнула Людмила Ефимовна, разводя пухлыми ладонями, – остался один. Но особенный. Отвезёшь?

Артём кивнул уныло.

– Ты смотри, не просто отдай. Тут письмо. И заказчик очень просил убедиться, что получатель его прочитает. Заказ-то совсем необычный… из Бразилии! – и пропела, чуть закатив глаза. – О Рио-Рио!

Он взял букет – крупный, щедрый, с розами, лилиями и чем-то ещё, что пахло так, будто его и правда сорвали не здесь, а где-то в далёкой сельве. И поехал.

По дороге думал: Бразилия… Ну и что! Люди на другом конце земли ходят по отношению вниз головой, а всё равно не замечают друг друга. Думают о своём. Везде и всё одинаково.

Адрес привёл его на окраину – в район, где почти никогда не бывал. К маленькой, не знавшей ремонта школе. Обычная двухэтажная коробка с облупившейся краской, узкими окнами и чахлыми кустами у входа. Артём сверился с телефоном, уточнил имя получателя. Женщина. Педагог. Даже зовут до скукоты на школьный манер: Антонина Ивановна.

Он вошёл. На вахте сидел хмурый охранник в тёмной форме. Поднял глаза исподлобья, по-бычьи, недоверчиво. Долго смотрел то на паспорт, где Артём был снят с неестественно улыбчивым лицом, то на букет, который, кажется, вызывал у него раздражение.

– К кому? – буркнул он.

– К учительнице. Заказ.

– Фамилию знаешь?

Охранник ещё раз глянул на него, перевёл взгляд на букет, словно тот был оскорбительно красив для этого серого коридора, и неохотно кивнул:

– В двадцать второй иди. Второй этаж. Рядом с учительской.

В школе было тихо. Пахло мелом, хлоркой, влажной тряпкой и старым линолеумом. На стенах – выцветшие стенды, рисунки, приколотые кнопками, объявление о потерянной сменной обуви. Он поднялся на второй этаж, нашёл дверь. И лишь тронул потёртую ручку, прозвенел звонок. Артём отступил, и из кабинета повалили дети. Они с любопытством и смешками обходили незнакомца с букетом, как река обтекает камень.

– Ого, это кому? – звенели голоса. – А это что такое в нём торчит, пальмовая ветка что ли?

Артём поднял букет над головой, как факел, защищая от детей.

– Жених, что ли, нашёлся? Запоздалый! – язвительно бросила учительница с колючими чертами лица и клубком на голове, проходя мимо.

Он не отвечал. Дождался, пока поток схлынет, и вошёл.

* * *

У доски стояла женщина. Маленькая, сухонькая, с крашеными каштановыми волосами, в строгом сером костюме. Она вздрогнула, увидев букет, и сжала на груди кулачок, словно защищаясь. На безымянном пальце кольца не было.

– Молодой человек, вы к кому? – спросила она негромко. – С этим… вам наверняка в соседний кабинет, там учительская. А директор Тамара Семёновна тоже рядом, там написано: «Приёмная».

– Вы Антонина Ивановна? – спросил Артём.

– Допустим, – и посуровела ещё больше. – Но только если это от родителей Пряхина, предупреждаю: везите букет обратно, где взяли! Тут не букеты с извинениями нужны, а парня со дна вытаскивать! И не надо меня задабривать, а лучше нам вместе взяться и…

– Не объясняйте, я всего лишь курьер. И у заказчика другая фамилия. Это вам. А от кого – там всё написано, – ответил Артём и удивился своему равнодушию. Он быстро выгорел, и ему не хотелось ничего объяснять. Он вдруг почувствовал, что говорит, как автоответчик: ровно, без запинки, без интереса. Словно это не он стоял посреди класса с цветами, а какая-то его сухая оболочка, у которой одна задача – в последний раз передать и уйти.

Артём протянул ей конверт из букета. Та не сразу поняла.

– Вот. Меня просили убедиться, что вы прочтёте.

Она взяла. Поправила очки, близоруко вгляделась в надпись. И вдруг села. Опустилась на стул медленно, не глядя.

– Это что ли правда… от него? – спросила она тихо.

– От кого?

– От Эдика!

– Вероятно, – и повторил. – Прочтите, пожалуйста.

Артём и сам теперь перевёл взгляд на конверт. С лицевой стороны, почти в пол-листа, – зелёные горы, белый песок и над всем этим, на вершине горы, фигура Христа, раскинувшего руки над заливом. Бразильский рисунок был яркий, нарядный, но уже чуть потёртый по сгибам, будто кто-то долго носил конверт с собой, в кармане у груди, прежде чем отправить. А под ним – торопливым, сбитым почерком, наискосок, как пишут в спешке, но с чувством: «Ваш двоечник Эдик».

Она распечатала. Читала, то удивляясь, то улыбаясь, то отворачиваясь к окну и снимая очки. Потом, не поднимая глаз, спросила:

– Вас как зовут?

Он опешил. Сколько он доставил букетов за эти недели? Пару сотен, не меньше! Но его ещё ни разу не спрашивали про имя!

– Артём.

– Артём, – повторила она. – Закройте, пожалуйста, дверь. Шумно.

Он закрыл. Они остались наедине. Только портреты учёных смотрели со стен.

– Послушайте, что он пишет! – сказала она наконец. – «Моя дорогая Антонина Ивановна! Вы однажды сказали, что у меня всё получится. И я пове-

рил в себя! Получилось! Люблю и крепко обнимаю вас из Рио-де-Жанейро. Ваш двоечник Эдик».

Она помолчала.

– Был у меня такой ученик. Лет десять назад, а может уже и больше. Ему теперь около тридцати, наверное. Родителей всё время вызывали в школу. Поведение плохое, учёба ещё хуже. Да и район тут, знаете, самый неподходящий, сплошной криминал. Все говорили: двоечник, хулиган, тюрьма его ждёт и плачет! А я верила. Не потому, что он был лучше всех. Просто я всегда верю в каждого. И в него тоже. Да, и он мне безумно по-человечески нравился! Эдик ведь был такой, знаете, упрямый! И честный, – впервые за эти минуты она улыбнулась, вспоминая. – Даже когда врал – всё равно выходило честно.

Она нервно теребила очки, а потом бросила их на кипу тетрадей.

– А теперь смотрите – улетел в Бразилию, занялся какими-то поставками. И оттуда, из этого карнавала… весточка мне! Нет, ну надо же, какой хулиган! Помнит!.. Артём, что же вы, давайте мои цветы!

Антонина Ивановна приняла, утонула в них, прижалась лицом к бутонам. Вдохнула глубоко, с закрытыми глазами – так дышат не ради аромата, а чтобы ощутить что-то важное и дорогое. Плечи под серым костюмом дрогнули, но она не заплакала. Только выдохнула шумно. И вдруг обняла – не как цветы, а как того самого мальчишку: неловкого, колючего, вечно взъерошенного Эдика, который когда-то стоял у этой доски и огрызался, а теперь вот прижался к ней откуда-то из Бразилии этими розами и лилиями. И она прижала его к груди – бережно, будто боялась, что он снова вырвется и убежит.

Только теперь уже не убежит. Теперь он вырос. И вернулся. Хотя бы вот так – цветами, конвертом, двумя строчками.

Артём стоял у двери и не знал, куда деть освободившиеся от букета руки. В груди что-то сжималось. Он смотрел на эту маленькую женщину, на её большие очки, на яркий помятый конверт – и вдруг почувствовал, что мир, который ещё утром казался ему огромным механизмом из голых функций, оказался не таким уж серым и чёрствым.

* * *

Он вышел из школы. Сел в машину, выехал за город. Остановился на обочине у случайного пустого перекрёстка грунтовой и асфальтовой дорог, оставив дверцу открытой. Машина стояла, поблескивая фарами, солнце скользило по капоту, как по мёду. Впереди лежало поле с редкими островками полевых цветов, а за ним, далеко-далеко, поднимались сизые холмы. Небо над ними было просторное, белёсое от жары, с двумя-тремя расплывшимися облаками. Всё молчало, и от этого собственные мысли казались особенно близкими и чёткими.

Вот он, чёрт возьми, выбор! Жизнь, думал он, как эти две дороги на перепутье. Одна ровная, гладкая, с ясной разметкой и ровным накатанным полотном – катись на полной скорости и не думай. Всё в ней предсказуемо: и повороты, и остановки, и конечная точка. Другая – сплошной грунт: колеи, ямы,

пыль столбом. Не видно ни обочин, ни знаков, ни того, что за ближним подъёмом. И непонятно, выедешь ли к чему-то или застрянешь на полпути. Первая – скучна и предначертана, но вторая – твоя. По ней ещё никто не проезжал твоих километров.

Он вспомнил лицо отца. Усталое, строгое, но в глубине глаз – вечная тревога за него, единственного сына. И подумал, что, кажется, ещё не поздно… Подать документы в другой вуз. С его-то баллами открыты любые дороги.

Вспомнил, как отец сказал утром: «Тебе восемнадцать, сынок. Ты вправе решать сам». Сказал, но, кажется, сам до конца в это не верил. А ведь правда: ему восемнадцать. И он на развилке. Это его жизнь. Не чья-то.

И он представил, как приедет сейчас к отцу. Расскажет, каким был его последний рабочий день курьером. И добавит:

– Пап, похоже, и это всё было не зря! Кажется, я понял: я не хочу быть адвокатом, как ты. Только не злись и не удивляйся! Я хочу стать… простым школьным учителем. Но настоящим! Который верит в своих учеников. Которого помнят и любят! Поверь, так бывает, я видел… видел это сегодня!

Известный адвокат Эрнест Знаменский, наверное, сначала долго будет молчать. Снимет очки, протрёт стёкла тем же знакомым жестом, каким делал это всегда, когда не знал, как ответить. Потом кивнёт – не сразу, с паузой. Спрячет дрожание ладоней от него.

– И что ты объяснишь детям? – спросит он негромко. – Как зарабатывать в школе? Как выжить на учительскую ставку?

– Нет. Я объясню им, что они важны. Что в них можно верить.

Отец хмыкнет.

– Ну, если так… – и помолчит. – Тогда иди. Только смотри, это твой выбор.

– Постараюсь, – улыбнулся Артём.

– Не надо стараться. Просто делай, как чувствуешь.

Это будет вот-вот, скоро, а сейчас Артём вернётся в машину, закроет дверцу, и золотистый капот снова поймает солнце. Он не будет больше ездить по чужим адресам, доставляя цветы. Он поедет своей дорогой.

Александра НИКОЛАЕВА

«Гавриил, тамбовский губернатор...»

К 240-летию назначения Г.Р. Державина правителем Тамбовского наместничества

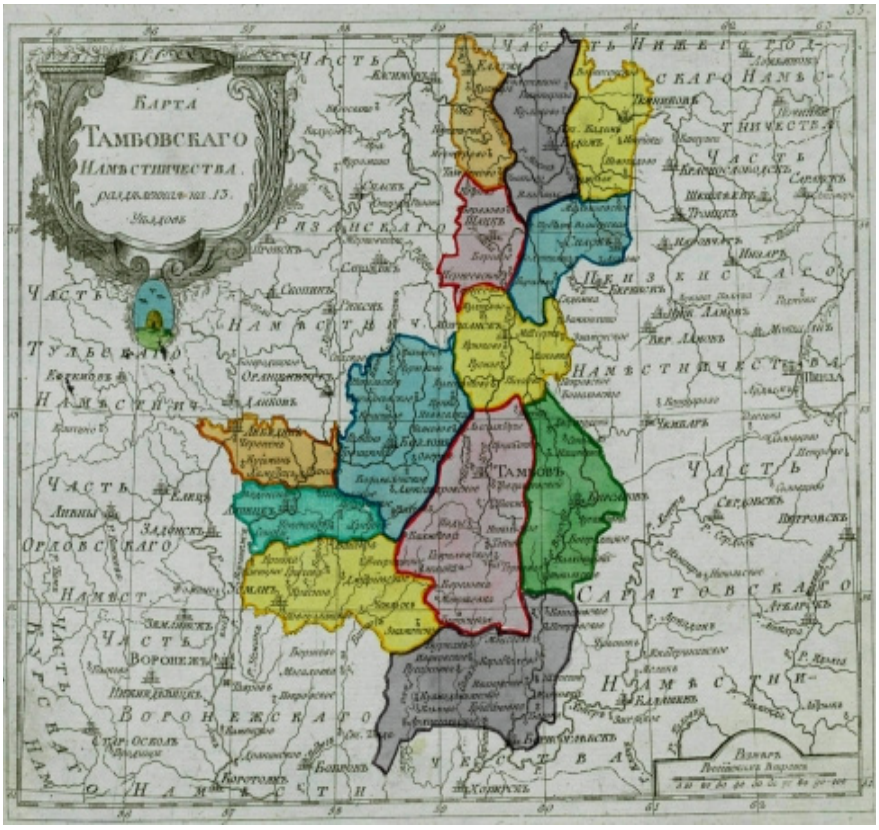

Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.

Весной 1816 года ***Гавриил Романович Державин*** (1743–1816) написал своё последнее стихотворение. Сочиняя процитированные строки, Державин не мог не размышлять о приближающемся финале собственной жизни, о памяти, кото-

рую он оставит о себе будущим поколениям русских людей. И, возможно, был бы удивлён, что в восприятии соотечественников XIX, XX и XXI веков он остался в роли самого талантливого и оригинального поэта Эпохи Просвещения, предшественника «золотого века», реформатора русского стихосложения, который незадолго до смерти благословил на великие свершения «солнце русской поэзии» Пушкина и которого критик Белинский назвал «отцом русских поэтов».

Гораздо менее известна другая сторона жизни Державина, связанная с его государственной службой. Этой деятельности Гавриил Романович посвятил более четырёх десятилетий, начав свой служебный путь на военном поприще в роли рядового солдата гвардейского Преображенского полка и увенчав его высокими постами генерал-прокурора Сената и самого первого в России министра юстиции. Впрочем, между этими двумя карьерными точками расположилось множество других важных должностей и занятий, в числе которых – должность правителя Тамбовского наместничества, которую он занимал с 1786 по 1788 год. Тамбовскому периоду в государственной Державина, стартовавшему 240 лет назад, и её ключевым направлениям, отношениям правителя наместничества с начальством, подчинёнными и местными жителями, испытаниям, выпавшим на долю Гавриила Романовича, и «несчастливому» завершению этой службы посвящена эта статья.

Карта Тамбовского наместничества (1787)

15 декабря 1785 года именным указом императрицы Екатерины II при помощи влиятельных вельмож Александра Романовича Воронцова и Александра Андреевича Безбородко Гавриил Романович Державин был назначен правителем Тамбовского наместничества и стал пятым по счёту с момента открытия наместничества в 1779 году. В город Тамбов он прибыл в марте 1786 года. Поначалу Державин очень радовался переводу в одну из плодородных губерний Центральной России – по сравнению с Олонецким наместничеством жизнь здесь была значительно дешевле, а климат намного приятнее. Довольство новой жизнью отразилось в весёлом тоне переписки Гавриила Романовича с друзьями. Так, в письме к Капнистам от 4 мая он благодушно шутил: «Гавриил, тамбовский губернатор, и Екатерина, тамбовская губернаторша здравия вам желают и нарочного курьера в Кременчуг наведаться о здравье вашем отправляют, и о себе объявляют, что они очень весело и покойно поживают и всю петрозаводскую скуку позабывают, и вас к себе в гости приглашают, и бал для вас и пир сделать обещают» [2, с. 272].

Довольно приятельские отношения сложились у Державина с генерал-губернатором Иваном Васильевичем Гудовичем, храбрым боевым генералом, участником Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. О первой встрече с Гудовичем, когда тот на неделю приехал в Тамбов, Гавриил Романович так отзывался в письме к графу Воронцову: «Он встречен был здесь с нелицемерную от всех радостью… Кроткое его, простое и снисходительное со всеми обращение, образ мыслей благородный и поступки, на истинных правилах чести основанные, усугубили к нему внутренним всех благорасположением то почтение, которое по наружности начальникам отдаётся» [2, с. 271]. По мнению Державина, Тамбов имел «тысячу выгод» перед Петрозаводском: больший по размеру губернаторский дом, приятное общество, достаточное количество подчинённых и, наконец, начальник, руководствовавшийся в своей деятельности законами и пользой Отечества.

С самого приезда в Тамбовское наместничества Гавриил Романович, человек энергичный и весьма горячий по своему характеру, развил кипучую деятельность в самых разных направлениях: участие в Генеральном межевании и составлении первых карт Тамбовского наместничества; обеспечение рекрутских наборов в армию (тем более что в это время началась очередная Русско-турецкая война); сборы налогов и недоимок по ним в казну; борьба с преступностью; контроль над работой судебных учреждений, попытки ускорить и качественно улучшить их деятельность; широкомасштабное благоустройство Тамбова и ряда уездных городов; активные социально-просветительские мероприятия. На двух последних пунктах державинского наместничества хочется остановиться подробнее.

Основанный за полтора века до событий, связанных с правлением Державина, Тамбов ко времени приезда нового наместника давно уже утратил прежнее оборонное значение, что не могло не сказаться на его внешнем облике. Если несколько десятилетий назад над всеми тамбовскими постройками господ-

ствовали стены и башни деревянного кремля, то теперь могучих укреплений ничего не осталось. Лишившись прежнего вида, крепость, по утверждению основателя тамбовского краеведения Ивана Ивановича Дубасова, стала походить «на большое чернозёмное село», в котором «почти все дома… крыты были соломою, а болотистые улицы выложены были фашинником, изрыты ямами и пересечены сорными буграми…» [4, с. 244].

В 1781 году Екатерина II утвердила план перестройки Тамбова, согласно которому предусматривалось разбитие города на кварталы, радикальная перепланировка улиц, крупномасштабное казённое и частное строение по заранее утверждённым типовым образцам, и поэтому ещё до приезда Державина были предприняты некоторые шаги для осуществления «конфирмованных планов» на практике, например, учреждены новые кладбища, а через реку Студенец построен деревянный мост. В 1786–1787 гг. вместо деревянного был возведён каменный мост. По замыслу нового правителя наместничества, такой мост был необходим для удобного прохода по реке лёгких судов. Следует заметить, что Гавриил Романович живо интересовался водными путями сообщений. В конце 1786 года он написал для И.В. Гудовича «Мнение о судоходстве Тамбовской губернии», где обратил внимание на помехи речным судам не только из-за природных мелей, но и по причине растущих на дне пней и коряг, груд мусора, вбитых старых свай. В этом документе Державин пытался добиться сооружения новых паромных переправ, гатей и мостов, шлюзов в плотинах водяных мельниц. Он обеспокоился сохранностью корабельных лесов в крае и требовал поощрять владельцев многоразовых речных судов. К сожалению, эти разумные, обоснованные предложения остались без ответа.

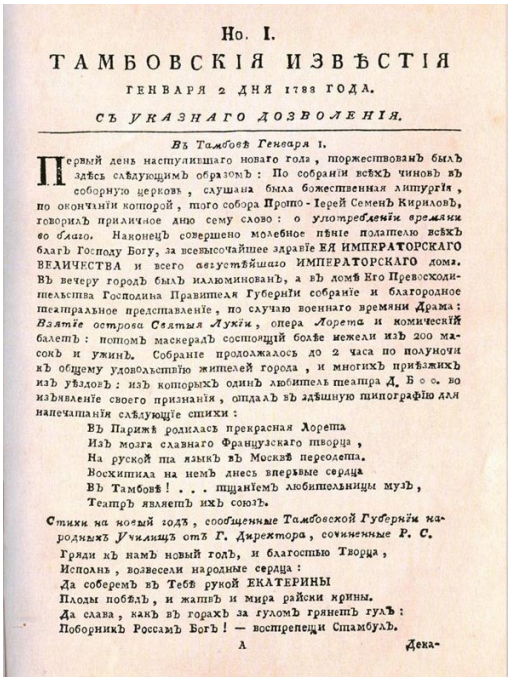
Одним из первых строений, появившихся в Тамбове при Державине-наместнике, стало новое здание губернской тюрьмы. Гавриил Романович испытал настоящее потрясение при посещении острога, где в ужасной тесноте и антисанитарии находилось более 150 человек, без света, без отопления, как в «скверном хлеву». Наместник приказал старую тюрьму сломать, а затем построить новые чистые избы для арестантов. Ещё одним зданием, находившимся к моменту прибытия Гавриила Романовича в Тамбов в катастрофическом состоянии, был корпус присутственных мест, где располагались уездный суд, верхняя и нижняя расправы и многие другие учреждения. За помощью и советом Державин решил обратиться к своему другу, архитектору Николаю Александровичу Львову. Затем был приглашён из Усмани «кирпичный мастер», а в августе 1787 года в Тамбове построен кирпичный завод с двумя зажигательными печами и девятью сараями. Камень, необходимый для строительства, добывали в Тамбовском и Козловском уездах. Однако завершённого результата собственной градостроительной деятельности Гавриилу Романовичу увидеть не довелось: зимой 1788 года строительство нового «каменного квартала» для присутственных мест было приостановлено из-за сокращения финансирования с началом войны с турками, а через год Державин покинул Тамбов навсегда.

Важной заботой Державина как правителя тамбовского наместничества являлось народное просвещение. Он считал себя проводником идей императрицы Екатерины II по развитию образования в России в духе просвети-

тельской философии. В сентябре 1786 года стараниями Гавриила Романовича было открыто главное народное училище для первоначального обучения детей дворян. Оно находилась в Покровской слободе в доме купца Бородина, занимая первый этаж каменного строения, состоящий из четырёх больших комнат для классов и одного малой для библиотеки. На нижнем этаже располагались комнаты учителей и служителей. Для нового учебного заведения из Петербурга Державин выписал четырёх педагогов: Василия Роминского – преподавателя математики, физики, рисования, русского и латинского языков; Савву Венедиктова – преподавателя всеобщей и русской истории, географии; Лукиана Антонова – преподавателя катехизиса, чистописания, первой части арифметики; Василия Смирнова – преподавателя азбуки, российского букваря, правил для учащихся и таблиц для складов. Вслед за Тамбовским училищем появились двухклассные народные училища в Козлове, Моршанске, Лебедяни, Елатьме и Шацке.

Другим не менее важным культурным мероприятием Г.Р. Державина является открытие первой типографии, организация книгопечатания и издание периодической газеты. Наметив организовать типографию, Гавриил Романович установил связь с известным журналистом Николаем Ивановичем Новиковым, сделав запрос о возможности приобретения типографского станка и литых букв, а также о мастерах-наборщиках и печатниках, которые бы согласились переехать на работу в Тамбов. Уже в 1787 году из Москвы было получено необходимое оборудование, и в новой типографии стали печататься официальные бумаги наместнического правления. В 1788 году в Тамбове стала издаваться первая в России провинциальная газета «Тамбовские известия», где помещались сведения о проезжих «именитых людях», о проходе различных команд, о ценах на хлеб и на товары первой необходимости, информация о местных происшествиях. До отъезда Державина было напечатано 49 номеров газеты, затем её выпуск прекратился. В новой губернской типографии публиковались художественные произведения, в том числе собственные стихотворения Державина («Желание зимы», «На смерть графини Румянцовой», «Осень в Зубриловке» и др.), написанные им во время пребывания в Тамбове. Последняя ода, первоначально опубликованная под названием «Осень во время осады Очакова», открывается торжественным и пышным описанием осенней тамбовской природы:

Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи.
Ковыль сребрится по степям;
Шумящи красно-жёлты листья
Растлались всюду по тропам…

№. I.

ТАМБОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

ГЕНВАРЯ 2 ДНЯ 1788 ГОДА.

СЪ УКАЗНАГО ДОЗВОЛЕНІЯ.

Въ Тамбовѣ Генваря 1.

Первый день наступившаго новаго года, торжествованъ былъ здѣсь слѣдующимъ образомъ: По собранiи всѣхъ чиновъ въ соборную церковь, слушана была божественная литургiя, по окончанiи которой, того собора Прото-Iерей Семенъ Кириловъ, говорилъ приличное дню сему слово: о употребленiи времяни во благо. Наконецъ совершено молебное пѣнiе полателю всѣхъ благъ Господу Богу, за всевысочайшее здравiе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и всего августѣйшаго ИМПЕРАТОРСКАГО дома. Въ вечеру городъ былъ иллюминованъ, а въ домѣ Его Превосходительства Господина Правителя Губернiи собранiе и благородное театральное представленiе, по случаю военнаго времяни Драма: Взятiе острова Святыя Лукiи, опера Лорета и комическiй балетъ: потомъ маскерадъ состоящiй болѣе нежели изъ 200 масокъ и ужинъ. Собранiе продолжалось до 2 часа по полуночи къ общему удовольствiю жителей города, и многихъ пріѣзжихъ изъ уѣздовъ: изъ которыхъ одинъ любитель театра Д. Б о о. во изъявленiе своего признанiя, отдалъ въ здѣшную типографiю для напечатанiя слѣдующiе спихи:

Въ Парижѣ родилась прекрасная Лорета
Изъ мозга славнаго Французскаго творца,
На руской па языкъ въ Москвѣ переодета.
Восхитила на немъ днесь впервые сердца
Въ Тамбовѣ! . . . пщанiемъ любительницы музъ,
Театръ являетъ ихъ союзъ.

Стихи на новый годъ, сообщенные Тамбовской Губернiи народныхъ Училищъ отъ Г. Директора, сочиненные Р. С.

Гряди къ намъ новый годъ, и благостью Творца,
Исполнь, возвесели народные сердца:
Да соберемъ въ Тебѣ рукой ЕКАТЕРИНЫ
Плоды побѣдъ, и жатвъ и мира райски крины.
Да слава, какъ въ горахъ за гуломъ грянетъ гулъ:
Поборникъ Россамъ Богъ! — вострепещи Стамбулъ.

А Дека-

Тамбовские известия. 1788. № 1.

Для просвещения местного «избранного общества», проводившего время в кутежах, карточной игре и сплетнях, Державин решил создать в Тамбове театр. Первый спектакль был поставлен 28 июня 1786 года «любителями драматического искусства» из дворян, принимали в нём участие крепостные актёры, певцы и музыканты. Представление состоялось в губернаторском доме в честь очередного приезда в Тамбов наместника Рязанской и Тамбовской губернии И.В. Гудовича: в конце галереи особняка были поставлены декорации, изображавшие древнегреческий храм, из которого вышел навстречу губернатору хор детей в белых одеждах с гирляндами цветов. Хор пропел сочинённые Державиным приветственные стихи. Окончилось празднество интермедией и танцами.

Затем Державин обратился к Гудовичу за разрешением построить в Тамбове театр, и генерал-губернатор это разрешение дал. На это была ассигнована одна тысяча рублей и столько же ежегодно на содержание театра. Для постройки здания театра Гавриил Романович о высылке ему из Петербурга «искусного каменного мастера», итальянца Лукини, который прибыл в Тамбов в июне 1786 года. Надзор за постройкой театра Державин поручил другому итальянцу, механику Барзанти. Открытие постоянного театра в Тамбове произошло 24 ноября: основной постановкой шла комедия «Так и должно», направленная против взяточников и крючкотворов, а перед комедией был показан «Пролог в одном действии с музыкой на открытие в Тамбове театра и народного училища», написанный самим Державиным. Для театральной сцены Гавриил Романович создал ещё несколько небольших драматических произведений, ставились также пьесы Александра Петровича Сумарокова и Дениса Ивановича Фонвизина. Душой любительского театра являлась супруга наместника Екатерина Яковлевна, которую муж называл «Пленирой». Она играла в спектаклях, прекрасно пела, рисовала, руководила созданием декораций и костюмов. В доме правителя Тамбовского наместничества устраивались небольшие балы, концерты, театральные представления, обеды с симфонической музыкой.

Зимой 1786–1787 года в Тамбов для ревизии «по высочайшему повелению» прибыли сенаторы А.Р. Воронцов и А.В. Нарышкин. Результатами проверки они остались довольны, и в сентябре 1787 года Гавриил Романович был награждён Орденом Святого Владимира III степени (с ним он изображён на знаменитом портрете Боровиковского). Этот орден, имевший восьмиугольный золотой крест,

Екатерина Яковлевна Бастидон

красную ленту с широкими чёрными полосами по краям и девиз «Польза, честь и слава», был учреждён императрицей в 1782 году и считался очень высокой наградой и по значимости стоял после ордена Андрея Первозванного. Однако чуть больше чем через год после этого события Указом Екатерины II от 18 сентября 1788 года Державин был отрешён от должности наместника. Более того, на него было передано дело в Сенатский суд и взята с него подписка о безвыездном пребывании в Москве до окончания суда. Почему же тамбовская служба Державина окончилась так печально?

С момента прибытия в Тамбов новый правитель наместничества, человек принципиальный, искренно веривший в необходимость следования законом, стал настоящим врагом для многих местных чиновников, тесно и надёжно связанных дружескими и родственными узами между собой. Особенно ярко противоречие между Державиным и тамбовской бюрократией проявилось в деле купца Матвея Бородина, который летом 1786 г. мошенническим путём получил винный откуп, а затем объявил себя банкротом, успев перевести имущество и деньги на родственников. В результате этой аферы казна недополучила 250 тыс. рублей, что для XVIII столетия являлось просто огромной суммой. Об этом мошенническом происшествии Гавриил Романович доложил генерал-губернатору. Однако в деле Бородина оказались замешаны многие имевшие с ним «коммерческие отношения» должностные лица, в том числе вице-губернатор М.И. Ушаков и правитель канцелярии Гудовича Н.О. Лаба, имевший на своего начальника большое влияние. Поэтому неудивительно, что вину в несостоявшемся откупе Иван Васильевич переложил на Державина и наместническое правление, а конфликт с купцом-аферистом призвал решить «миром».

Ещё раз Державин столкнулся с влиятельными покровителями Бородина в деле о поставке хлеба в действующую армию Светлейшего князя Г.А. Потёмкина. После заявлений казначеев о нехватке денег в губернской казне, в отсутствии генерал-губернатора и председателя казённой палаты, Гавриил Романович самолично принял решение провести ревизию губернской казённой палаты. В результате проверки он нашёл искомые денежные средства, попутно вскрыв наглые злоупотребления и хищения государственных денег на «знатную сумму». В рапорте Сенату от 8 апреля 1788 г. Державин сообщал, что в ходе комиссионной проверки губернской казённой палаты, а также Козловской, Кирсановской, Темниковской, Лебедянской и Липецкой казённых палат «открыты были в содержании казны безпорядки, упущения, утайки и самыя похищения казны» [10, ч. 1, с. 66]. То есть, говоря современным языком, ревизией были обнаружены и зафиксированы 32 эпизода коррупционных преступлений (среди них – хранение казённых денег в помещениях без замка и охраны, выдача казённых денег частным лицам без расписок, сокрытие от казны собранных гербовых, складочных, провиантских сборов и рекрутских штрафов). Общая сумма хищений, по подсчётам наместника, составила почти 400 тыс. рублей.

По предписанию Сената в мае 1788 г. Гудович, вернувшийся к тому времени в губернию, провёл собственную проверку. При повторном осмотре казённой палаты им была обнаружена лишь незначительная недостача в полкопейки, а украденные деньги оказались просто незаписанными вовремя в расходные книги! Талантливый полководец на войне (в частности, он прославился присоединением Анапы в 1791 г.), а в гражданских делах – просвещённый администратор, стремившийся к улучшению жизни в подчинённом ему краю, Иван Васильевич вовсе не был закоренелым злодеем, каким его изображали многие исследователи. Но, являясь от природы человеком вспыльчивым и суровым, и к тому же давно устав от слишком своевольного подчинённого, Гудович теперь нашёл прекрасный повод для того, чтобы избавиться от Державина навсегда. В своём рапорте Сенату он высказал серьёзные обвинения по поводу деятельности правителя Тамбовского наместничества, в частности, превышение полномочий и неуважение к власти генерал-губернатора. Гавриил Романович был вынужден оправдываться. Но даже фактически обоснованные возражения, составившие «Объяснения о делах Тамбовской губернии и причинах неудовольства генерал-губернатора», не помогли ему отстоять свою правоту. Выпутаться из опасной ситуации помог только более эффективный неформальный способ – заступничество князя Потёмкина, фаворита императрицы.

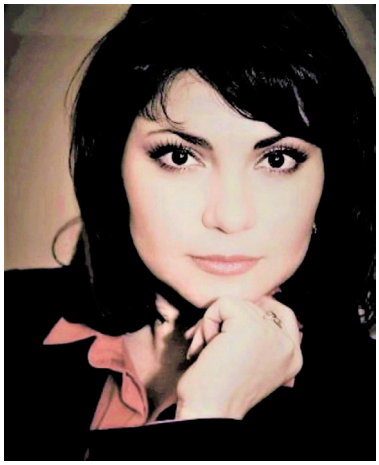
Нельзя не согласиться с известным современным историком, доктором исторических наук, профессором Тамбовского государственного университета Юрием Александровичем Мизисом, высказавшим в статье о Державине-наместнике из книги «Так в вечность льются дни и годы…» мнение, что в силу исторических причин конфликты Гавриила Романовича с местным дворянством, чиновничеством и купечеством «носили не только личностный или должностной оттенок. Ему довелось управлять краем как раз в эпоху перемен… Державин был

носителем идей эпохи Просвещения о верховенстве законов над людьми, но законы его эпохи ещё не прописали все детали взаимоотношений разных ветвей власти и управления между собой и населением… Его служебное рвение имело и обратную сторону медали. Он не искал компромиссов, а их отсутствие было чревато социальной нестабильностью» [9, с. 28]. Борьба же с взяточничеством и хищениями казны в одиночку и вовсе воспринималась современниками (в том числе императрицей, не желавшей ворошить «мутные гнёзда» корыстолюбивых чиновников) как борьба «с ветряными мельницами»…

Но, завершая нашу статью, следует сказать, что среди жителей современного Тамбова, одну из улиц которого (названную, кстати, именем Державина) теперь украшает бюст поэта, где находится Тамбовский университет и гимназия № 12, носящие его имя, Гавриил Романович оставил добрую память и своей энергичной деятельностью, и просвещённым характером патриота, преданного своему Отечеству.

Список литературы

1. *Авдошенко Е.В.* Поэт Г.Р. Державин в Тамбове. Тамбов, 1962.
2. *Грот Я.М.* Жизнь Державина. – М., 1997. – 685 с.: ил.
3. *Дальний Б., Богданов Д.* Державин в Тамбове. – Тамбов, 1947. – 47 с.; ил.
4. *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. – Тамбов, 1993. – 443,[2] с.
5. *Илёшин Б.И.* Литературные тропинки отчего края. – М., 1986. – 204,[2] с.
6. *Мещеряков Ю.В.* Гавриил Романович Державин. Тамбовский период деятельности (1786–1788). – Тамбов, 2006. – 443 с.: ил.
7. *Морозов Е.А.* Г.Р. Державин – правитель Тамбовского наместничества. – Тамбов, 1999. – 21,[1] с.
8. *Салиас де Турнемир Е.А.* Гавриил Романович Державин – правитель Тамбовского наместничества. – Тамбов, 1871. – 120 с.; 23.
9. «Так в вечность льются дни и годы...». Г.Р. Державин в Тамбове / отв. ред. Н.Л. Потанина, Г.Б. Буянова. – Тамбов, 2013. – 213 с.
10. *Цинцадзе Н.С.* Г.Р. Державин: на службе у трёх императоров: в 3 ч. – Тамбов, 2014.

Елизавета ХАПЛАНОВА

Найдите меня

Стихи

Ноты любви

Только любовью всё стерпится, только любовью.
Небо ложится к ногам, и звезда – к изголовью…
Слышится стон сквозь пространство – и всё одолимо.
Только любовью даются и время, и силы.

Только в любви обретаются крылья и кровля.
Жизнь возрождается снова – одною любовью.
В землю – коренья, а в небо – бессмертные строки
Да́руют только любви благодатные соки.

Тонкий хрусталь – вот любви испокон оболочка.
И многоточье она… и жестокая точка.
Чтобы её уберечь, ты другого не слушай –
Есть у любви и глаза, и язык есть особый, и уши…

Только любовью покроется всё, лишь любовью.
Той, что нужны и слова, и во вред многословье.
От Сотворенья до самых глубоких пророчеств
Каждый рассвет – эпилог сокровенности ночи.

Только любовь нас хранит, и лелеет мгновенья…
Всё происходит её высочайшим веленьем.
Нить узелком, расставанья ли горькая доля –
Только любовь, на любви, лишь одною Любовью…

* * *

Светят дальние огни, лунные поля…
Ты по этим огонькам отыщи меня.
В тишине среди зимы вдруг увидишь знак –
Он, невидимый другим, поразвеет мрак.

И осветит долгий путь, затеплит свечу.
Бесконечные огни – всё, чего хочу
В эту ласковость зари, спящую во мне…
Да ещё – всегда чтоб был свет в твоём окне.

Моя земля

Абрикосы в цвету,
словно в платьях - невесты,
И степной аромат, и дорога в пыли…
Я умру в тот же миг, за мгновение, - если
Отлучить меня смогут от этой земли.

Жаркий солнечный стяг - ореол террикона, -
Он впечатался в сердце на годы вперёд.
Я с рождения с ним незабвенно знакома,
Из одних состоим мы надёжных пород.

Потому не предам этот край, не покину -
Где бы я ни была, с ним навеки мой путь.
То ли степь в ковылях,
то ли в зелени - мины…
Своего не отринуть, души не задуть.

Всё приму, пуповинную связь не нарушу.
И с поклоном к земле, и с повинной приду.
Жизнь моя - терриконов кристальные души…
Пыль дорог… абрикосы в весеннем цвету…

Судьба вековая

По разбитой дороге, сожжённым лесам,
По твердыне, мне данной с рожденья,
Я иду… И внимаю твоим голосам,
Предыдущее поколенье.

Снова крест неподъёмный на плечи земли
Опустила судьба вековая.
И осенние листья устало легли
В седину уходящего мая…

Не коснуться былого. Но в нервах моих
Всё идёт эта вечная битва
Между веком ушедшим и веком живых,
Меж проклятьем врага и молитвой.

И, покуда твердыня моя велика
И не сбиты дорогой подковы,
Продолжается время, храня берега
И моим, и отеческим словом.

Найдите меня

Новогородским поисковикам,
поднявшим из земли солдата,
75 лет простоявшего в окопе на коленях

Он стоит много лет на коленях в окопе,
Не сказав ни полслова, судьбу не кляня.
Прошагав полстраны, полвойны, пол-Европы,
Он шепнул напоследок: «Найдите меня…»

Шли солдаты, свой путь пролагая к рейхстагу.
Шли года, оставляя тот бой вдалеке…
И лежала в окопе медаль «За отвагу»,
И застыл автомат в недвижимой руке.

Не гадают о нём ни соседи, ни дети –
Всех пропавших в себе затаила земля…
Только бьёт в провода неуступчивый ветер,
Только шепчет трава: «Вы найдите меня».

И в полях, и в лесах, и в зелёных равнинах
Этот голос звучит, словно наша вина…
И покуда солдат без креста и помина -
Не окончена, люди, былая война.

Отголоски боёв на любом косогоре.
Все, кто пали, – России живая броня.
Отовсюду – призывом, укором и болью –
К нам летят голоса: «Вы найдите меня…»

Жизнь

Донецк не сводки фронтовые,
Хоть в двух шагах не стихший бой…
Но нам, кто значится живыми,
Важна и вера, и любовь.
Погода, будь она нелётной,
Рейс не задержит в небеса.
Донецк – не звуки миномётов,
А в жизнь влюблённые глаза…
Жить под огнём – такая проза,
Судьба – сплошное решето.
Но в ноябре на клумбах розы,
А рядом – свитое гнездо…
Такое встретишь лишь в Донецке,
Где для цветов почёт и блажь.
Здесь дух моей страны советской,
Что и за блага не отдашь.
Донецк велик своей любовью,
Храним божественным крестом.
Цветут сады под звуки боя,
И крепко держится гнездо…

Держитесь, ребята

То ли сон, то ли явь, но летят на Восток
Чужие снаряды.
И снайперы метят вам точно в висок…
Держитесь, ребята!

Достаточно сил, чтобы встать и стоять
До полной победы!
Донбасс и Россия - славянская рать,
Здесь общие беды.

Плечо подставляют Самара и Брянск,
Ростов и Саратов…
Держитесь же, Славянск, Донецк и Луганск!
Держитесь, так надо…

Орёл и Казань, Краснодар и Сургут
Молитвы читают…
Но сердце Донбасса взрывают и бьют,
Пощады не зная.

Российское братство стремиться помочь –
Спасибо, что рядом.
Наступит рассвет, канет в прошлое ночь…
Держитесь, ребята!

* * *

Слова, важней которых нет,
Они в душе живут и дышат.
И дарят дом, и дарят свет,
Парят над нами выше, выше…

Слова, которым нет цены,
Шепчу, когда никто не слышит.
Вдали от мира и войны,
Где только аисты на крыше…

И обжигающе остры,
И с нежной сонной поволокой, -
Слова-огни, слова-костры,
Слова о близком и далёком…

Быть может, ты услышишь их,
Быть может, скажешь их кому-то.
Но мой новорождённый стих -
Твоей судьбы покой и смута…

Не размыкаются уста,
Когда на сердце реки-чувства.
Но слов немая красота-
Весны загадка, лета буйство…

Скажу - и жизни снова цвесть! -
Слова, рожденные судьбою:
«Спасибо, что ты в мире есть…»
Да будешь ты!
И я - с тобою.

Дом

Всё теплее воздух за окном.
Майский вечер шире и светлее…
Я молюсь за опустевший Дом
Так усердно, словно старец в келье.
Потому что должен быть у стен
Запах жизни, отпечаток счастья.
Чтобы мотылёк в окно летел
И касался тонкого запястья…
Чтобы дом не знал отныне бед,
И весну приветствовали птицы.
Чтобы поистерся горький след
В душах тех, кто всё же возвратится…

Так рождалась Россия

И звенели слова, и блестела роса.
И сверкали сквозь пыль голубые глаза.
Всё вскипало, гремело, бурлило и пело –
Так Россия рождалась,
так Россия взрослела.

Сквозь пылищу сражений,
сквозь грохот орудий.
Прикрывали её мы щитом или грудью.
И всходили над этим былинным раздольем
Лебеда и пшеница, и счастье, и горе.

А столетья застелются новым столетьем…
Будут в доме солдата взрослеть его дети.
Снова сменится битва на всходы и жатву.
И Россия, осияна поясом ратным,

Воссияет, поднявшись
над пламенным Словом,
И к труду, и к молитве, и к битве готова.
В ней одной наши копятся правда и сила.
Так восходит Россия. Так крепнет Россия.

Михаил ВОЛЧИХИН

Небеса и над пропастью сини

Стихи

Бессмертный полк

Весенний лес на время приумолк,
И цвет в садах не облетает в заметь.
Выходит на рубеж Бессмертный полк,
Бессмертный полк, что защищает память.

Не надо в нём искать ничтожный толк,
В масштабе он, быть может, незаметный,
Но он живой, он добровольный полк,
Он мирный полк – и потому Бессмертный.

Мы помним и Блокаду, и Хатынь…
Все тяготы трагических усилий.
За правду о войне, за торжество святынь
Уходит полк в единый Полк России!

В Полку и старики, и молодёжь –
Едины по священному обету.
Пока есть Полк, беспамятство и ложь
Не омрачат Великую Победу!

Живите, старики!

«Детям войны» посвящается

Живите, старики!
Вам, почитай, что поровну.
Вы жили, и вы выжили в аду,
Когда смертельный враг, оскалясь в нашу сторону,
Ревел своим: «Ату, её, ату!»

Живите, старики!
Мы тоже уж не молоды,
Спасибо вам, что отвели беду.
Мы на родной земле не опухали с голоду,
Не ели вместо хлеба лебеду.

Мы тем, кто вас порочит в новом времени,
Злословит кто, не подаем руки.
Мы ваши, мы того же роду-племени.
Живите, старики!

Россия

Подниму для неё, что осилю,
Что смогу, для неё накоплю,
Потому что жалею Россию,
Потому что по-русски люблю.

Не безгрешна она, не святая,
Но какая бы тьма ни была,
Над её куполами светает –
Золотые её купола.

Небеса и над пропастью сини,
Встанет солнце – зови, не зови…
Но нельзя на земле без России,
Как нельзя на земле без любви!

Боюсь

Боюсь переложить в стихи,
И это, правда же, не шутка,
Сырьё словесной чепухи,
Что вредно даже для желудка.

Когда сплошная темнота
Не кажет доброго и злого,
По мне, уж лучше немота,
Чем в сердце брошенное слово.

Боюсь остаться без любви
И время променять на даты,
Когда стихают соловьи
И только барабанят дятлы.

Боюсь в болотистый сезон
В грязи поэзия увязнет.
Боюсь, что все-таки резон
Есть и в такой водобоязни.

Когда над глубиною бьюсь
Своих черновиковых строчек,
Я потому-то и боюсь
Быть в незначительных и прочих.

Антонина

Я тону не в Дону,
Не в Придонье.
В её имени тону,
То есть в Тоне.

Не игривость коня –
Скачут кони,
Тонизирует меня
Танец Тони.

Не увижу даже клад,
Даже в муках.
Затонированный взгляд
Потому как.

Утончённость – не одно
С тем, что тонко;
Антонине не дано
Зваться Тонькой.

Анатолий ГОНЧАР

Я родными просторами ранен

Стихи

* * *

Бирюзовая гладь над волнующим полем,
Золотая наливка жнивья.
Не о многом Всевышнего молим,
Не о многом взываю и я.

Бирюзовая гладь над простором бескрайним,
Ветер клонит колосья волной.
Я родными просторами ранен,
Околдован родной тишиной.

Бирюзовая гладь над Вороной разлита,
Золотится на солнце река.
Из небесного сталактита
Кучерявые облака

В небе катятся, а под вечер
Забубнит на болоте выпь.
И кукушка, земной диспетчер,
Взбаламутит на сердце зыбь…

Я подумаю, что не вечное
Время здесь проведу своё.
Комарьё гудит, и беспечное
Шелестит на полях жнивьё…

* * *

Дождик упрямый за шею мне прямо
Льёт струи свои ни за что, ни про что,
Но я продолжаю безумно, упрямо
(Во мне от дождя тоже есть кое-что)

Стоять под дождём и считать его капли,
Смывая усталость и слёзы с лица.
И грозные тучи, как серые цапли,
Разрядами землю клюют без конца.

Бушует над миром слепая стихия,
Своим завываньем сбивая листву,
Но, стоя недвижно, слагаю стихи я,
А дождик ручьями стекает в траву.

* * *

Я в руку взял комок земли.
– Кормилица! – сказал.
Комок земли, кусок земли,
Казалось бы, так мал.
Но если семя посадить,
То семя прорастёт.
Водой его поить, поить –
Росток тот расцветёт.
Цветок завянет, даст плоды,
А мы плоды сорвём.
Они – награда за труды.
Мы снова заживём.

* * *

Я посажу в глухом овраге клён
И прослежу, чтоб вырос крепким он.
Я посажу акацию, цветы
Не для корысти, а для красоты.
Я посажу в глухом овраге абрикос,
Чтобы на радость путнику он рос.
Я посажу сосёнку для души
И под берёзой грядку черемши.

Я посажу неприхотливый сад
Не для чего, я просто буду рад,
Когда в глухом овраге (год придёт)
Весь этот сад, на счастье, зацветёт.

* * *

Первый лёд!
Изумрудов поле!
На коньках разрезаю гладь.
Брызги в стороны, брызги соли.
Не бежать хочу,
а летать.
Брызги в стороны белой крошкой,
Как изгибы речной фаты.
С неба тянутся снега мошки
И снежиночки, как цветы.
Я качу по зеркальной глади.
Ветерок в камышах шуршит.
Я лечу над водой, а сзади
След коньковый в узор расшит!

* * *

Вот и стало тепло.
Сопок чёрные шляпы
Показались из снега,
дороги черны.
Вот и стало тепло.
С крыш тяжёлые капли –
Слёзы радости поздно
пришедшей весны.
На берёзах седых –
тёмным капом скворечни,
Тонких веток пруты
облепили скворцы.
О весне я могу
говорить бесконечно.
Говорю о весне…
вспоминаешься ты…

* * *

Россыпь паутины на траве поникшей.
Два больших маслёнка под зелёной пикшей.
Сойка скачет в ветках, свиристит свирель.
Радуга на небе – солнца акварель.
Где-то гром грохочет, туча, уходя,
В небесах хохочет, за руку ведя
Дождик-рассыпуху, а он льёт и льёт,
А земля усталая воду жадно пьёт.

Облака – детишки, те летят пушком,
Всё без передышки, будто снежный ком.
Тихо, беззаботно, весело растут:
Станут чёрной тучею и назад придут.
И опять, как прежде, дождь грибной пойдёт,
Снова закружится жизни хоровод.

* * *

Белый снег искрится на ладони.
Ветка клёна в белом серебре.
Белые гарцующие кони
Растворились в белом декабре.
В белое закутанное поле
До весны упрятало ростки.
Всё укрыто поднебесной солью,
Ссыпанной с божественной руки.

* * *

Если Вы когда-нибудь
глядели на снежинку,
И она показалась невзрачной,
Блёклою, однозначной,
Значит, глаза не видят
Ваши красот земли.
Значит, когда цвели
Лютики в чистом поле,
Маки в горах на воле,
Фикус у Вас в кадушке,
Ландыши на опушке,
Вы закрывали очи,

И наступали ночи…
Но невозможно в мире
Всё на два, три, четыре
Переделить, пересчитать…

Друзьям посвящаю

Кто дружбу знал, что преданнее крови,
Тот счастлив был, тот Богом был любим.
В чужих краях удачу часто ловим,
В глаза чужие с дерзостью глядим,
И только друг плечо в беде подставит,
И только друг в беде тебя спасёт,
На растерзанье «волкам» не оставит,
Бальзам на раны слезами прольёт.
И пусть глаголы завершают рифму,
Пусть для поэтов это скверный стих,
Я в дружбу верю и не верю мифу:
Любая дружба на счастливый миг.
Я знал друзей и ныне тоже знаю,
Что за меня на плаху, как на пир.
Для них я сердце светом наполняю
И, расставаясь, братски обнимаю,
И беды их своими принимаю,
И воспеваю их звучаньем своих лир.

* * *

Снег повалил. Говорят, стеной.
Прежний путь заметает мой.
Новой дорогой надо идти.
Мы выбираем сами пути.
Кто выбирает широкий проспект,
Кто – автобан, занесённый в проект,
Кто по тропинке захочет идти.
Каждый из нас выбирает пути.
Каждый решает, как лучше ему.
Жаль, что порой я себя не пойму:
Часто с тоскою гляжу на шоссе,
Там, где вместились едва ли не все,

И, раздвигая друг друга локтями,
К свету стремятся. Хотя, между нами,
Призрачным часто бывает тот свет.
Впрочем, себе нахожу я ответ:
Я ещё раз на дорогу взгляну
И, не спеша, поверну в целину.

Елена ЧИСТЯКОВА

Однолюб

Самобытное повествование

Есть любовь – не будет сомнений,
есть сомнения – не быть любви.

Это, казалось бы, на первый взгляд, незамысловатое самобытное повествование уведёт Вас в прошлое нашей Родины и, очень надеюсь, откроет для Вас редко проявляемые черты характера и удивительные качества души простого русского человека.

Но сначала немаловажная предыстория.

Степан Кузьмич Топорков, главный герой этого повествования, родился и почти всю сознательную жизнь прожил в небольшой деревне с крепким, даже на слух, названием – Дубовка. Да и действительно, дубов в округе множество. Мощные, кряжистые, многолетние, да что там, многовековые, а неподалёку – их отпрыски – молодые, стройные дубки, выросшие из поросли. А уж поросль – из желудей, которые, как известно, под дубами. Выживали там и «шли в рост» самые жизнеспособные и «здоровьем не обделённые». Короче говоря, всё, как у людей. Известно каждому, что за жизнь, за своё существование в любом сообществе нужно бороться.

Неподалёку, верстах в трёх от Дубовки, другая деревенька – Берёзовка. Само собой понятно, что расположилась, раскинулась деревенька в окружении берёз на пологом склоне, спускающемся к речке. Берёз там видимо-невидимо, и простирается та берёзовая роща до горизонта, сливаясь вдали со смешанным лесом. Белоствольные, гибкие, нежные, с листочками, трепещущими на ветру. И с виду те берёзки кажутся беззащитными, хрупкими, ан нет! Умеют приспособиться и воспрять после натиска непогоды. Гнутся, да не ломаются.

Река добавляет красоту этим местам и радует жителей обеих деревень, так как, извиваясь, протекает по дну оврага неподалёку и от Берёзовки, да и от Дубовки тоже. А зовётся она, эта река, Канютель. Древнее её название – канитель

– означает, что это золотая или серебряная нить. Есть и выражение – «тянуть канитель», «канителиться», это о долгой и нудной работе по изготовлению той нити. Расшивали с древнейших времён нитью платья знатнейшим особам, да что там особам – царям да царицам. «Выплывет» такая красота на ассамблее к вельможам, хоть зажмуривайся: глаза «режет», слезу «вышибает» от блеска одеяния. Но не обмануть бояр да князей красотой этой, ведь за внешним обликом, за кажущейся благосклонностью и улыбкой чаще всего таится жёсткий и властный характер правителя. И правда, словно в подтверждение этому, выше сказанному, под солнечными лучами река Канютель серебрилась, а порой и золотые блики играли по поверхности её. Тоже резь в глазах от игривых этих бликов. Однако порой бывала река и коварной, и непредсказуемой.

Множество донных родничков в Канютели. Летом холодной струёй сводила мышцы ног купающихся, что вело к вероятной гибели, а ближе к весне эти струи, незаметно для глаза человека, размывали снизу лёд. Вроде выглядел он крепким, да ещё и снежком припорошен обманчиво, а снизу-то промыт и истончён. Не одну душеньку за многовековую историю загубила река – унесли её воды.

Эта предыстория вдумчивому читателю даст подсказку о сути дальнейшего повествовании.

Ну а теперь ближе познакомимся и с самим героем, со Степаном Кузьмичом Топорковым. Родился герой этой повести в 1900 году в многодетной семье Топорковых третьим ребёнком. А всего в этом дружном семействе было их, этих деток, шестеро. Мальчик рос добрым, ласковым, да некогда было приласкать его родителям, они всё в трудах, всё в заботах. Но Степка не горевал об этом, хотя норовил порой прижаться, приласкаться к маме. Она только погладит, пробегая мимо, всех попавшихся под руку по головёнкам, да и будет с них. Зато «нянька» из этого мальчишки, Стёпки, вышла замечательная. Малютке сестрёнке, которая пока ещё в зыбочке*, нажуёт и скрутит жваник*, утрёт сопли малышне, умоет, накормит и подмоченные порточки поменяет. «Пожмакает» в лохане* с водою, да на плетень и кинет. Глядишь, через полчасика уже сухие. Ну, если это нужно будет. А то, гляди, и так подсохнут на тех ребятишках, которые босиком бегают возле дома. В основном -то «беспортошная команда» ‑ рубашонка до коленочек, вот и вся одёжа летом. А на тонких шейках – крестик крестильный на шнурочке.

Да, это жизнь, куда ж от неё. Всё без прикрас.

Отец Стёпки слыл добрым православным христианином, трудолюбивым и мастеровитым мужиком. В чём позже, в зрелом возрасте Степан преуспел ‑ всё заслуга отца его.

Но в тысячу девятьсот четырнадцатом году, в Первую мировую войну, отец ушёл на фронт, там он и «сложил свою головушку». Вою, рёву было много в семье Топорковых, а жить как-то надо без отца-то. Вся забота легла на плечи первых троих сыновей.

Конечно и на Степана тоже, ему уже четырнадцать лет было. Не гнушались любой, даже грязной работой братья. На прополке в огородах или хлев кому почистить, навоз вывезти в поле, а всё заработанное – в семью, старались поддержать мать и младшеньких.

Революция тысяча девятьсот семнадцатого года затянула в свою круговерть двух старших братьев. Они уж в ту пору в городе на заводе работали, изредка наезжали с гостинцами. Степана мать не отпустила с ними на баррикады. Как бы она осталась с малышнёй-то? Да и молод ещё, семнадцатый годок шёл, куда ему!

Мать молилась, стоя на коленях перед иконами, за сыночков своих молилась. Однако вскорости случилось горе в семье, и первый сын погиб от пули белогвардейца, а второй стал инвалидом, его казак посёк нагайкой и для верности рубанул шашкой, да так, что перерубил левую руку парню. Она и повисла, словно плеть. Домой он приехал, чуть подлечившись в городе.

Иждивенцем вернулся в родную избу, человеком, потерявшим смысл в жизни. А ему-то всего было девятнадцать лет! Запил «в тёмную голову» и вскорости «сгорел» от попоек этих.

Избежать участия в Гражданской войне Степану не случилось. Красивый, статный, чубатый и черноусый сын выезжал с конницей из Дубовки, а постаревшая и обессилившая в трудах и заботах мать семенила рядом, держась за стремя. Она поспешала, боясь отстать, вскидывая голову в чёрном платочке, подслеповато поглядывала на своего родненького, вымученно улыбалась, а слёзы сами текли - их мать уж не вытирала. Они, эти слёзы, струились из глаз её тоненькими ручейками, метались, растекались по бороздкам морщинистого лица и капали с подбородка.

– Сынок, сынок, детонька мой! – шелестела с придыханием, запыхавшись, мать, – возвяртайси, родимай! Надёжа, надёжа наша!

– Я возвярнуся, мамк! Ступай в избу, а то простынешь здеся! – зачем-то крикнул он. Мать отпустила стремя, и, пришпорив коня, Степан пустил его в намёт*, догоняя удаляющийся отряд.

Вот такую, растерянную и заплаканную на всю жизнь, и запомнил Степан свою мать – маленькая, сухонькая, изработанная, измученная безысходностью и хворью, состарившаяся до времени. Не свиделась она больше со своим родненьким Стёпушкой, как всегда называла его. Провела много времени, сидя у оконца, или, приложив ладонь козырьком ко лбу, вглядываясь вдаль, ждала. Нет, не приехал сынок. И хоть душою рвался, чувствуя, что страдает и ждёт его – не смог повидаться, нельзя было приехать к ней. Померла мать.

После перенесённого тифа, нескольких ранений самым тяжёлым оказалось то, когда срезанная пулемётной очередью лошадь Степана резко, на полном скаку, будто споткнувшись, рухнула, подмяв под себя и седока своего. Получил он тогда множественные переломы рёбер, костей ног, долгое лечение, после которого, похудевший и бледный, опирающийся при ходьбе на костыль Степан Топорков решением врачебной комиссии «подчистую» освобождён был от дальнейшей службы.

Он вернулся в родную Дубовку. Родительский дом, дверь которого была крест-накрест заколочена старыми досками, встретил Степана с молчаливой тоской, будто глядя из-под свисающих клочков ржавой соломы мутным взором грязных оконных глазниц.

Его с грехом пополам признала соседка Макаровна и долго сокрушалась, что Степана трудно угадать, так как от стал «дюжа немощнай». Сообщила так же Макаровна, что две сестры Степана то ли замуж вышли, но свадеб не играли, то ли просто отправились с мужиками заезжими «искать лучшай доли». Ударом была и та новость, что брат, самый младший из детей Топорковых, «зачах да и помер».

Всё! Совсем один остался Степан. Но жить как-то надо. Другой Родины у него нет и другой избы тоже. Так он сказал себе и, решительно оторвав доски, распахнул пошире дверь в избу, впуская в затхлое её нутро, свежий воздух.

Духом Степан Топорков не пал и с передышками, неторопливо стал приводить в порядок избу. Обшарив все углы, подпол, полуразрушенный сарай, он отыскал кое-какой инструмент отца и принялся за дело. Так прошла неделя, за ней другая, и скудное жилище преобразилось, стало выглядеть более обжитым.

Вечерами, пропотев и утомившись, брёл Степан к реке. Там, погружаясь в тёплые, словно парное молоко, воды Канютели, ощущал и неожиданно холодные струйки у самого дна реки. Они, эти струйки, будто ласкали приятной прохладой, особенно его больную, а теперь натруженную ногу.

А однажды, в такой же истомный летний вечер, услышал Степан девичьи голоса за кущами ветлы, склонившейся над рекою и погрузившей в воду кудри свои. Потом послышалось бултыхание, отфыркивание, заливистый смех, и из-за куста, прямо к Степану, выплыла девушка! Увидев парня, от неожиданности она взвизгнула и, быстро развернувшись, загребая воду «по-собачьи», устремилась обратно. Однако Степану удалось рассмотреть её взволнованное личико. Хоро-о-о-шенькая!

Короче говоря, запала в сердце парню эта, единожды увиденная, девчонка. Думалось, что при встрече узнал бы её, кажется.

Помучившись в сомненьях, всё же решился через неделю сходить на вечёрки, где собиралась немногочисленная молодёжь Дубовки. Степану к тому времени шёл уж двадцать первый год: молодость брала своё.

Девушку ту, что не выходила из ума, он узнал сразу. Она стояла с другими, такими же, но была, конечно, краше всех. Высокая, стройная, кареглазая, с длинною, тугою косой, которую девушка в волнении теребила, то расплетая, то заплетая. Она его тоже узнала и, кинув быстрый взгляд в сторону парня, зардевшись, опустила головку вниз. Потом осторожно, исподлобья, всё же взглянула с прищуром, и взгляды их встретились. Этого, кажется, никто не заметил. Гармонист наяривал «Матаню», девушки плясали, притопывая, поднимая ногами при этом пыль. Парней немного, да и были они ещё очень молоды, кучно топтались в сторонке, для солидности курили, пуская вверх густой, махорочный дым. Кажется, Степан был старше их всех. Он притулился возле сарая, опираясь на костыль, и поглядывал на всё со стороны, не вступая в разговор. Нога устала, побаливая, «гудела». В конце концов он ушёл, так и не узнав имени девушки. А тем временем его уже потихоньку забирала в свой удивительный, беспощадный плен любовь. Это чувство было и отрадно, и изнуряюще. Покалывало и учащённо билось

сердце, он изнемогал бессонными ночами, обливаясь липким потом, который насквозь пропитал нижнее белье, а перед закрытыми глазами, изматывая, то и дело появлялся образ, напоминающий ту красавицу. Короче говоря, Степан заболел любовью!

Их встреча произошла неожиданно для обоих, у колодца. Он, с одним ведром, шёл неспешно, опираясь на костыль: пока без этой опоры тяжеловато было ходить. Она поторапливалась к колодцу, неся вёдра на коромысле. Раскланялись, и он отважился спросить, как её имя.

– Любашей все кличут, – просто сказала она, при этом, зардевшись румянцем, опустила глаза.

– А я Степан, будем знакомы, – немного осмелев, проговорил он.

С тех пор они ещё несколько раз встречались, как бы случайно, невзначай. Здоровались, как давние знакомые, но ближе не становились. И тут, совсем неожиданно для Любаши, Степан куда-то запропастился. Его никто не встречал больше недели. Именно это и дало толчок к зарождению чувств ‑ взыграло ретивое сердечко девушки, как говорилось в ту пору. Где он? А может, другая в душу запала, приглянулась? Не стало Любаше покоя от сердечного томления.

А на самом-то деле решил Степан порадовать подарком девушку и, вручив, предложить руку и сердце. Он взялся за трудную работу: решил изготовить ларец, небольшой ларчик для девичьих секретов и украшений. Название имел тот ларец – «теремок», к нему был и маленький замочек с ключиком. Трудился Степан больше недели, не «покладая рук», забывая поесть, почти не спал. Хорошо ещё соседка нет-нет да принесёт миску каши или несколько картофелин. И то спасибо.

Ларец получился изумительный, резной, в вязи плетущихся растений и цветов. Вот уж тогда и вышел из избы Степан. Увидев его, Любаша испугалась худобе и бледности парня, а он ничего ей не пояснил.

Началось вновь их общение, да уж теперь-то по-другому. Чувства закружили, вовлекли в любовный водоворот. Казалось, они ничего и никого не видели вокруг, наслаждаясь своими отношениями. Такая она, любовь! Непредсказуемая!

А жизнь бурлила, да и неторопливо проходила где-то рядом, но им, влюблённым, так было всё безразлично. Они упивались чувствами друг к другу.

Вскоре Степан сделал предложение сказав просто:

– Ты, Любаша, будто бы свет в оконце, уж так мила. Иди за меня, – сказал он и преподнёс девушке свой подарок, чем просто покорил. Раньше ей никто ничего не дарил. Жила она вместе с бабушкой старенькой. Родители и два брата умерли в эпидемию холеры, которая свирепствовала в начале двадцатого века. Их никого Люба не помнила, так как была слишком мала ‑ ещё в люлечке покачивалась. Только она да бабушка и уцелели тогда.

В церкви молодых Топорковых не венчали: на вратах храма висел амбарный замок. Расписали Степана и Любовь в сельском совете, и перебралась молодая со своим нехитрым скарбом и скромным приданым в избу к супругу, став Топорковой. Бабушку тоже звала с собою, да та отказалась. Мол, помочь поможет,

коли чего надо будет, а уж век доживать в своих «хоромах» станет. И то верно, старикам негоже менять жильё. Они, старые, чаще всего начинают болеть на новом месте и вскоре меняют его, это жильё, на погост, находят там, в скромном, тесном жилище, упокоение и уединение.

Стали молодые жить в любви и понимании. В образованном недавно колхозе Степан Кузьмич работал кладовщиком, супруга – телятницей. Задумали новую избу ставить, так вместе «впряглись» и трудились. Сруб сложили тол***о***кою*, то есть соседи и друзья помогли, а за эту помощь потом угощение было - в благодарность хозяева раскинули скатерть на полянке для добрых людей. Крышу крыли не соломой, как родительская когда-то, не камышом, а тёсом. Куда как надёжнее!

Законопатили паклей для тепла дом свой, чтобы дыр да щелей не осталось, не дуло. Вставили окна, навесили двери, полы настелили, печи сложили. Аж две печи в их доме – «голландка» в горнице и «русская», с лежанкой да полатями, в кухне. Строились долго, несколько лет, да осилили. Ухетали* дом, по уму. А как же иначе-то? Надеялись, что в скором времени их собственный, уютный дом огласится детским смехом. Жили всё так же – мирно да ладно. В свободное время, которого, честно говоря, было немного, Степан занимался любимым делом. Работал в старой родительской избе, теперь ставшей для него мастерскою. На заказ людям «колдовал» над закромами, сусеками тройными для хранения круп, ларями, сундуками различной надобности – укладками*, казачьими скрынями*, баулами,* кублом – сундуком для приданного девкам на выданье. Их, частенько долблёные, по просьбе родителей молодой мастерил Степан. Трудоёмко это, но дюже занимательно. А для того, чтобы себя потешить, да проверить, сможет ли, смастерил старинный подголовник - такими раньше пользовались путешествующие, храня в них ценные бумаги, векселя и ассигнации. Для городских, по их заказу, любящих попировать на природе, мастерить пробовал сундучки – «погребцы», с отделениями для бутылок, снеди и посуды. Так дворяне, в былые-то времена, выезжали на природу покутить, повеселиться. Теперь и народ, в основном молодой, пристрастился. Даже самовары, бывало, с собою брали и раскочегаривали на лужайке у реки, под липками да берёзками. Хороводы водили, песни пели и пили чай. Хорошо!

Любаша подхваливала мужа, однако думала при этом: «Баловство! Играется мужик, мудрует!»

Однако его «игра» приносила дополнительный доход в их семью, это факт. Дом-то новый на какие шиши возвели? Да на эти ж самые – «сундучные»! А если бы и ни копейки не давали за труды, всё одно это не остановило бы талантливого его. У Степана с детства страсть к работе с деревом была. Когда ложились вечером в постель, и Любаша прижималась к мужу, то носом втягивала приятный запах дерева, которым он, кажется, пропитался.

Признать надо, что Степан очень нравился женщинам, они пытались липнуть к нему - уж очень он правильный мужик, «твярёзай» да «рукастай», к тому же. Конечно, их, как в старину на Руси, много в ту пору одиноких вдов да девок, «пересидевших» свой возраст было, когда пора идти под венец, да не за кого.

Их, живущих в тридцатые годы двадцатого века, уж не гнобили, не обзывали, как в ту, раннюю пору, мол, «непетая невеста»* или «седая макушка»*, или «однокосая»*, или «прокисшая невеста»*, «домовуха»* и ещё Бог весть как, зло да обидно. Но вот «вековуха»* в годы, о которых ведётся рассказ, – это «срывалось со злых языков», особенно когда ссорились бабы, обзывали, «хлестали» словесами, не жалеючи таких, с несложившейся бабьей судьбою.

А ведь мужиков не хватало, прямо беда! Так оно и понятно, войны да революции много мужского племени извели. Сложили головушки на поле брани парни да мужики.

Вот начнёт, бывало, какая-нибудь засидуха* «липнуть», знаки внимания Степану оказывать, а он и скажет, не обижая:

– Отвянь, красота невозможная! У меня жена – молодуха* да красавица имеется, да и вообще, однолюб я. Окромя Любаши мне никто не нужен. Ясно и понятно тебе, а?

Конечно, что ж тут непонятного. «Однолюб» – точно кличка к Степану приклеилась, да он и не возражал. Правда ведь это.

А ещё правда и в том, что сам себя мысленно обзывал Степан «бакулой»*. Вроде и дом имеется, и даже жена есть, а детей не родили они, особенно о сыне думал Степан. Коль сына, наследника нет, стало быть, по старинке-то он – бакула. Однако это только его сокровенные мысли. Любушку он любил предано, верно и не упрекал в том, что деток не родила ему.

Так прожили Топорковы более десятка лет в любви и мире, да только одно не давало им покоя – бездетные оказались.

Вот беда какая! Да что беда, горе-горькое семье. Для кого трудились, строились, уют создавали? Любаша лечилась, да и по знахаркам, ведуньям, шептуньям и прорицательницам ходила - всё не впрок. А потом случилось несчастье.

Ей кто-то сказал, что за рекой, в отдалённом посёлке, одиноко проживает дедок один, Тимофей. Уж дюже опытный в этих делах, лечит мол, бесплодие. Только поглядит пристальнее на несчастную и скажет, быть ей счастливой матерью или нет. Поторапливаться посоветовали Любе, так как тем, кому перевалило за тридцать лет, уж вряд ли и помочь можно. Во всяком случае дед Тимофей не берётся таких лечить, к тому же ещё не рожавших ни разу. Её годочки уж «подпирали». Годок, другой – и вот он, «тридцатник».

Люба мужу ничего говорить не стала, чтобы он опять, как много раз до этого, не питал надежд. Просто, проводив Степана на работу, собралась, как всегда, деньги взяла в уплату тому деду и пошла. Была ранняя весна, солнышко частенько пригревало. Идти до моста – это ж круг делать, далековато, вот и решила она «проскользить» по замёрзшей реке, а там уж как раз прямёхонько до посёлка, где жил врачеватель. Осторожно спустившись к Канютели, пошла Люба по льду. На ней были чёсанки* с калошами, а они, те калоши, очень скользкие, держали в напряжении. Дойдя до середины реки, Люба остановилась перевести дух и вытереть со лба пот. Вдруг неожиданно лёд под ней хрустнул, треснул, и образовалась полынья. Люба провалилась в ледяную, тёмную воду! Она стала

судорожно хвататься за кромку льда, но он ломался под её цепкими пальцами, резал ладони в кровь. Жакетка плюшевая, юбка-шерстянка, да и чёсанки стали тяжёлыми, набрякли от воды и тянули бедную женщину в глубину. Она попробовала вынырнуть повыше и упасть животом на лёд. Тщетно! Лёд ломался, и Люба опять погружалась в ледяную глубину. Вдруг появилась надежда! Её увидел с их берега какой-то парень. Бегом ринулся он к реке, лёг на живот и пополз в её сторону, разматывая со своей шеи длинный шарф. Она поняла, что парень хочет сделать и, ухватившись понадёжнее за лёд, стала ждать помощи. Однако близко он подползти не смог, лёд и под ним стал угрожающе потрескивать. А с виду-то ещё крепким казался. Ох, эти роднички! Они размыли, истончили лёд!

Люба притомилась, застыла, рук своих не чувствовала, обувь сорвало с ног её потоком воды. Парень попробовал бросить ей конец шарфа, но было слишком далеко до полыньи, а ближе он не мог подползти. Там и его ждала бы неминуемая смерть. Они посмотрели в глаза друг другу. Губы Любы Топорковой силились что-то сказать, но только беззвучно кривились. Парень понял, что она приняла какое-то страшное решение, он хотел крикнуть ей:

– Нет, держись, не вздумай, борись!

Но веки глаз её сомкнулись, посиневшие руки, державшиеся за кромку, разжались, медленно сползли со льда, и она тихо ушла под воду. Несколько минут парень ошеломлённо лежал и чего-то ждал. Может, чуда? Вот возьмёт вдруг, наберётся сил, да и вынырнет. Чуда не случилось. Топоркова Любовь погибла. Парень, всхлипывая, стал медленно пятиться. Потом, уже ближе к берегу, принялся перекатываться – так было безопаснее. Наконец, стоя на коленях, ухватившись за кустики, подтянулся и вылез на берег. Сидя на замёрзшем, снежном ещё берегу коварной реки, он от всего пережитого, от отчаяния, что не смог помочь, от жалости и ужаса трясся, плакал, рыдал в голос. На льду, недалеко от чёрной промоины, остался лежать растянувшийся пёстрой змеёй его шарф.

Тело несчастной Любаши Топорковой всплыло на поверхности открытой воды позже и гораздо ниже по течению.

От горя и страшной печали Степан пал духом. Как неприкаянный, бродил по кладбищу, сидел возле холмика, под которым упокоилась его любимая жена. Жизнь потеряла для него смысл. И вот он опять один-одинёшенек! Что ж, видать судьба такая ему уготована, быть неприкаянным.

Пошарахался Степан по деревне бесцельно, попил с мужиками горькую, поплакал. Потом сказал сам себе, как отрезал:

– Будя!

Душа его, измученная, измытаренная, жаждала работы творческой. Знал, что в работе он воспрянет к жизни. И первое, что сделал, это смастерил и установил для местной ребятни и молодёжи на высоких столбах рели*. Труд был тяжёлый, надрывный, но именно это ему и нужно было, чтобы унять страдания. За сундуки Степан долгое время не брался. Это творчество, это радость, а ему нужно было надорвать себя в труде, чтобы душевная боль отпустила. Вот уж радости было у молодёжи, а Степану-то приятно, чуток полегчало ему.

Он машинально жил, будто в полусне. Трудился, короче говоря, существовал. В таком состоянии прошло ещё лет девять. Его уже никто не называл Степан, а всё с отчеством, уважительно – Степан Кузьмич, при нём не именовали его и Однолюбом, чтобы раны души его не бередить. Всё так же многие женщины пытались скрасить его одиночество. В большом доме он жил бирюком, отшельником, в трудах проводя свою безрадостную жизнь.

Как-то раз старушка Фёкла Парамонова, а по-уличному то бабка Парамониха, гнала мимо его двора коз, да приостановилась, увидев, как Степан, сидя на приступочках своего крылечка, зачищает перед росписью красками, выглаживает и убирает заусенцы с нового, только что сделанного сундучка.

– Ты, Стяпан Кузьмич сам, что сундучок с сякретам, запёртай на все замочки. Табе запёрли да ключик и потеряли, поди. До табе ни девки наши, ни бабы не достукаюца, затворник этакай!

– Я, Фёкла, однолюб! Ни одна мне Любашу не заметит, ни к чему и затягиваться в те отношения.

– Ох, и ня сказвай дажа! «Однолюбу одна Любка люба». Фасоны всё ета, так не бываить, штоба мужик сабе изводил тоскою-та. Мужуку надоть пару рядушком. Подластица какая ни то хитрованка, окрутить, и куды ты тады денисси? Однолюб эдакай! Ладно б ящё справная да путняя баба попалася, а то ж лянивыя, гляди, да блудливыя прильнёть. Энтия, которыя ластюца, дюжа ловкия, што мое козы, – Фёкла горько вздохнула и прикрикнула на стадо своё, – а ну, пошли отседа, дурынды! Все кусты у Однолюба обожрали, проглотки!

– Эй, Фёкла, обожди, – услышала она от крыльца голос Степана, – хочешь я тебе новую стайку* для коз поставлю. У тебя, гляжу уж, обветшала, – и добавил. – Не бойся, денег не спрошу, за так поставлю.

– Ой, чаво ж, взаправду штоля, за так? А и поставь Христа ради, соколик! Угоди бабке! – донеслось издалека, – а я уж за табе помолюся, поди.

В тысяча девятьсот сороковом году Степану Кузьмичу, как сказала об этом соседка Макаровна, «стукнул сороковник». Она нажарила в растительном маслице и принесла ему миску пряженцев* с капустой. Посидели, пригубили по лафитничку* бабкиной сладенькой, вспомнили былые годы, родных своих вспомнили. Короче говоря, не праздник получился, а помины. Ну так уж теперь. Вскоре пришло новое горе – война, Великая Отечественная!

Степан Кузьмич было метнулся в военкомат, одним из первых туда пришёл. Терять ему было нечего, а на фронте, гляди, вдруг и пользу принесёт. Так он рассудил.

– Может, с Любашей вскорости встречусь, ежели на тот свет угожу. Всё одно, здесь у меня не жизнь.

Однако он получил от ворот поворот:

– Ступайте-ка обратно домой, гражданин! Не отвлекайте от дел государственной важности. У вас же колено выбито, тазобедренные кости переломанные и срослись чуток неправильно, а вы туда же. Может, и до вас очередь дойдёт, смотря на то, сколько война будет длиться. Но особо-то не надейтесь. В пехоту

вы не годны, в танкисты тоже, ну а лётчиком вам вообще не быть. Идите и летайте во снах, – пошутил главный врач.

– Глядите, проброситесь добровольно идущим народом, – сказал так, с укором, Степан Кузьмич и вышел, хлопнув дверью, с обидой пробурчав напоследок. – Хоть бы кашеваром взяли, иль снаряды подносить, тоже дело.

А в деревне Дубовка, ввиду того что мужиков осталось мало, Степан Кузьмич стал просто нарасхват. Он был незаменим на ремонте полеводческой техники: то на птичник зовут, то подремонтировать нужно загон для телят, то крышу и ворота овина, надо же приготовить помещение для просушки снопов перед обмолотом зерна.

Домой он просто еле приползал и падал ничком на постель. Хорошо ещё кормился на полевом стане, а в холодное время в столовке колхозной. Вот только теперь он понял, что без таких, как он, неуправка в деревне, а для фронта найдутся и помоложе, и поздоровее. Второй и третий годы войны ‑ тяжёлые годы для страны, как, впрочем, и все другие. Сталинградская битва и битва за Курск, сражение на Днепре, уж про блокаду Ленинграда и говорить-то страшно. Всё превозмогли, выдюжили. Случился перелом, и погнали фашистов прочь. Да-а-а! Но не сразу всё делается.

И вот, как-то летом, на третьем году войны, у Степана Кузьмича произошла удивительная, волнительная, короче говоря, потрясшая его встреча, перевернувшая устоявшийся житейский уклад. Да что там уклад, вся жизнь его изменилась!

Отправился Степан Кузьмич в районный центр, пешком пошёл. Лошадь просить не стал, понимая обстоятельства военного времени. Шёл он в скобяной магазин. Ему нужны были дверные петли, засовы, шпингалеты, несколько навесных замков, килограмм шурупов да гвоздей – это для колхозных амбаров и сараев. Да и для своих, задуманных сундучков тоже кое-что. Однако тяжеловато тащить будет, железо ведь. Но надеялся, может, кто попутно «подкинет» его, хоть до развилки, а там уж где волоком, где на горбушке, а дотянет, поди.

Дорога полевая шла вдоль кукурузного поля, это с одной стороны, а с другой – роща берёзовая. Если телега проедет или полуторка прогромыхает, или трактор, ну, тогда зажмуривайся, затыкай нос и рот! Пылюка густющая висит над дорогой взвесью, долго не оседая. Люди ходят чуть поодаль, по тропинке, берёзовой рощею. Там хорошо – птички поют и воздух свежий. Тропинка хожена-перехожена дубовскими. А ещё ж с ней, с той тропинкой встречается и сливается воедино тропочка берёзовская. И уж тогда, единой, довольно широкою, вьётся она до околицы райцентра, куда всем и надо.

Большой крапивный мешок скрутил Степан Кузьмич, перевязал шнурком и, перекинув через плечо, пошагал. Он шёл и думал о своём. Прошёл то место, где тропинки соединяются воедино, и подумал: «Вот, одну третью часть прошлёпал я. Так незаметно и одолею путь».

Вдруг впереди послышались какие-то волнительные звуки: то ли стон протяжный, то ли плач, да и детский, визгливый крик. «Может, кто ногой за кор-

невище зацепился, да и дрёпнулся*? Как бы ноги не переломал, – тревожно подумал он, – да и дитё там вон как надрывается, бедное. Надо поспешить мне, помощь оказать людям».

Прихрамывая чаще прежнего, прибавил ходу Степан Кузьмич. Наконец, вывернувшись из-за двух сросшихся вместе берёз, остановился как вкопанный в изумлении.

Под стволом берёзы, опираясь на неё затылком, опрокинувшись навзничь, на расстеленном полушалке полулежала молодая женщина. В сторонке – две объёмные сумки. Вид женщины напугал Степана Кузьмича. Платок сполз с головы, волосы растрёпаны, размётаны по плечам, длинная серая юбка вспучилась на животе, ноги широко раскинуты в стороны. Лицо женщины исказила гримаса нестерпимой боли. Она, эта несчастная, упираясь руками в землю, напрягалась, выла в голос, стонала и тяжело дышала. Чуть поодаль, обхватив, обняв тонкий ствол берёзки, плакал мальчик лет пяти. Всё личико его было залито слезами.

– Да чего у вас здесь стряслось-то, напал что ли кто? – спросил Степан Кузьмич женщину.

– Аль не види-и-ишь, рожа-а-а-ю я-я-я, – выдавила со стоном из себя женщина, – уведи Саньку чуток подальше, Христа ради.

Степан Кузьмич подошёл к мальчику и, приобняв вздрагивающее его плечико, сказал как можно веселее:

– А пошли-ка птичкины гнёздышки поищем, а Саньк?

– А как же мамка здесь одна будет? – всхлипывая, проговорил Санька.

– Не бойся, она и без нас управится, мы ей мешаем, – улыбнулся Степан Кузьмич, и эта его улыбка и мирный тон, видимо, успокоили мальца. Побродив чуток меж деревьев, вдруг услышав истошный, отражённый эхом крик женщины и тут же невнятный голосок младенца, Степан Кузьмич выдохнул успокоено, а Санька спросил удивлённо:

– Это кто там верещит, поросёнок штоль?

– Да не-е-е, парень. Это мамка тебе братика или сестричку родила.

Мальчик удивлённо посмотрел на мужчину, видно, подумав: «Шуткует, поди, дяденька».

Когда они вернулись обратно, то мальчишку Степан Кузьмич оставил на том же месте, у берёзки, сказав:

– Погоди покуда здесь. После позову, как мамка разрешит.

Женщина лежала, прикрыв глаза, отдыхала. Услышав шелест травы под ногами Степана Кузьмича, она нехотя приоткрыла глаза. Между ног её, под юбкой, шевелилось что-то живое.

– Доча родилась! Вот уж муж мой, Пётр Игнатьич, рад будет, как на войну ему отпишу. Ждёт, дюже хотел, чтобы сын, а уж после чтобы дочь народились у нас. Так и вышло, – и добавила, – а меня Настасьею звать, с Берёзовки мы. А ты кто?

– А я Степан Кузьмич, с Дубовки.

– Надо бы пуповину перерезать, Степан Кузьмич. У тебя нож случаем не найдётся?

– Как же без ножа-то в такую пору, имеем, – сказал так Степан Кузьмич и достал из-за голенища сапога завёрнутый в тряпицу ножик, – шалый народ нынче бродит.

– Ох, не дай, не приведи Господи встретить такую вражину! Чем же нам ножик твой ополоснуть, как бы не занести чего в ранку дитю, – заволновалась Настасья.

– А давай-ка, огнём опалю, – сказал Степан Кузьмич. Он, оторвал кусок бересты и, подпалив, прошёлся огнём по лезвию, туда и обратно. – Береста, – пояснил он, – к тому ж лечебные свойства имеет.

Настасья выдернула нитку из юбки, что была на ней, попросила поставить поближе сумки. Вынув пелёночку, она обтёрла маленькое тельце девочки, но прежде со Степаном Кузьмичом они перерезали пуповину, перевязали крепко.

– Мы же шли в роддом, я посчитала вроде пора мне, да не успела, – вздохнула Настасья.

– Вас с дочкою надо скорее туда отвезти, в больницу, – сказал Степан Кузьмич и решительно поднялся с земли, – надеюсь чего-то поймаю у дороги. А вы с Саньком пока не спеша собирайтесь.

Мать подозвала сына и показала ему сестрёнку, завёрнутую в пелёнку и одеяльце. Малышка покрёхтывала, приоткрывала глазки, маленькое, красное личико её гримасничало.

– Гляди ты, недовольная какая, злючка! Откуда она взялась, её же не было? – удивился мальчик.

– Так птица большая прилетала, она и принесла дочу нам. А ты, как же так, проглядел что ли? – спросила мать, – эх ты, Санька, сынок.

Не долго топтался Степан Кузьмич у дороги, вскоре увидел приближающуюся в клубах пыли грузовую машину, полуторку. Он замахал рукой - машина остановилась, и Степан Кузьмич потонул в пылевом облаке. Он узнал водителя: парень был из их деревни.

– Митёк, ты ли? Здорово! Там у тропочки женщина родила ребятёнка, не успела в роддом. Подвези, сделай милость, своим ходом не дойдёт она. С нею ещё и мальчишечка, а мужик-та воюет.

– Давай, веди! Доставлю в лучшем виде, не растрясу, – крикнул Митька, – а ты-то сам как?

– Обо мне печалиться не надо, дойду потихоньку, а ежели назад подхватишь – буду рад, железо у меня тяжёлое будет.

– Лады! – согласился Митька.

Степан Кузьмич нёс маленькую, только что появившуюся на свет дочку неизвестного ему солдата и милой молодой женщины Настасьи. Нёс с необычайной осторожностью и непривычной для себя нежностью к этому младенцу. Он впервые в своей жизни держал этакую драгоценность на своих руках. Испариной покрылся лоб, рубаха аж взмокла между лопаток от напряжения. Хотя этот маленький живой «комочек» мог уместится на одной его большой ладони.

Усадив женщину с новорожденным младенцем и мальчонку в кабину к шофёру Митьке, Степан Кузьмич выдохнул:

– Ну, поезжайте не спеша. Всё самое страшное уж позади. В больнице-то помогут, обработают пуповину, как надо.

– Спасибо, Степан Кузьмич! Что бы мы без тебя делали? Теперь ты доченьке нашей, Вареньке, так папка велел назвать, что отец родной, крёстный ей.

– Спасибо и вам за доверие, в добрый путь.

Опершись спиною на берёзу у тропинки, простоял Степан Кузьмич некоторое время в раздумье. Закрыв глаза, прижимал руки к груди своей, будто по-прежнему ощущал маленькое тельце ребёнка у себя в руках. Наваждение! Выдохнул, встряхнулся и побрёл Степан Кузьмич в большое село, в районный центр.

Там зашёл он в «Чайную», взял два стакана чаю и пару пирожков с повидлом и, перекусив, направился в скобяной магазин. Затем встретился с Митькой, как и договаривались, - тот довёз его с тяжёлым мешком до дома. В пути рассказал, что благополучно доставил и сдал из рук в руки мать с детьми дежурному врачу. От Настасьи шофёр узнал, что муж её был ранен, а после лечения прямо из госпиталя на побывку приезжал домой восстановить силы. Вот такие дела. А теперь родилась Варенька.

Всё время после этого события думал Степан Кузьмич о семье солдата Петра Игнатьевича. Он даже вспомнил его фамилию – Симаков. Как тот человек выглядел, вспомнил, ведь Дубовка от Берёзовки вёрстах в трёх. Все друг друга знают, часто и работают совместно на поле или в мастерских, вместе и пиры да свадьбы, да и похороны с поминками сообща собирают. А как же иначе-то, коль родня да кумовья, да и сваты живут неподалёку.

Через два дня Степан Кузьмич отправил, опять же с Митькой, собранную в больницу передачку – кулёчек конфет «Гусиные лапки» и деревянного коника, сделанного для Саньки самолично. Насте - половину отварного курёнка и пару пелёнок - малышке Вареньке. Всё что смог, до чего додумался. Обратно Митька привёз поклон, благодарность и сказал, что Санька аж визжал от такой неожиданности, получая подарок. Он в той больнице совсем было скис, а тут радость – конфетки, игрушка. Однако, кажется, больше всех радовался сам Степан Кузьмич: он так растрогался, даже всплакнул, но это уж вечером, дома.

Прошло полгода. Как-то зимой председатель отправил Степана Кузьмича в Берёзовку по рабочему вопросу, да не одного, а с зоотехником - тому на ферму надо было, что ж тут возражать. Даже обрадовался, что ехать не одному, ведь зоотехник - балагур, нескучно с ним в дороге. А ещё будет возможность проведать семью Симаковых. Варенька уж, верно, подросла чуток. Взяв гостинцы, Степан Кузьмич в санях на лошади, запряжённой в эти сани, и с попутчиком отправился в Берёзовку. Снег похрустывал под полозьями, зоотехник без умолку что-то рассказывал. Вдруг произнёс неожиданное:

– А ты слыхал Степан Кузьмич, что Сталин дал распоряжение вновь открыть церкви? Вчера я в газете «Правда» прочитал. Кажется, двадцать тысяч церквей открыли для службы. Да оно и понятно, у людей души раненые. Многие осиротели, овдовели, да и родители на старости лет остались без кормильцев. Народ свечи хочет поставить, к Богу обратиться, святым угодникам поклониться.

– Я не слыхал, – удивился этому известию Степан Кузьмич, – у нас-то в Дубовке церквушки нету, сам знаешь, а в райцентре я давно не был. Это правильно, церковь ‑ людям отрада, надо же припасть к иконам, попросить у Бога царствия небесного для своих усопших? То-то и оно. Чего ж, спасибо ему, то есть Сталину. Кто-то, видать, надоумил, и тому благодарность наша, нижайший поклон.

Управившись с колхозными делами в Берёзовке, Степан Кузьмич отправился искать дом Симаковых. Одна старуха указала на небольшой домишко в конце переулка.

На стук дверь открыла худая и бледная женщина в чёрном платке. Степан Кузьмич поклонился и поинтересовался:

– А здесь ли Симаковы проживают?

На что женщина просто ошарашила гостя, спросив:

– Аль не признал меня, Степан Кузьмич? Да никто не угадывает теперь, как вдовою-то стала.

– Мать моя-я-я, – воскликнул Степан Кузьмич, – ты ли, Настасья?

– Я, а то кто же, – женщина всхлипнула, – проходи давай в избу.

В избе глаза Степана Кузьмича встретились с настороженным взглядом Саньки, мол, кто это и что плохого принёс им с мамкой этот пришедший человек?

– Санёк! Что, не помнишь меня, парень?

Взгляд мальчонки потеплел, губы расплылись в радостной улыбке. Он вскочил с табурета, на котором сидел у стола, подбежал и обнял, обхватил ручонками шею нагнувшегося Степана Кузьмича, повис. Признал, видать.

– Да ты, братуха, подрос, – с теплом в голосе «проворковал» Степан Кузьмич, – а я к тебе с гостинчиком.

Он достал из своего заплечного мешка коробочку цветных карандашей, тетрадку для рисования, две тетради в «косую» линейку, чернильницу-непроливайку с чернилами, ручку с золотистым пёрышком, на котором была оттиснута пятиконечная звёздочка.

– Вот тебе, к школе чтоб готовился, на-а-а-до, – Степан Кузьмич усмехнулся, – я когда пошёл в школу, то ничегошеньки не знал! Ни бэ, ни мэ, ни кукареку! Тяжко пришлось. А ты начинай, пока зима, то да сё, гляди и освоишься. Придёшь в школу, такой важный, учёный! Учительницу удивишь! Ах, да вот ещё что! Ты, Санёк, обливные жамочки* как, уважаешь, с чайком-то? Ага? Так вот вам с мамкою, целый кулёк!

– Скажи спасибо дяденьке, – подсказала растерявшемуся сыну Настасья.

Мальчишка, однако, ничего не сказал, но крепче прижался к гостю и прошептал:

– От тебя, дяденька, дымом пахнет, как от папки моего когда-то.

Что тут скажешь? Да и не смог бы Степан Кузьмич Топорков что-то сказать в тот момент: ком в горле мешал, слёзы «душили»! Он только крепче приобнял мальчишку.

– Ну, а где же Варюха, я её поди и не узнаю? А может, уж убежала к подружкам? – завертел головою, скрывая неловкость и стараясь разрядить напряжение, пошутил Степан Кузьмич.

– Вон, за перегородкой спит, – сказала мать.

Боясь разбудить малышку, Степан Кузьмич осторожно заглянул в полутёмную комнатушку. В небольшой деревянной люльке, раскинув ручки, причмокивая губёнками, спала девочка. Конечно, она подросла! В комнатке пахло ребёнком, и это вдруг напомнило Степану Кузьмичу и его детство, младшего брата и сестричек. Вспомнилось, как изнуряюще долго приходилось укачивать их, помогая в этом маме. Из комнатки он вышел, утирая набежавшую слезу, растрогался.

– Я Вареньке погремушек купил, да вот куколку, может, рановато, конечно?

– Ничего, – улыбнулась мать, – подрастёт, а кукла её дождётся, не состарится.

Из авоськи достал и передал Степан Кузьмич Настасье баночку мёда, кусок коровьего масла и кренделей, к чаю.

Тем временем хозяйка накрыла на стол и пригласила Степана Кузьмича выпить чаю да перекусить. Завязался разговор, и Настасья спросила о семье:

– А как ваша жена и дети смотрят на то, что вы опекаете нас, малознакомых?

– А у меня нет никого, – признался Степан Кузьмич, – один я, что бирюк. Жена погибла, утонула в Канютели, детей у нас и не было. Так-то вот, – и, чтобы перевести разговор на другую тему, сказал, – гляжу, сундучок, мне знакомый, у вас стоит.

– А-а-а! Это мне мой папаня заказал у вас в Дубовке для приданого, когда я замуж шла, – она горько выдохнула, опустив голову.

– Да, помню я каждую завитушку на нём, на этом сундучке, моя работа, – не без гордости сказал гость.

– Ах, вот оно что! Так я заочно о тебе, Степан Кузьмич, знала! И историю семьи вашей знала! Да жизнь закрутила меня, всё и позабылось. Спасибо! Все подружки, помню, бегали рассматривали и завидовали на мой сундук. Да-а-а! Так значит это ты и есть, тот знаменитый мастер! Приятно! – и вдруг Настасья заговорила о другом, – стало быть, ты вдовый. А ведь так давно было, когда я слышала историю, что женщина под лёд провалилась. А ты что ж, всё один?

– Да, давненько, с десяток лет уж. Но я года не считал, жил и жил, трудился.

– Что ж, никого больше и не встретил, чтобы век одному не куковать? – осторожно поинтересовалась Настасья.

– Да я однолюб, об этом и все в деревне у нас знают, – откровенно признался Степан Кузьмич.

– Вот-вот, и я тоже, – закивала головой Настасья, – однолюбка.

– Да ты ещё молодая, да и деток поднимать одной, ой как тяжело.

Настасья, чтобы сменить тему разговора, вдруг сказала:

– А Варенька-то некрещёная у нас растёт, и как быть, прям не знаю.

Степан Кузьмич оживился:

– А я сегодня услыхал, что храмы открывают вновь, по решению самого Сталина, это необходимо людям.

– Правда? Ну вот, про наш храм Петра и Павла, в райцентре который, надо бы разузнать. А по весне, может, Вареньку покрестим, ты как на это смотришь, Степан Кузьмич? Обещался ведь быть крёстным отцом ей. Да и кому ж ещё, как не тебе?

– А я и не откажусь. Ладно, по весне уж тогда. Прежде я в церковь съезжу с батюшкой: сговоримся о дне крещения, чтобы уж наверняка. Если, конечно, она открылась.

На том и расстались. Несмотря на поднимающуюся пургу и балагура зоотехника, назад в Дубовку возвращался Степан Кузьмич в приподнятом настроении. На душе было отчего-то приятно, а у сердца – как-то тепло. И с чего бы это?

Всю оставшуюся зиму провёл Степан Кузьмич в работе, творчестве и думах о Настасье и её детках. Он как-то воспрял духом, больше стал улыбаться, общаться с сельчанами. А ещё ‑ в подарок будущей крестнице смастерил удивительной красоты колыбельку, решив, что девочка растёт, и негоже ей спать в люлечке. Саньку тоже не забыл Степан Кузьмич, купил в райцентре набор оловянных солдатиков ‑ целую армию с орудиями и конницей. Настасье, которую теперь про себя он именовал Настенькой, купил красивую бирюзовую шёлковую шаль с кистями. Удивительные перемены происходили с мужиком, правда?

Надо заметить, что и Настасья немного пришла в себя. После той последней встречи с мужем прошло почти два года. Чувство горькой утраты притупилось, появилось другое – чувство безысходности случившегося и волнение за судьбу детей. Как-то у них сложится жизнь? Сможет ли она в одиночку вырастить и воспитать их? Не было у неё плеча, на которое можно было бы опереться. Да и кому нужны чужие дети? Хоть бы братья были, дядья да тётки, хоть кто-нибудь бы взял над ними опеку, помог, поддержал! А изба? Кто подлатает, поможет по хозяйству? Вот такие мысли мучили бедную вдову, от которых она порой отмахивалась, не находя ответа. Думала ли она о Степане Кузьмиче? Конечно! От этого взрослого одинокого человека исходило такое тепло, заботливость, уверенность во всём, что он делает, что Настасью притягивало к нему, словно магнитом. Однако надо признать, что Топорков – не кровный родственник, и возлагать надежды на помощь было бы непорядочно. Он передавал ей и детишкам поклоны и гостинцы, говоря тем самым, что помнит о договорённости и ждёт весны или начала лета, чтобы всё разузнать поточнее и выполнить обязанность крёстного отца. И всё же он не родственник! Будет появляться в годовщину крещения и гостинцы передавать будет, да и только. Стыдно даже просить о чём-то.

А так ли это? Просто ли обязательность держит их рядом? Может, робко зарождаются совсем иные чувства в их одиноких, осиротевших душах?

Пришла весна! Всё зазеленело. В воздухе витало предчувствие окончания войны и радость обязательной Победы.

Степан Кузьмич всё разузнал. Да, действительно храм открылся вновь, его добрые православные люди привели в порядок, и там батюшка, отец Александр, совершает таинства, богослужения и требы.

Побывав во вновь открытой церкви, Степан Кузьмич обговорил с отцом Александром, священником пожилым и достойным, дату крещения маленькой

Варвары. Батюшка, пристально глядя на Степана Кузьмича, предложил ему исповедаться и рассказать о себе, облегчив душу свою откровением. Так же коснулись в беседе они судьбы Настасьи, которая стала вдовой.

В назначенный день, прихватив гостинцы, приодевшись, как уж мог, понаряднее, застелив телегу душистым сеном и укрыв его старым байковым одеялом, отправился Степан Кузьмич раненько утречком в Берёзовку. Там его уже ждали. Деток нарядили, как «куклят». Сама Настасья, в нежно голубом платье, с уложенными вокруг головы туго заплетёнными косами, вся взволнованная и раскрасневшаяся, стояла на крылечке, ждала. В церковь на другой телеге поехали две подруги Настасьи, одна из которых с мужем, а другая должна стать крёстной для малышки Вареньки. Уселись и тронулись в путь друг за другом.

Варенька, надо сказать, вела себя спокойно. В купели не плакала, только морщила носик и дула губки. Всё было достойно и благостно. После обряда крещения батюшка, отец Александр, попросил всех присутствующих оставить его наедине со Степаном Кузьмичом и Настасьею.

– Есть у меня мысль, о которой я не могу умолчать. Очень бы хотелось вам растолковать значение слова «однолюб». Я наслышан, что так вы себя оба именуете.

Степан Кузьмич и Настасья переглянулись, но промолчали, а священник продолжил:

– Однолюб, кто он такой? В данном случае это касается любви к конкретному человеку. Однолюб преданно хранит чувства к предмету своей любви, воздыхания. А ещё – верность, нежность, заботу проявляет. Однолюб искренне любит человека, которого обожает и, как сказано в Святом Писании, в радости и горе вместе с ним. Ему никто другой не заменит теплоту души того, кого он обожает, и здесь не только платоническая связь, но, как вы понимаете, и телесная. Вступить в любовные отношения с другим – ни-ни! Тогда однолюб почувствует себя изменником, предавшим любовь!

Да, это так, если, конечно, человек, которому ты предан, живёт на этой же благословенной земле рядом или даже в отдалении, но на Земле.

Однако, когда он, тот предмет обожания, покинул мир людей и теперь в мире ином, когда душа его в Царствии Божьем, а бренное тело упокоилось, нашло последнее пристанище в могиле, под крестом или камнем могильным?

Отец Александр на минуту умолк, пристально поглядел на Степана Кузьмича и Настасью и продолжил:

– Отошедшему в мир иной нужна лишь ваша память о нём. Важно, чтобы вы молились за его душу, ведь душе, ранее обожаемой вами, нужен вечный покой и вечная память. Да ещё, чтобы по возможности вы посещали место упокоения, ухаживали за ним, за тем местом - душе на небесах будет отрадно. Важно, чтобы и живущим ныне родным и близким, детям и внукам рассказывали о том, каким при жизни был ушедший, за что вы его любили, как он жил в обществе людей. Вот, кажется, и всё. Однако есть такое выражение – «живой о живом думает». Это когда думы и чаяния человека о ныне живущем, существующем, дышащем. Не

сегодня завтра окончится война, наступит мир. Страна наша потеряла великое множество достойных людей. Города-то отстроятся, а вот ушедших не вернуть. Детей надо растить честными и порядочными, а однолюбами нужно быть только в сочетании со словом – Родина.

Священник улыбнулся и добавил:

– А я что-то не сомневаюсь, что ещё увижу вас здесь у алтаря и проведу обряд венчания. Вы, как я наслышан, в первом браке оба были не венчаны?

Ну, ступайте теперь, вас детки заждались.

В смущении опустив головы, вышли из церкви Степан Кузьмич и Настасья. Батюшка заставил их призадуматься.

А потом была Победа! Радость народная беспредельная, безудержная! Цветущие сады, по-весеннему яркое солнце, весёлые наигрыши гармони, приветственные паровозные гудки да свистки от проходящих мимо поездов, проходящих с воинами-победителями, освободителями! Домой, домой, они возвращались к себе на Родину!

Всё это вызывало чувство всеобщего восторга. Казалось, что весь народ в едином порыве выдохнул:

- Всё! Раздавили гадюку фашистскую в её же логове! Победа, братцы!

Настасья рыдала, пряча слёзы от детей в кутке* запечном. Оплакивала свою женскую долю, вспоминала погибшего мужа, думала о сиротах детях. Конечно, она не одна с такой тяжёлой судьбой. Многие семьи срезаны под корешок, иные погибли, не оставив потомков. Другие лишились крова, всего нажитого - и это беда. Но у неё-то своё горе!

Ближе к осени, где-то в августе, когда стало окончательно ясно, что похоронка не обманула - Симаков Пётр Игнатьевич погиб, геройски пал на поле брани и не вернётся уж, - к Настасье опять приехал Степан Кузьмич, и между ними состоялся разговор.

– Я, – начал нерешительно Степан Кузьмич, – человек, конечно, немолодой, это так. Тебе такого что ли надо? Ты красавица! К тому же я седой уж и хромой, вот что. Да ещё ж и возраст! Тебе двадцать восемь, мне – сорок пять, – он умолк.

– Я чего-то тебя не пойму, Степан Кузьмич, к чему все эти разговоры? – недоумевала Настасья.

– А к тому, – решительно выдохнул он, – выходи-ка за меня замуж, Настюша! Не потому, что ты одинокая, таких сейчас много, а потому, что люба мне, очень нравишься, и деток твоих я всей душой полюбил. Чего нам поврозь жить? Давай перебирайся в мой большой дом, детям простор нужен и забота. Я Саньку многому смогу научить, а то, гляди, в пору войдёт, да забалует. Чего тогда делать? А Варенька, она нежный цветочек, её любить надо, а ты вся в тоске. Дальше-то хуже будет, когда подруги твои опору обретут, пару найдут себе. А ты с двумя детьми в избёнке, одна. Ну, и чего скажешь, может, подумать надо? Сообщи, когда прийти за ответом. Или сейчас, – он заглянул в её глаза, боясь отказа, а она не отвела взгляда и ответила сразу:

– Я согласна, Степан Кузьмич, Степан. Ты мне тоже люб, давно уж. Говоришь, годы, а что годы? Главное – понимать и принимать друг друга, какие уж есть, да жалеть. Ты меня назвал – Настюша. Меня так ещё никто не величал, приятно.

– А я всё Настасья да Настасья, – взволнованно и доверительно быстро проговорил Степан Кузьмич, – боялся, что вдруг назову так же, как муж тебя называл, разбережу твоё сердечко. Ну что ж, будешь Настюшей для меня.

Вскоре перевезли имущество семьи Симаковой Настасьи и её двоих ребятишек в Дубовку, в дом Топоркова Степана Кузьмича. Ещё до наступления осенних холодов в храме Петра и Павла отец Александр пару обвенчал.

Ну что вам рассказать ещё? Разве что по секрету. Следующим летом семья Топорковых ждёт прибавления в семействе! Понятно вам? И это радостная новость!

Словарь южно-великорусского говора:

Зыбка – подвесная постелька для младенца (до той поры, когда станет сам садиться в ней).
Жваник – жёванный и завёрнутый в тряпицу хлеб (аналог соски).
Лохань – деревянная посуда (примерно 10 л) для домашних нужд.
Стремя – седельная принадлежность для удобства наездника.
Намёт – ход лошади (у казаков): аллюр, галоп.
ТолОка –деревенская взаимопомощь, безвозмездная (с угощением).
Ухетать – благоустроить, утеплить (жилище).
Укладка, скрыня, баул, кубло – сундуки и сундучки разного предназначения.
Непетая невеста, однокосая, прокисшая невеста, домовуха, вековуха (тамб.) – оскорбительные названия для перестарков – девок.
Молодуха – молодая жена.
Бакула – бобыль, пустозвон или мужчина, не имеющий сына-наследника.
Чёсанки – мягче, чем катанки, просто валенки и нежнее, из чёсанной овечьей шерсти.
Рели, рельи – высокие качели на столбах с перекладиной.
Пряженцы – пирожки, жаренные в растительном масле, фритюре.
Лафитник – рюмка на ножке, гранёная (XVIII–XIX вв.).
Дрёпнулся (тамб.) – неожиданно упал.

Надежда БАШМАКОВА

Пока звонят колокола

Стихи

Пока звонят колокола

Когда над Родиной моей
набатом били беды,
В единый строй вставал народ –
сыны, отцы и деды.
Коль падал друг в лихом бою,
его сменяли други,
И колокол звонил по нём,
звонил по всей округе.

Враг отступал, дружиной бит,
бежал от ополченья,
Где каждый победитель был –
герой без исключенья.
А поле брани на века
святым осталось местом,
Звон колокольный ввысь взлетел
победным благовестом.

Единством Родина сильна.
Сильны мы верой в Бога,
И к храму каждого из нас
ведёт своя дорога.

Пока живёт в душе любовь –
над нами купол синий,
Пока звонят колокола –
живёт моя Россия!

Человеком остаться

В любом из нас сокрытые миры -
Щедра судьба на всякие причуды.
У каждого из нас свои костры.
У каждого из нас свои Иуды.

Есть друг надёжный, коль надёжен сам,
Достоинство и честь лишь по заслуге.
Негоже возноситься к небесам
И опускаться в лести до обслуги.

Премудрая наука наша жизнь,
Без веры и в себе не разобраться.
Есть скрепы - вот за них ты и держись,
Чтоб Человеком, в сущности, остаться.

Не скрыть под маскою лица

Полушутя,
полувсерьёз,
Банальность фраз,
небрежность поз,
Привычный жест,
случайный взгляд –
Всё откровенно говорят…

Что в каждой шутке
правда есть,
Не скроет
ангельская лесть,
Вся мудрость
тысячи веков
Не лакирует дураков.

Себя же
не переиграть –
Нет смысла
роли подбирать.
Наложенный
искусно грим
С натурой не соизмерим.

Не скрыть
под маскою лица
Ни ангела,
ни подлеца!
Смеёмся
над собой до слёз,
Кто – в шутку,
ну а кто – всерьёз…

Памятники

Мы – памятники – плиты, обелиски,
Где траурно-торжественные списки
Текут, текут, текут перед глазами
И скорбными не смоются слезами.

Мы – памятник-ансамбль, мемориалы.
Песнь вечная для нас – небес хоралы,
Где журавлиный клин по слёзной сини
Проносит души сыновей России.

Мы – памятники – стелы, монументы,
Застывшие истории моменты…
В бетоне, бронзе, мраморе, граните
Завет святой – Россию сохраните!

Всевидящ Бог и вездесущ

Господь уладит все дела,
Сведёт концы, узлы развяжет,
Дорогу к истине укажет,
Куда б кривая ни вела…

Господь управит всё в свой срок:
Случайность встреч и расставаний, -
Раскроет смыслы покаяний,
Даст милосердия урок.

Господь всесилен, всемогущ.
Любовь Всевышнего нетленна,
И милость его беспредельна…
Всевидящ Бог и вездесущ.

Мысли-паутинки

Загрустило Лето…
И всплакнуло, вроде…
Недалече где-то
Спасы на подходе…

Паутинкой схвачен
Первый лист упавший,
И сполна оплачен
Каждый день уставший…

Первые сединки
В косах у берёзы,
Бусинки-росинки –
Расставанья слёзы…

Летние наряды
Прячут саквояжи,
И туманят взгляды
Сельские пейзажи…

Перемен приметы –
Ягоды-рябинки,
Сменит бабье лето
Слайдами картинки…

Гномы-астрономы

Сны не ходят сами,
Лёгкими шагами
Их разносят гномы,
Гномы-астрономы.
Грустные, смешные,
Яркие, цветные
Прячут сны в подушки,
Шепчут тихо в ушки.
Дети в снах летают,
Души их витают…
Ведь над каждым домом
Кружит ангел с гномом.

Вдыхаю новую весну

Вдыхаю новую весну
Меж пробуждающихся сосен,
Из посланных на счастье вёсен
Не знаю лишь её одну.

И, взглядом обнимая высь,
Я выпускаю душу птицей:
За взглядом следом устремится
И ниточкой потянет мысль…

Весна объятья распахнёт
И новизною изумления,
И лёгкой рифмой вдохновенья,
Предчувствием любви дохнёт…

Дождливая симфония

Торопливо закрапал
дождь мелкий,
В старом парке
попрятались белки…
Вдоль аллеи
скамейки промокли,

И на ветках
пернатые смолкли.
Дирижёра
волшебные руки
Извлекают
минорные звуки,
Превращая
дождливую нежность
В удивительную
безмятежность…
Расплывается
необычайно
Чудо-музыка,
вечная тайна,
Симфоническая
монотонность
Не излившихся чувств
многотомность…

Время рассвета

Время рассвета
у дальней черты –
Там, где рождаются
наши мечты.
Время рассвета –
мгновенья надежд…
В жизни неважен
наш выбор одежд.
Время рассвета –
начало пути,
И босиком
можно к счастью идти…
Время рассвета –
всегда время икс,
День, превращающий
в солнечный микс.

Картины Андрея Бубенцова, члена Союза художников России

Мыльные пузыри, 2026. Холст, масло

Умение летать, 2026. Холст, масло

Предметы споров, 2024. Холст, масло

Взлёт, 2026. Холст, масло

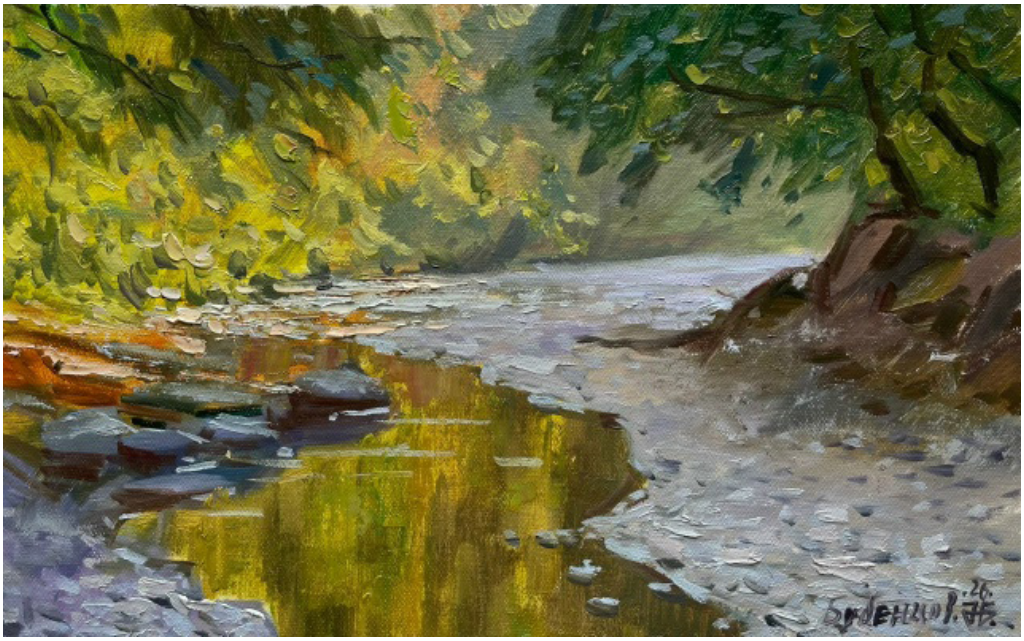
Двое под зонтом, 2024. Холст, масло

Ковчег, 2024. Холст, масло

Белая акация, 2025. Холст, масло

Этюд, 26.08.2026. Холст, масло

Ромашки, 2025. Холст, масло

Натюрморт. Сливы, 2026. Холст, масло

Этюд, 18.05.2025. Холст, масло

Каланхоэ. 2025. Холст, масло

Пейзаж с рекой, 2021, х.к.м. 30х40

Зимняя сказка, 2025. Холст, масло

Александр ТАРАСОВ

Любовь, похожая на сон

Рассказы

Побег

Три недели Михаил Беликов отсутствовал дома и вот вернулся. В командировке он был в Курской области, помогал коллегам одного из сельхозпредприятий убирать подсолнечник. Конец ноября на дворе, холодрыга под стать зимней, да ещё дожди срываются почти каждый день - того и гляди снег, не ровен час, повалит. Да оно и лучше, наверное, было бы, кабы снег, а то слякоть эта уже в печёнках сидит.

Михаил, как только под родную крышу ввалился, так со своей благоверной поцапался. Видит Бог, Мишка не хотел этой ссоры, жутко не хотел, не то у него настроение было, чтобы с кем-либо собачиться, тем более с женой: куряне ему деньжат подкинули за труды его праведные, и Пётр Сергеевич Чибис, директор ЗАО «Заря», где Михаил работал механизатором, грозился премию дать в День работника сельского хозяйства. Да и вообще, возвращаться домой после долгого отсутствия – это всегда праздник.

Мишка - по натуре своей, человек, который всегда настроен на позитивный лад, долгая грусть – не для него.

– Как говорит Библия, уныние – самый тяжкий грех на свете, – напоминал он иногда своей жене Верке, когда она упрекала его, что он ведёт себя, как дитя малое.

– Тебе сорок четыре года, а ты шалопай – шалопаем, – кричала она. – Поглядишь, у других баб мужики самостоятельные, серьёзные, а у тебя в голове – ветер, в заднице – дым.

– Так у этих, как ты говоришь, серьёзных мужиков, и бабы самостоятельные, а не такие, как ты: чуть что, вопишь на весь белый свет, словно тебя режут.

В общем, ссорились они.

Одно Михаила грело в такой ситуации: когда тёща приезжала к ним в гости из соседней деревни и слышала их ссоры, то всегда принимала сторону зятя.

– Какого рожна ты кипишь, как самовар? – подступала она к дочери. – Ты кто такая, чтобы с хозяином так обращаться? Его фотокарточка с колхозной Доски почёта не снимается какой уже год, Чибис на каждом шагу его хвалит. И дом у вас погляди какой, в нём одного только чёрта нету!

– Фу, – фыркала Верка, – да, чи не хозяин! И не один он, я тоже работаю.

– Работница… А зарабатываешь ты сколько против того, что он получает? Слёзы.

Верка работала в местных яслях воспитательницей и хорошим заработком похвастаться не могла. Но Михаилу на её заработки было плевать, ему покой в семье нужен был. Нет, Верка не была злой, зато была шумной и несдержанной, вспыхивала по каждому поводу, как спичка. Никогда не знаешь, что от неё ожидать в следующую минуту.

Вот и нынче, едва Михаил ступил на порог дома, она «варежку» свою сразу открыла за то, что он на пороге не разулся и зашёл в коридор в грязных кроссовках.

– У меня руки что, казённые? – закричала она. – Я полчаса назад пол вымыла, а ты чуть ли не в постель обутым лезешь.

А тут ещё, как назло, Михаил, отвлёкшись из-за Веркиного вопля, мусорное ведро перевернул, которое тут же неизвестно по какой причине стояло.

Матюкнулся Михаил, но не на Верку матюкнулся, а от растерянности, неожиданности. Но Верка пыль до небес подняла. И, чтобы не слушать её визга, Михаил поспешил к своему куму, который жил недалеко, на другой улице.

Кум на тот момент был изрядно «под газами» и сразу, как только увидел Мишку, начал «катить бочку» на Чибиса. Вина директора «Зари» заключалась в том, что он не дал направление от хозяйства в сельхозинститут кумову сыну Витьке, и тот был вынужден поступать в ВУЗ за собственные деньги.

Михаил знал, что кум был неправ по отношению к своему директору. Дело в том, что директор лично просил летом Витьку и ещё некоторых выпускников школы поработать две недели во время уборочной страды на току. Все согласились, а Витька нет, и поехал куда-то на море отдыхать. Директор, ясное дело, психанул на него.

Михаил никогда не озвучивал своё мнение куму, дабы не ссориться с ним. И на этот раз они быстро «замяли эту тему». Потом от кума Михаил узнал, что за околицей их села целую неделю уже окапываются наши солдаты.

– А чего здесь они окапываются, а не в Волчанске? – удивился Михаил.

– Сия тайна велика есть, – сказал кум с ехидной улыбкой и погрозил кому-то пальцем. – Заняли более выгодные позиции, как трындят по телеку. Понял?

Михаил отрицательно покачал головой.

– Я тоже ни хрена не понял, – признался кум. – Хотя кое-какие соображения у меня на этот счёт имеются.

До позднего вечера сидели Михаил с кумом в летней кухне за трёхлитровой банкой с самогоном. Им никто не мешал. Жена кума дома отсутствовала – она уехала к старшему сыну в Старый Оскол, поэтому вмешиваться в культурный отдых «вольных казаков» никто не мог.

Возвращался Михаил домой, пошатываясь, и, когда ему до своего дома осталось сделать шагов двадцать, он разулся, и несмотря на то, что моросил дождь и земля была, словно лёд, босой вошёл в свое подворье.

– Теперь ей ругать меня будет не за что, – сказал он сам себе, имея в виду жену. – Я её послушался и зайду в дом разутым.

Что было потом, можно только догадываться, но утром Михаил проснулся в коридоре на половике, накрытый старым своим пальто.

– Верка наверняка накрыла, – подумал он, но спросить было некого, ибо Верка в это время была на работе.

Михаил жадно выпил две кружки холодной воды, а потом долго и тупо смотрел в окно на огород. На улице, как и вчера, моросил дождь и раскачивал кроны деревьев ветер.

В офис ЗАО Михаил пришёл хорошо умытый, сбрызнутый туалетной водой и с тщательно вычищенными зубами. В офисе пробыл он недолго, с удовольствием выслушал, что ему положены три выходных после командировки, зашёл в гараж, поговорил с коллегами, а потом двинулся к околице села.

Землянки за околицей теперь никто не копал – они были давно выкопаны, две из них, как понял Михаил, были для солдат, а ещё две больших с пологим входом предназначались для КАМАЗа и бронетранспортёра, которые там и стояли.

Возле одной из землянок на пеньках восседали два молодых солдата с автоматами в руках. У ног одного из них лежал небольшой чёрный щенок с белым пятном на лбу. Приходу Михаила солдаты нисколько не удивились. Он представился им, немного поговорил.

На второй день он пришёл сюда снова, принёс трёхлитровую банку молока, пять пачек сахара-рафинада и десять пачек чёрного чая.

Солдат было двенадцать человек, все из Луганска, все с немалым боевым опытом. Больше всего Михаила поразило то, как плохо они были экипированы и какая у них была старая техника. Их командир Степан признался, что у них не только средств связи нет, но даже простейшей географической карты района.

– Мы словно в густом тумане находимся, – сказал командир с грустью, – не знаем, кто от нас слева находится, а кто справа.

Да и вооружены ребята были ужасно: у них был один миномёт, два гранатомёта и по два автоматных рожка на брата.

Михаил лишних вопросов не задавал, но и без того было видно, что на серьёзную оборону села рассчитывать не приходится.

– Ты знаешь, у них даже бинокля нет, – рассказывал потом Михаил куму, и они оба не могли взять в толк, что происходит, почему солдаты современной действующей армии больше на партизан Великой Отечественной войны смахивают своей неухоженностью и оснащением. А где же всё то хвалёное, что по те-

леку на парадах показывали? Что это за СВО такое? Ответить на эти вопросы их было некому.

К счастью, у кума был старый отцовский бинокль, а Михаил отыскал среди старых школьных учебников дочери, которые пылились теперь в кладовке, карту Шебекинского района. Всё это, а также несколько комплектов термобелья и тёплых носков Михаил и кум передали солдатам.

В течение следующего полугода жизнь в селе текла, как обычно: люди мирно работали, помогали военным едой и одеждой, давали им возможность мыться в своих банях, смотреть телевизор. У двух, не то трёх молодух завязались с воинами романы.

* * *

…Первый обстрел села пришёлся летом на один из выходных дней в три часа по полудню. Стояла жара, на небе не было ни облачка, всё живое старалось спрятаться в любые прохладные щели, искало тенёчек. И в это время на окраину, со стороны околицы, где были блиндажи и окопы, полетели с воем первые мины. Всего было шесть прилётов, от взрывов никто не пострадал, кроме собаки, которая бегала без привязи по селу.

Этот обстрел, конечно, напугал сельчан, но не настолько, чтобы кто-то начал сразу сматываться из родного дома. Люди надеялись, что наши воины, при помощи артиллерии, дадут хохлам прикурить, и те успокоятся. Но не тут-то было! Через несколько часов ночью обстрел села был ещё более сильным, и мины попали в два дома, были ранены два человека – пожилой мужчина и девочка дошкольного возраста. Наши военные в ответ не стреляли.

Не стреляли они в ответ ни на второй, ни на третий день. Почему? Ответ военных потряс Михаила: оказалось, что у них миномёт-то был, а мин – кот наплакал, всего четыре штуки, и берегли их воины пуще собственного глаза на тот случай, если попрут хохлы в атаку на село.

Время шло, и мины со стороны Украины летели ещё и ещё, причём стали прилетать в село мины не только те, что свистели, но и бесшумные. Эти были ещё более опасными, ибо прилетали они неожиданно.

Однажды в село приехали два представителя из райцентра, один из них был обряжен в военную форму. Они долго были у главы местной администрации, а потом обедали у директора ЗАО. По селу тут же пошёл слух, что приехали они для того, чтобы объявить об эвакуации.

Слух оказался верным. Это подтвердил Пётр Сергеевич Чибис сразу, как только эмиссары уехали. У селян сразу возникло к нему тысяча вопросов. Главные из них: куда будут вывозить? Куда девать животных? На кого оставлять имущество? Сколько придётся болтаться ни весть где?

Ответы на вопросы были убийственными.

– Коров можете продать по государственной цене. За ними приедут специальные люди.

Директор был хмур, отвечал на вопросы кратко и резко, было видно, как трудно даются ему эти ответы.

– Кто не захочет продать свою корову, отдавайте на время в другое хозяйство. За ними тоже приедут. Когда? Я буду звонить в район, буду уточнять.

Директор зачем-то поднял над головой свой мобильный телефон и повторил:

– Буду звонить… Что касается остальной живности – поросят, кролей и птицы, то её тоже можете продать по государственной цене. Повторяю, возможность для этого у вас будет, покупатели приедут… Теперь об имуществе. С ним разбирайтесь сами, на этот счёт никаких распоряжений нет.

– Как это нет? Всю жизнь собирали это имущество, кредиты брали…

Чибис развёл руками:

– Я вам говорю только то, что знаю. Вы вот спрашиваете, на какое время нас будут вывозить отсюда и куда? Отвечу так: вывозить будут не только в Белгород, но и в Тулу, например. Помещения, куда будем вселяться, сейчас там определяют. Сколько мы в чужих углах будем жить?

Директор опять зачем-то поднял над головой телефон, потряс им:

– До нашей, надеюсь, скорой победы.

Михаил с Веркой стояли рядом, когда Чибис отвечал на вопросы. Верка, как и всегда со дня начала обстрелов, стояла, будто в рот воды набрала. Её словно подменили, и Михаил начал уже волноваться: не заболела ли? Потом присмотрелся: вроде бы нет. Но она, даже когда Михаил начал спрашивать её, что делать с коровой, молча махнула рукой: делай, мол, сам, как хочешь.

Словно зомбированной она была и когда продавали они «государству» за бесценок кур и гусей, когда собирали в мешки и огромные сумки спальные принадлежности. И только, когда увезли в чужое хозяйство её любимицу «Зорьку», она словно очнулась, ойкнула и упала лицом вниз на диван.

Михаил, растерянный, не знал, что ему надо делать, сел рядом с диваном на пол и сидел так до тех пор, пока в дом не ввалился кум.

– Ну, что готовы, граждане, к побегу? – спросил он громко, и по комнате поплыл густой дух свежего сивушного перегара.

Верка перестала рыдать, но осталась лежать на диване так, как и лежала.

– Почему к побегу? К эвакуации, – поправил кума Михаил.

– Какая, к хренам, эвакуация, если мы улепётываем из села, аж пятки сверкают! Убегаем, бросая всё живое и мёртвое, – кум матюкнулся и ткнул выразительно указательным пальцем сначала в своё горло, а потом показал им на улицу.

Михаил отрицательно покачал головой, спросил:

– А куда вы свою кошку с собакой деть думаете?

Кум пожал плечами:

– Не знаю, тут скорее всего оставим. Многие оставляют. А вы?

Михаил ничего не ответил, и кум вышел из дома.

Когда он стукнул калиткой, Верка, неожиданно для Михаила, сползла с дивана на пол, обняла его за шею. Щёки её были мокрыми. Он поцеловал ей руку и почувствовал, что тоже начинает плакать.

Любовь, похожая на сон

Что же это за наваждение такое! Ни днём, ни ночью покоя нет. Всё время она думает и думает о нём. Если бы кто-либо ещё три месяца назад сказал ей, что она способна так любить, она умалишенным этого человека посчитала бы. После всего того, что в её жизни было, это просто невероятно. В тридцать семь лет влюбилась, как ветреная, наивная девчонка! Вопреки здравому смыслу и ситуации.

Когда она его только увидела в первый раз, то сразу поняла – ей конец. Она не могла глаз от него отвести, и всё время, пока он обедал с товарищами в их спецхозовской столовой, она пользовалась любым моментом, чтобы украдкой взглянуть на него. Тем более, что и он тоже на неё пялился без стеснения, на это даже его товарищи внимание обратили. Один из солдатиков, когда они толпой выходили после обеда из столовой, подошёл к ней и сказал, улыбаясь во весь рот:

– Девушка, а вы знаете, что наш Серёга «запал» на вас? Он сам нам сейчас в этом признался.

– Наверное, на его психику обед так подействовал, – попробовала отшутиться она, чувствуя, как её от этих слов жаром с головы до ног обдаёт.

На второй день, в обед, всё повторилось сначала, только теперь Сергей сам подошёл к ней, представился, похвалил, как вкусно они с подругой готовят, и сказал, что она очень красивая.

– Какая там красивая, старая уже! – выпалила она неизвестно зачем.

– Дай Бог всем старухам такими красавицами быть! – он засмеялся и предложил познакомиться.

– Зачем?

– Блат с поваром всегда полезно иметь, – сказал он, снова засмеялся и добавил. – Тем более с красивым поваром.

– А если муж мой об этом знакомстве узнает?

Она увидела, как Сергей смутился, больше ничего не сказал и побежал догонять товарищей.

– Как ребёнок, ей Богу, даже краснеть ещё не разучился, – подумала она, и на душе у неё стало тепло и радостно

На следующий день Сергея на обеде не было. Почему? Этот вопрос её мучил так, что она была сама не своя, у неё всё валилось из рук, и временами слёзы выступали на глазах.

Успокоила её немного напарница, она же лучшая подруга, Людмила.

– Я у ребят интересовалась, почему Серёги нет на обеде, сказали – на задании, завтра будет, – доложила она и хитренько улыбнулась.

Но и «завтра» Сергей не появился на обеде. Она не находила себе места, образ Сергея преследовал её неотступно. Ночью плохо спала и утром чувствовала себя разбитой, под глазами появились тёмные круги.

- Ты что это, подруга, совсем с глузду съехала? – напустилась на неё Людмила, когда они встретились на работе.

– Не могу я без него. Понимаешь, не могу! – призналась Галина и зарыдала.

– А коли не можешь без него, то бери бразды правления в свои руки!

– Как я это сделаю?!

– О-хо-хо, мне ли тебя учить! Он, что у тебя, первым будет?

– Тогда всё не так было. Понимаешь? Не так!

– Ты что, правда, до такой степени одурела? – удивилась Людмила. – Ну, дела!

Всю смену они потом работали молча.

* * *

Когда Сергей всё же появился на второй день в столовой, она попросила у Людмилы сначала валидол, а потом ещё нашла в аптечке на кухне половинку таблетки успокоительного.

– Ты знаешь, у меня сегодня просто нет никаких сил работать, не знаю, что мне делать, – сказала она Людмиле.

– Держись, я тебе помогу…

А потом она даже не видела, когда Сергей зашёл на кухню. Он подошёл сзади, обнял её и начал целовать в шею. Людмилы в этот момент в кухне не было. И где её носило?!

* * *

С тех пор прошло чуть больше двух месяцев. Для неё они пролетели, словно один миг, и было всё, как во сне. «Любовь, похожая на сон», – вспоминала она слова из популярной когда-то песни. И плакала от счастья и радости.

Сергею было двадцать четыре года, то есть он был моложе её на тринадцать лет. Но это её не слишком смущало вначале, ибо она не думала о будущем, пустила всё на самотёк и упивалась любовью. Ещё ей повезло в том, что дочь её Катя не жила с нею в селе, где была лишь школа-девятилетка, а жила у её матери в Белгороде и училась в медицинском колледже.

В село Галина приехала десять лет назад вместе со своим вторым мужем, который здесь работал зоотехником, но муж три года назад умер, и она осталась одна в его доме.

– Галя, ты почему тогда сказала мне, что ты замужем? – спросил как-то Сергей.

– Потому, что боялась потерять из-за тебя голову. Я ведь видела, что ты намного моложе меня.

– А потом?

– А что потом… Потом я не выдержала и словно в омут головой. Разве против тебя можно было устоять?

Сергей улыбнулся и поцеловал ей руку.

Она не стала говорить, что во многом и Людмила посодействовала тому, что она решилась пойти ему навстречу.

– Галька, дура, – говорила Людмила, – раз у тебя такая горячка, закадри ты его, сбей оскомину, а потом видно будет. Что ты потеряешь? Тебе ведь не замуж за него выходить.

– В том всё и дело, что не выходить, а просто так я не могу и не хочу. Ситуация не та.

– Что значит, не та? В этом деле всегда одно и то же.

Галина помолчала, а потом неожиданно спросила:

– Люд, ты любила когда-нибудь? По-настоящему любила?

Людмила посмотрела на неё, как на новые ворота:

– Откуда же у меня тогда Мишка и Дашка? Да и Славке своему я не часто по ночам покой даю. Правда, последний год мне, как ты понимаешь, с этим туго приходится.

Муж Людмилы год уже воевал в Херсоне, она по нему очень скучала, ежедневно вспоминала о нём при всяком удобном случае.

– Ты знаешь, что такое секс по телефону? – ошарашила она Галину.

– Ну-у, слышала, а что?

– Ты слышала, а я этим сексом по телефону последний год по два раза в неделю занимаюсь. Как только Славик позвонит мне, как начнёт нежные слова говорить, а мне хоть на стены лезь… А ты мне тут рассказываешь, какая у тебя ситуация. Забирай быстрее Серёгу под своё крыло, а не то я его у тебя отобью.

Галина понимала, что подруга шутит, и подыграла ей, замахнулась на неё половником.

Галина по своей натуре была открытым человеком, и Людмила не зря говорила ей, что она святая простота. Вот и Сергею, в первую же их совместную ночь, она выложила, что дважды была замужем, что первый её муж был наркоманом и умер через полтора года после того, как они поженились, что второй муж был старше её на одиннадцать лет, хороший был человек, но умер от онкологии.

– Так что, мой миленький, меня можно считать чёрной вдовой, долго не живут рядом со мной мужики, – сказала она, печально и внимательно глядя в глаза Сергею.

Ночь была тихой и лунной. Тусклый свет пробивался сквозь капроновые цветные занавески, в комнате громко тикали на стене электронные часы, а в ногах у них на кровати примостился большой пушистый чёрно-белый кот.

– Бесстыдник, подсматривает, – прошептала Галина и усмехнулась.

Сергей никак не отреагировал на её слова, о чём-то сосредоточенно думал, а потом взял её ладошку в свою лапищу:

– Давай распишемся, – сказал он. – Поедем в Шебекино и там распишемся.

Галина не верила своим ушам, растерялась, не находила слов, но слёзы побежали по её щекам.

– Ты чего? – Сергей нежно погладил её по голому плечу и снова спросил. – Ты не хочешь выходить за меня замуж?

– Именно этого я боюсь больше всего.

– Почему?

Сергей привстал, повалил Галину на подушку, склонился над её лицом.

– Почему ты боишься выходить за меня?

– Солнышко ты моё, неужели ты не видишь, что я тебе чуть ли ни в мате-

ри гожусь? О каком замужестве ты мне говоришь? Ты очень молод ещё, пройдёт время, и ты взглянешь на эту ситуацию совсем другими глазами. Поверь мне. И ещё… Не знаю даже, как сказать тебе об этом.

– Говори, как думаешь.

– Серёженька, миленький, сейчас война, ты солдат, а я чёрная вдова… Я боюсь за тебя!

Много они и в ту ночь, и в последующие редкие очень ночи говорили на эту тему. Сергей настаивал на своём, она плакала и отбивалась из последних сил. А пять дней назад, когда Сергея с товарищами перебрасывали в другой район, он сказал то ли в шутку, то ли всерьёз Галине при расставании:

– Запомни, сроку тебе неделя на принятие решения. Если ты не согласишься за меня замуж выйти – я погибну, если скажешь «да» – я буду жить вместе с тобой сто лет дружно и счастливо и… И нарожаем мы с тобой много детей. За тобой право выбора, ты решаешь мою судьбу.

* * *

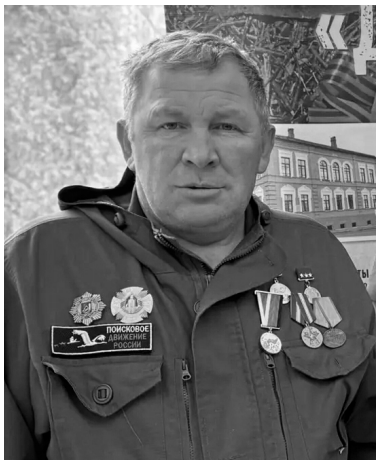
После отъезда Сергея жизнь для неё остановилась, она всё время думала только о нём, о его последних словах. Ругала себя за то, что она такая дура старая, что не с её гипертонией третий раз замуж выходить, и чем больше она об этом думала, тем больше ей хотелось увидеть Сергея…

Однажды рано утром, когда она собиралась на работу, зазвонил её мобильный телефон. Она торопливо схватила трубку и тут же разочарованно бросила на диван: номер ей был не знаком. Она никогда, как только началась СВО, не отвлекалась на незнакомые номера. Однако тот, кто звонил, был настойчив, и она взяла всё же трубку. Звонил мужчина, голос вроде бы был знакомым, но связь была отвратительной, некоторых слов и даже фраз не слышно было вообще. Она отключила телефон, а потом сама позвонила по этому номеру. Связь оказалась чище предыдущей.

– Галя, Серёга погиб. Их миномётный расчёт накрыло снарядом…

Пол начал уходить у неё из-под ног, телефон выпал из рук…

Обнаружила её в бессознательном состоянии Людмила, которая всегда заходила за ней по дороге на работу. Людмила и скорую помощь вызвала, которая приехала на удивление очень быстро. Медики определили у Галины инфаркт.

Александр ЮДИН

Бонька ПВО

Рассказ

Громыхая колёсными парами на стыках, теряя скорость, вагон вальяжно прокатился вдоль перрона и замер в предвкушении заслуженного отдыха. За несколько часов пути этот ветеран железных дорог России, по ощущениям топтавший чугунку ещё в приснопамятные нулевые, двигаясь во всех измерениях системы координат одновременно, умудрился вытрясти душу из всех до одного своих пассажиров. А потому народ, радуясь долгожданной остановке, покидал осточертевшее нутро коробки на колёсах чуть ли не вприпрыжку. Понятно, те, кто не спал. На часах ведь глубокая ночь значилась. Да и из бодрствующих некоторые проделывали такие кульбиты по-особенному. На костылях.

– Принимай! – раздалось с площадки тамбура в тот момент, когда я, уже попробовав на прочность бетон перрона, забывшись, любовался великолепным образчиком сталинского монументализма – зданием вокзала с огромными буквами «Курск» на фасаде.

«Блин, – чертыхнулся про себя. – Надо же, совсем от радости память потерял», - и, чувствуя, как краска стыда заливает лицо, обернулся.

Саня, сосед по плацкарту, держа загипсованную ногу на весу, протягивал мне костыли и смущённо улыбался. Тёзка, с его же слов, был парнем из везучих. Год в штурмах и ни одной царапины, это скажу я вам… В пяти рубашках родиться нужно было. Но, как говорится, сколько верёвочка не вейся… Вражий беспилотник ударил по нему в аккурат под Новый год. И снова пруха. Для тех обстоятельств иначе ситуацию и не обзовёшь. Эвакуация сработала оперативно, что бывает нечасто, и Саня довольно быстро оказался в столичном госпитале на белоснежных простынях. Когда угроза ампутации миновала, отпросился у светил («А чего тут ехать, ночь одна!») до дома, проведать маму, и сейчас возвращался в первопрестольную долечиваться.

– Сейчас, Санёк, всё будет, – бросился я попутчику на помощь. – Но не сразу… Давай ножку сюда… Вторую… Ну, красавчик, слушай! Прямо альпинист.

Ты о параолимпийской сборной не задумывался ещё? Нет? Зря. Подумай. А пока держи свои вездеходы и почапали. Вон место пустое нас с тобою дожидается.

– Сколько стоим-то? – дошкандыбав до места, выдохнул Саня вместе с дымом и снова затянулся, устраиваясь поудобнее. Правую, больную, упакованную в гипс ногу он вытянул вдоль лавки. И тут же, словно угадав момент, не давая времени расслабиться, над вокзалом вместе со всеми его надстройками и обитателями противно завыла сирена воздушной тревоги. Обычное для прифронтового пограничья дело. Народ, за месяцы не очень уж и далёких от себя боёв к таким каверзам привыкший, на несущиеся из ретрансляторов высокие звуки реагировал вяло. Никак, в общем, не реагировал. Никто не побежал искать убежище, всё так же сновали взад-вперёд пассажиры и встречающие-провожающие, а проводница нашего вагона с разноцветными флажками, собранными за поясом в пучок, гордо застыла на боевом посту у трапа. Ни дать ни взять – живая иллюстрация энциклопедии стоиков.

– Полчаса минимум, – ответил я, легкомысленно пуская кольцами дым в ночное небо древнего города. Непреклонная жена, бдительно следящая за количеством выкуренных мною сигарет, мирно спала у себя на полке, и я, пользуясь отсутствием контроля, блаженствовал.

- Не помешаем? – спросили в спину, заставив резко обернуться.

Этого парня в камуфляже стандартной расцветки «мультикам» мы как-то просмотрели. Что неудивительно в такой-то суете. Обычный на вид, как говорится, без особых примет, если не принимать в расчёт форму, что давно примелькалась в чернозёмной полосе, мужчина лет сорока смущённо улыбался, переминаясь с ноги на ногу.

– Сиди, сиди, – остановил он Александра, попытавшегося убрать на землю свою многострадальную ногу. – Мы тут с Боней рядом постоим.

– С кем? – не понял я.

– Да с Бонькой! – улыбка на лице мужика стала уже совсем какой-то робкой, по-детски притягательной. – Кстати, Артём, – представился он и полез рукой за пазуху. Через несколько секунд выпростал из-под бушлата и прижал к груди помещавшийся в ладони крохотный жёлтой шерсти комок. Комок попискивал и норовил вырваться из бережно удерживающих его рук.

– А это Боня! – с видом обладателя сокровища выставил Артём перед собою малышку, совсем ещё тщедушную, на вид месяц-полтора, не больше, но, судя по всему, как и положено фронтовикам, уже с характером. Собачка, виляя хвостиком и скребя лапками жёсткую, как панцирь, ладонь товарища, просилась на свободу.

– В спальнике у меня родилась, – делился своим счастьем человек. Весь он лучился каким-то особенным теплом и чем-то таким, что, вероятно, зовётся благостью. – Прилёг вздремнуть между полётами, слышу – рядом шум какой-то непонятный. Вроде как кто-то в спальный мешок забраться хочет и жалуется на то, что не пускают. Глаза открыл, а на мне целый клубок расположился. Копошатся, орут по-своему, конечно, а мамка их вылизывает и в кучу собирает. Иди, Бонечка, погуляй, – с трудом решился отпустить от себя питомицу Артём.

– Далеко не отходи только. Водички вот лучше попей, – наполнил он из бутылки блюдце, носимое для такого случая в кармане. Справившись с задачей, закурил. Разговорились.

Артём оказался москвичом, причём из коренных, неизвестно в каком поколении. На фронт ушёл добровольцем ещё в 22-м. Вот и верь после этого досужим россказням про заносчивых столичных паразитов. Воюет в расчёте БПЛА, в той самой части, что прикрывает границы моей родной Белгородчины. Едет домой в отпуск, ну и Боньку с собою прихватил, подальше от войны. Ей и так досталось. И под ударами вражеских дронов пришлось побывать, и мамку рано потеряла. Та ведь исчезла через неделю после родов. Деток покормила и пропала. Что с ней сталось – Бог весть. Может, после того светопреставления с испугу забежала куда, а может… Пятерых малышей беспилотчикам пришлось буквально из пипетки выкармливать. Слава богу выходили всех. Сейчас они кто где. Ребята разобрали Бонькиных сестричек с братиками по расчётам, а сама она в столицу катит. Москвичкой станет. На передовой из семьи один братец Клайд остался. Под крылом у командира оборону держит. Боевой парень растёт, чужого близко к своим не подпустит, а сам-то… С кулак.

Артём сделал паузу, типа затянуться, но всё равно было видно, как дёрнулся его кадык, продавливая вставший в горле комок.

– Как там у вас на фронте дела обстоят? По телевизору-то одно показывают, а как оно на самом деле? Сильно дроны одолели? – сам собой сорвался с моего языка вопрос. ПВОшник не стал ломаться, типа секретная информация и всё такое, а подхватил на руки любимицу, дунул ей в мордочку и ответил просто:

– Я ведь перед тем, как в Шебекино попасть, в родной области службу нёс и думать не думал, что столько беспилотников, как этой зимой на Белгород летело, вообще в природе существует. Штук по 200–300 за раз. Не считая «химер», «вампиров» и прочей нечисти. Временами кажется, будто бы небо от этой грязи чёрное.

При этих словах нервно сглотнуть пришлось уже мне. Сотни БПЛА! Это кем нужно быть, чтобы такую лавину удержать?! При мысли о дочери, живущей в областном центре и ежедневно являющейся целью для такой армады летающих убийц, сердце пропустило удар.

– Столько одним гладкостволом не собьёшь, – профессионально констатировал со своей скамейки Саня-штурмовик. – РЭБом работаете?

– Мы на «лисах» летаем, – снова улыбнулся Артём и, видя недоумение на наших лицах, пояснил:

– Это – тот же БПЛА, только быстроходный. Захватывает цель, догоняет и самоподрывом ликвидирует. Или таранит. А вообще там все средства хороши. От «Панциря» до обычного «калаша». Задействуем всё, чтобы мирянки закрыть. Что, Боня, не нагулялась? Ну, побегай пока, время ещё немного есть.

Пилот малой авиации спустил кроху на землю и повёл плечами, разминаясь. А я стоял, осмысливая, и не мог сразу принять услышанное. Знал, конечно, что на границах Белогорья сейчас жарко, но чтобы настолько…

– А можно собачку погладить?

Совсем юная девчушка, проходя мимо, замерла в нерешительности и с надеждой посмотрела на хозяина собаки. Тот великодушно кивнул:

– Её Боня зовут.

– Боня, Бонечка, – защебетала счастливо девочка, водя узенькой ладошкой по жёсткой шёрстке. – А какая это порода?

– Ну-у-у… – задумался Артём. – Мама у неё Джек-рассел, это я точно знаю. А вот папа…

– А папа у неё – негодяй, – пришёл на помощь брату-фронтовику суровый штурмовик и тут же поморщился. Вредина нога не желала срастаться спокойно и время от времени напоминала о себе. Вот и в этот раз не утерпела, почему-то решив, что как раз пора.

Я стряхнул оцепенение, понемногу приходя в себя, и снова полез в карман за сигаретами. Мысли путались, а в груди призывно зазвенела струна, побуждая. К чему, я пока понять не мог.

– Дома у меня ещё Сидор живёт. Корге, кобель. Примет ли он Боньку, не знаю… – делился тревогами Артём, задумчиво глядя на резвящегося у ног щенка.

– Слушай, – в голове что-то щёлкнуло, окончательно вставая на место, и я сделал шаг вперёд, решившись. – Артём, спасибо тебе. И товарищам твоим. От имени всех белгородцев.

Я обнял случайного попутчика, тот, смущаясь, отстранился и потупил взгляд.

– Ладно, чего там… – промямлил он, но меня было уже не остановить. Чувство благодарности ребятам, которые ежедневно, ежеминутно рискуют своими жизнями на передовой, спасая мирные веси, накопившейся за эти годы непрекращающейся угрозы, переполнило внутреннюю чашу и рвалось наружу.

– Если бы не вы, – не сдерживаясь, горячился я, – Белгород бы уже стёрли с лица земли. А про Шебекино и сёла и говорить нечего. Спасибо, брат. За дочь мою, за друзей белгородцев, за всех, кто сейчас, как под дамокловым мечом живёт. Мы все за вас молимся, а придёт время – памятник всем миром поставим. Вам – героям ПВО, закрывшим собою небо. Память о павших сохраним, о каждом поимённо, и внукам своим заповедь оставим.

Я пристально смотрел в глаза вконец растерявшегося бойца, не в силах выпустить его руку из своей, а тот как-то разом стушевался и, переминаясь с ноги на ногу, не мог найти слов, чтобы ответить.

– Поддерживаю.

Раненый штурм, выпавший на время из расчёта, затянулся мощно, до фильтра и, окутавшись на выдохе едким дымом, глубокомысленно изрёк:

– Помнить – это правильно. Братов наших, всех, кто голову сложил, до одного. Только там ведь как… Уцелеть – не самое главное. Не оскотиниться во всём этом, человеком остаться – вот что важно. И куда сложнее.

Саня выбросил прогоревший дотла окурок в урну и как-то особенно тепло посмотрел на почему-то присмиревшую у его ног собачку.

– Да, Бонька ПВО? – нагнулся он потрепать её за холку. Та, предостерегающе тявкнув, попыталась схватить наглеца за палец. А когда не удалось, отскочила в сторону и выжидающе посмотрела на хозяина, готовая выполнить любую его команду. Александр, нисколько не смутившись реакцией собаки, примирительно цыкнул языком, улыбнулся и закончил, судя по всему, давно сидевшую в нём гвоздём мысль:

– Ведь благодаря только им – шурикам этим ‑ мы не свихнулись окончательно. Не свалились в пропасть безумия. Если бы что-то зависело от меня, я бы им памятник поставил, не задумываясь. Всем животным-фронтовикам.

Глаз сурового «мабуты», видевший то, на что и смотреть нельзя, предательски увлажнился. Саня хотел задвинуть на дорожку что-то ещё, покрепче, от всей разбережённой души, но тут наш состав дёрнулся, готовясь к отправлению, проводница призывно махнула рукой, приглашая, и встрепенувшийся люд ринулся занимать места, как говорится, согласно купленным билетам. А над покидаемым Курском всё так же, символом военного времени, висел пронзительный сигнал тревоги, заполняя собою всё воздушное пространство, ночные улицы и закоулки.

Александр ШИШКИН

Василий Агапкин: жизненный путь автора «Славянки»

Биографическая статья

Год назад я ехал в такси по Тамбову. И вот возьми и спроси у водителя: «А вот в Тамбове есть “улица Агапкина”, знаете?». «Да, конечно», – ответил таксист. «А кто такой Агапкин? В честь кого улица эта названа?» – спросил я. «Не знаю…» – последовал ответ.

Здесь в Тамбове, где Василий Иванович Агапкин сочинил свой марш «Прощание славянки» (если не автора, то мелодию эту знают в нашей стране почти все, да и многие за рубежом), он прожил и прослужил в общей сложности десять лет. В этот период он стал штаб-трубачом в местном запасном полку, женился, отучился в Музыкальном училище (сегодня ТГМПИ им. С.В. Рахманинова). У него в этом городе родились четыре дочери (две из них умерли и были похоронены на местном кладбище). Здесь он сочинил не только свой легендарный марш, но и другие свои первые музыкальные произведения. В Тамбове он впервые стал капельмейстером, что было его заветной мечтой. В Тамбове Агапкин вступил в РККА и отсюда ушёл на фронт. Здесь судьба заставила его участвовать в борьбе с антоновцами. В Тамбове его знали как известного талантливого дирижера в начале 1920-х годов, и оркестр под его руководством постоянно играл в местных парках и концертных залах…

А что сегодня? Тамбов бесспорно впереди всех в деле сохранения памяти об этом замечательном военном дирижёре и композиторе. В начале Коммунальной улицы на столетие «Славянки» установлена была в 2012 году памятная доска с барельефом композитора работы местного скульптора В.С. Острикова. В Сквере дирижёров на Интернациональной улице с 2015 года стоит памятник Агапкину. Есть в городе, как мы упомянули, и улица Агапкина. Имя композитора и дирижёра носит местный Городской духовой оркестр. Рядом со зданием Тамбовского училища связи, где раньше размещались казармы 7-го запасного кавалерийского полка и где служил Агапкин (район «Тамбов-6») установ-

лен памятный знак Агапкину и Шатрову. Каждый год в городе проходит в июне Международный фестиваль духовых оркестром имени В.И. Агапкина и И.А. Шатрова. Гимн Тамбовской области звучит сегодня на музыку «Прощания славянки» Агапкина… И это наверняка еще не всё. Но имя автора марша, да и его биография, жизненный и творческий путь для многих остаются почти неизвестными.

Так зачем нам опять читать про Агапкина? Задача этой статьи: хоть немного приоткрыть завесу неизвестности над именем автора всем известного марша, рассказать о том, каким он человеком.

Статья эта выходит осенью. А осень – это, пожалуй, наиболее важный период для Василия Ивановича. Осенью в октябре 1893 года он лишился отца. Осенью 1911 года у Агапкина родился первый ребёнок (дочь Нина). Осенью 1912 года Агапкину была назначена стипендия, что помогло ему получить музыкальное образование и стать капельмейстером впоследствии. Осенью того же года он сочинил «Прощание славянки». Осенью 1918 года Агапкин ушёл с полковым оркестром на фронт в Гражданскую войну. Осенью он покинул Тамбов и переехал в Москву. Сколько всего важного было в жизни Агапкина именно осенью! Да и ушёл из жизни композитор 29 октября 1964 года тоже осенью.

В 2026 году в Тамбове с середины июня и по октябрь в «Усадьбе Асеевых» впервые проходила полноценная выставка, посвящённая жизни и творчеству композитора, под названием «Неизвестный Агапкин». На этой выставке можно было познакомиться с вещами из семейного архива его потомков, многими уникальными экспонатами, документами и фотографиями, что ранее никогда не выставлялись (милости просим на выставку!). К тому же, 7 ноября 2026 года отмечается 85 лет со дня столь значимого для нашей страны и победы в Великой Отечественной войны парада на Красной площади в Москве в 1941 году. Дирижёром сводного оркестра на том параде был как раз интендант 1-го ранга, капельмейстер В.И. Агапкин.

В 2024 и 2025 году вышли 1-е и 2-е нотные издания «Собрания сочинений В.И. Агапкина – Партитуры для духового оркестра», где впервые в одной книге были собраны клавиры и партитуры 22-х авторских произведений Агапкина и 18-ти его аранжировок и оркестровок. Сегодня наконец-то произведения Агапкина, начиная со «Славянки», звучат в Тамбове, Москве, Омске, Астрахани и других городах России.

Так что совсем не случайно, что собранные родственниками композитора, историками и архивистами за последние годы неизвестные ранее материалы, документы, фотографии и свидетельства, по-новому раскрывающие жизнь В.И. Агапкина, восполняющие пробелы его биографии и подчас корректирующие устоявшиеся неверные или досочинённые за отсутствием фактических подтверждений сведения, позволяют во многом оставить в стороне те сложившиеся мифы и легенды, что сложились вокруг имени композитора и дирижера. Всё это, надеюсь, понемногу поможет составить читателям более полную картину о том, каким был Василий Иванович – композитор и дирижёр, – отдавший военной му-

зыке почти 62 года своей жизни! Да, и полноценная книга о жизни и творчестве Агапкина, конечно, рано или поздно будет. Нет сомнений.

Итак, вперед…

правнук композитора А.В. Шишкин, 2026 год

1. Корни

Откуда же он взялся такой, этот самородок? А корни В.И. Агапкина – из-под Рязани. Вернее, из района на стыке Рязанской и Тульской области. Отец его, Иван Устинович Агапкин, родом из деревни Шанчеровка (сегодня д. Шанчерово) Михайловского уезда Рязанской губернии (сегодня это Рязанская область), а мать Акулина Васильевна Романова – из расположенного недалеко села Клекотки (Тульская область). Оба из бедных крестьянских семей.

А вот сама фамилия композитора пошла от его прадеда по отцовской линии Агапа. Причём, что интересно, исследователи на основе ревизских сказок и метрик из тех мест выяснили, что по линии отца предки Василия Агапкина в начале, ещё в XVII веке, носили фамилию Басурмановы! Есть большая вероятность, что предки Василия были привезены в эти края после побед, одержанных при Петре Великом на южных рубежах России. И потому предки композитора изначально были, скорее всего, перекрещёнными мусульманами (Крымские татары?). Оттого-то у всех по отцовской линии Агапкиных глаза узкие.

В селе Жмурово, недалеко от деревни Шанчерово, и сегодня стоит, хоть и в полуразрушенном от времени виде, церковь Дмитрия Солунского, в которой 27 января (по старому стилю) 1875 года и венчались родители В.И. Агапкина. Обоим тогда было по 18 лет. Судя по найденным метрикам, вскоре у них родились первенцы: Григорий (1876 год) и Евдокия (1878 год), которые также были крещены в Жмуровском храме.

Долгое время считалось (и поныне в большинстве официальных источников и в Интернете можно прочесть об этом), что и Вася Агапкин родился в деревне Шанчеровке в 1884 году и был крещён там же в Дмитриевской церкви села Жмурово на Рязанщине. Однако документальных подтверждений этому в итоге так и не было найдено. Более того, стало известно, что где-то в 1879–1880 годах семья Агапкиных перебралась из тех мест севернее, и больше в родные места, по-видимому, не возвращалась.

В наши же дни там, где когда-то была деревня Шанчерово, возвышается сегодня первый в России памятник композитору В.И. Агапкину (установлен в 2014 году на народные деньги). А в селе Жмурово, прямо напротив церкви, где венчались родители и крестили брата и сестру Василия, появился в 2018 году первый и пока единственный в России Музей В.И. Агапкина. Небольшой, всего три комнаты, но удивительный по своей уникальности и по тому, сколько сил, средств, добра, уважения и любви было вложено в создание этого музея и в его коллекцию экспонатов местными жителями и просто активными гражданами.

Памятник В.И. Агапкину в д. Шанчерово

В заключение этой главы приведу цитату из монографии выходца из Рязанской области историка М.А. Российского, который не так давно провёл, наряду с другими краеведами, архивные исследования по вопросу происхождения Василия Агапкина. Его книжка «Сын земли: к родословной автора “Прощания славянки”» вышла небольшим тиражом в 2020 году: «*Вне зависимости от того, где родился и был крещён В.И. Агапкин, его творческое наследие является общим достоянием всех россиян. Однако необходимо признать, что у “малой родины” его предков есть законные основания для того, чтобы считаться источником многих природных талантов этого без сомнения выдающегося потомка многих поколений русских крестьян с рязано-тульского пограничья*».

2. За лучшей долей…

Немного расскажем о том неизвестном и в общем-то неизученном периоде жизни семьи Агапкиных уже после того, как они покинули Рязанскую землю в середине 1880-х годов. И тут, как оказалось, исследователю иногда просто надо правильно поставить вопрос! Если посмотреть внимательно, то как-то странно, что между рождением старшей сестры в 1878 году и рождением Василия в 1884 году прошло столь много времени – как-никак 6 лет. Но ведь крестьяне рожали тогда обычно раз в 1,5–2 года минимум! Значит, вполне вероятно, что у Василия ещё могли быть братья/сестры. Ну, хоть один… Да, сведений о них никаких нигде не осталось. Но могли же умереть в детстве! И вот с помощью «Поиска по архивам в Яндексе» сначала была найдена информация о ещё одном старшем брате В.И. Агапкина – Михаиле, рож. 06.11.1880 (по старому стилю). И где! Во Владимирской губернии, Покровского уезда, село Орехово! Более того, в той же метрической книге Ореховской Рождественской церкви (источник: ЦГАМО) видим мы, что сестра Василия Агапкина Евдокия умерла 3 ноября (по старому стилю) того же 1880 года в возрасте двух лет там же, в селе Орехово, Владимирская губерния. Всего-то за три дня до рождения Михаила! Причём явно от дизентерии, отравления или недоедания. А заявителем записан: «Иван Устинов из д. Шанчеровки…» – даже фамилия «Агапкин» не значится – не до того: как записали наспех, так и записали. Но это ведь он, и это несомненно сестра В.И. Агапкина! Возможно даже, что смерть маленькой дочери могла повлиять на преждевременные роды Михаила и т.п., мы не знаем наверняка. Но почему Агапкины не пое-

хали искать работу и лучшей доли куда-нибудь по привычному тогда для многих хлебному тракту на юг в Тамбов или волжские города? А вместо этого они отправились на север в Орехово, на границу Московской и Владимирской губернии, в Покровский уезд, в 270 км от Шанчеровки? Мы точно не знаем, почему. Может, позвал кто, расписал красочно возможности, или какие дальние родственники были там…

Однако, подсказка всё же есть. Дело в том, что район сёл Орехово-Зуево-Никольское (всё это с 1918 года стало Орехово-Зуево) был тогда столицей текстильной промышленности семьи Морозовых. В начале 1830-х годов Савва Морозов перевёл своё производство на правый берег реки Клязьмы, на земли близ Ореховского погоста, где выстроил красильную, бумагопрядильную и шерстоткацкую фабрики. В 1837 году в местечке Никольском (в честь погоста Николы в Орехове) Морозов начал строить каменные трёхэтажные суконно-прядильную и ткацкую фабрику. В конце 1840-х годов здесь начала выпускать продукцию бумагопрядильная фабрика, оснащённая самым современным оборудованием. А в конце 1870-х годов по деревням Рязанским уже ездили зазывалы с Морозовских фабрик и вербовали мужиков. Рабочий народ мануфактур набирался также из Владимирской, Московской, Тульской, Смоленской, Тверской, Калужской, Нижегородской и Витебской губерний. Плюс на мануфактуре работало до 100 мастерков, которые занимались ткачеством, размоткой и круткой пряжи. Также многие были заняты на торфяном производстве или в виде подрядчиков, поставщиков и работающих по лесу. Всего тысячи работников!

Это был 1880 год. Но мы помним: *рожали раз в два года*… Открываем метрическую книгу той же Рождественской церкви с. Орехово, Владимирской области за 1882 год и видим: «*МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ. ВЛАДИМИРСКАЯ ГУБЕРНИЯ, ПОКРОВСКИЙ УЕЗД, ОРЕХОВО СЕЛО, РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ. Января 1882 – 31 декабря 188 Рожд. 15/крещ. 16 сентября Имя новорождённого: Иванъ Родители: Рязанской губерніи Михаиловскаго уѣзда деревни Шанчеровки Лужковской волости крестьянинъ Иванъ Иустинов Агаповъ и законная жена его Акилина Васильева. Оба православные.*»

Да, фамилия отца указана неверно, более привычно коротко… Но разве есть сомнения в том, что это родители В.И. Агапкина и его новорожденный брат Иван? Причём очень характерная информация в графе «Восприемники новорожденного Ивана Ивановича Агапкина» (у нас бы сегодня сказали – крестные): «*Восприемники: Тамбовской губерніи Темниковскаго уѣзда Завода Е…той же волости мастеровой Иванъ Никифировъ Васильевъ и мастеровая жена Пелагея Егорова Бейтонъ. Настоятель Священникъ*». Мужчина-восприемник – мастеровой с завода, да и восприемница – жена мастерового. Это косвенно говорит о том, что и отец, Иван Устинович, пробовал тогда себя в качестве работника фабрики или мастерской и общался с подобным людом.

После находок метрических записей, говорящих о пребывании семьи Агапкиных во Владимирской губернии в начале 1880-х годов, можно сделать следующие общие выводы:

1. Агапкины, скорее всего, отправились во Владимирскую губернию из д. Шанчеровка под Рязанью году в 1879, с трёхлетним Гришей и годовалой Дуней на руках. Иван Устинович пытался найти работу на Морозовских фабриках.

2. Осенью в 1880 году в окрестностях с. Орехова Покровского уезда у них рождается сын Михаил, но вскоре в том же году умирает двухлетняя Евдокия.

3. Проходит примерно два года. Наверняка старший Агапкин пытается работать на разных работах и хоть что-то добывать на пропитание семьи. И в сентябре 1882 года рождается третий сын Иван. Но, видимо, злой рок и неудачи с поиском нормальной работы берут своё, и вскоре умирает двухлетний Михаил, а в след за ним - и трёхмесячный Иван. За 4-5 лет такая семейная трагедия! Из детей остается только шестилетний Гриша. Причём, умирают дети все от поноса, от сухотки, от слабости – то есть от недоедания. Видать, совсем плохи были дела. Также мы знаем из прежних исследований, что в начале 1880-х на Морозовских фабриках началась модернизация – завезли новые станки из Германии, и низкоквалифицированные рабочие в таком количестве стали резко не нужны…

4. И очень похоже, что уже в 1883 году Агапкины с единственным сыном Гришей покидают эти места навсегда… и отправляются в Астрахань.

(Все приведённые метрики есть у автора статьи в виде качественных архивных копий!).

3. Астрахань

Василий Иванович Агапкин родился 3 февраля (22 января по старому стилю) 1884 году в городе Астрахань.

Долгое время считалось, что родился он в д. Шанчеровка под Рязанью, и только потом с маленьким Васей на руках родители переехали в Астрахань в поисках лучшей доли. Это до сих пор «официальная версия» рождения композитора. Но летом 2024 года (с подачи потомков Агапкина) в Астраханском областном архиве (ГААО) была обнаружена оригинальная запись о рождении Василия Агапкина в Метрической книге Астраханской церкви Казанской Божьей Матери за 1884 год. Более того, найдена была и черновая метрическая запись об этом. Как же оказалось, что, несмотря на то, что сам Агапкин в последующие годы в обеих своих автобиографиях и в нескольких ведомственных анкетах и учётных листках чёрным по белому пишет, что родился он в Астрахани, а название деревни, откуда родом отец, не помнит, всё же было принято считать, что родился он под Рязанью и крестили его в той же Дмитриевской церкви, где венчались родители? А просто по умолчанию. Раз родители оттуда, то и родился-крестился, скорее всего, Вася там. Ведь подтверждающих или опровергающих это документов найдено до недавних пор не было!

Но теперь-то мы знаем, что семья Агапкиных даже не из-под Рязани приехала в Астрахань, а сначала провела 3-5 лет совсем в других местах. И родители приехали (видимо, в 1883 году) в Астрахань не одни, а с семилетним старшим сыном Григорием. И вскоре родился Вася.

Здания той Казанской церкви в бедном рабочем районе Астрахани (за ручьём Кутум) сегодня, к сожалению, не существует (мы пока не нашли даже ни одной её фотографии). Церковь разобрали за дряхлостью и построили в начале XX века другой красивый храм, что стоит и поныне.

Через полтора года после рождения Васи умирает его мать (7 июля 1885 года по старому стилю). В метрической записи причина указана: «*от лихорадки*». Писателями в 1980-е годах была озвучена версия, что Акулина «утонула в Волге». Откуда это взялось, неизвестно. В семье же хранится рассказ о том, что мать Агапкина не смогла разродиться и умерла.

А вот дальше, вплоть до поступления мальчика Васи в военный оркестр, сведения о жизни семьи в принятых источниках очень скудны и зачастую додуманы, приукрашены, сочинены. Но вот, что мы знаем сегодня точно.

Отец Васи Иван Устинович очень быстро женился снова, уже 21 августа 1885 года, на восемнадцатилетней Анне Матвеевне Харитоновой (всего через полтора месяца после смерти жены!). Почему так быстро? Два пацана – нужно их растить, нужна хозяйка в доме, а может, и отсрочку от службы армии хоть и ратником хотел получить (и такой документ тоже найден в Астраханском архиве!), а женишься – и третий ребёнок появится на иждивении. Мало ли что. Можно только гадать. Перед этим Иван собрал все необходимые документы о вдовстве (хранятся сегодня в ГААО). Венчание прошло в Христорождественской церкви Астрахани (сегодня старообрядческий Покровский храм – стоит до сих пор!). Видимо, в его приходе на улице Рождественской Агапкины и жили тогда.

При этом, надо отметить, что, несмотря на написанное в художественных книгах (по незнанию!), отец Василия не женился на женщине уже с детьми. Анна (напомним, ей было всего восемнадцать лет!) родила вскоре Ивану трёх дочерей (все единокровные сёстры Василия): Веру (1886), Катю (1889) и Настю (1893), – все метрики девочек о рождении и крещении в той же Церкви Рождества Христова на сегодня найдены (ГААО)! А младший брат Иван родился у Анны Матвеевны вообще только через пять лет после смерти отца в 1898 году (в метрике указан как «незаконнорожденный»). А пока же Анна растила дочерей, двух парней от первого брака мужа и подрабатывала портовой прачкой. А отец Василия работал грузчиком в порту.

1 октября 1893 года (когда младшей дочери Насте было всего пять месяцев, а Василию девять лет) Иван Устинович Агапкин скоропостижно скончался. В ГААО найден недавно полицейский отчёт об этом происшествии (да, и упоминание в местной газете теперь тоже есть): Иван умер «*от апоплексии в доме Храмова*». То ли и правда надорвался на работе (как пишет Агапкин в автобиографии), то ли ещё что, точно неизвестно. Работа грузчиком в порту в то время в Астрахани считалась самой низкой, черновой работой. В грузчики шли преимущественно иноверцы (персы, туркмены). Это была самая тяжёлая и низкооплачиваемая работа. Чтобы хоть что-то заработать на такой работе, нужно было разгружать рыбу или другие товары круглые сутки…

Грузчики-персы и группа грузчиков в Астрахани (конец XIX – начало XX века)

Через шесть месяцев после смерти отца, в апреле 1894 года, Василия (10 лет) зачисляют в музыкантские воспитанники (корнетистом) в местный трубаческий хор 308-го Царевского резервного (пехотного) батальона Астраханского гарнизона. В холодное время батальон размещался в Астраханской Крепости (Кремле) – оттуда Васе бегать до дома всего ничего. А летом в основном в лагерях за городом на речке Царевке (произносится через «е») - отсюда и название батальона: никакого отношения к *царю, царскому* это слово не имеет! Как Вася попал в воспитанники (именно так: не в ученики, ведь музыкантские ученики – это те, кого брали обучать в музкоманду/хор трубачей уже из призванных солдат, а воспитанников брали со стороны), мы точно не знаем. Легенда гласит, что Вася увидел проходящий мимо военный оркестр, впечатлился и попросился сам. Потом мачеха отвела его к капельмейстеру на прослушивание, и тот, увидев абсолютный слух у мальчика, взял его. Конечно, всё было, скорее всего, не так просто в реальности: оркестры батальонный и гарнизонный, казацкий и другие маршировали под музыку, играли в парках и садах, на праздниках и парадах в то время в Астрахани постоянно. Горожане (и Вася Агапкин) могли видеть оркестры по многу раз. При этом всех подряд в музыкантские воспитанники не брали. В полках и батальонах была своя квота (на тот момент по приказу разрешалось иметь десять воспитанников в действующих полках, а в резервных - до двадцати). Версий может быть много. Возможно, Вася, и правда, на улице то и дело просил подаяние (подворовывал на рынке и приносил семье?). Однако это всё, помним, происходило поздней осенью и зимой 1893-1894 гг.… Но взяли его в оркестр, безусловно, увидев способности к музыке. Теперь и мачехе легче прокормить детей! А тут пасынок при деле, обут, одет, накормлен, и карьера впереди музыканта возможна… Подала заявление командиру батальона Анна Матвеевна, прослушали и взяли, подписав договор («условие») с ней, как с опекуншей, по несовершеннолетию пасынка. Логичная картина…

Сохранилась уникальная фотография 1896 года, где в составе большого хора музыкантов местного резервного батальона (причём и командир батальона, и офицеры, и тот самый капельмейстер, что брал Васю в воспитанники, на сним-

Вася Агапкин, 12 лет, и Хор трубачей 308-го Царевского резервного батальона (Астрахань, 1896)

ке сидят в центре!) в нижнем ряду четвёртым слева сидит Вася двенадцати лет с корнетом («корнет-а-пистон») в руках с другими такими же воспитанниками.

Другим любопытным фактом, теперь подтверждённым документами, является то, что семья Агапкина с 1895 года числилась уже в списке Астраханских мещан. Попала семья в такой Посемейный список (ГААО) по старшему брату Григорию (он тогда уже, видимо, работал маляром), которому на тот момент было восемнадцать или девятнадцать лет, а в списке с ним указан и младший брат Василий и все женщины (мачеха и три сестры по состоянию на лето 1893 года). Причём в другом «Списке убыли и прибыли мещан в 1896 году», составленном на 1895 год (ГААО), фигурирует уже по мужской линии семьи сам Василий Агапкин (а также указаны его мачеха и три сестры). Вывод: Василий Агапкин вскоре после смерти отца был причислен к мещанскому сословию! А это была не очень «правильная» информация для советского периода. Потому-то и сам Агапкин немного лукавит и везде после революции пишет, что родом был «из крестьян».

Пока Вася Агапкин служил музыкантским воспитанником в Астраханском резервном батальоне, семья жила в съёмных «дешёвых квартирах». Мы это видим по пометкам в найденных архивных документах. Жили Агапкины в районе, который сегодня называется в Астрахани Кировский.

К несчастью, в семье потомков композитора практически не сохранилось писем или каких-то документов, рассказывающих о том периоде биографии Василия Агапкина. Известно лишь, что Агапкин всю жизнь потом общался с младшей сестрой Анастасией (фамилия по мужу: Лапук) и её детьми. Сама Анастасия была с юности акушеркой, гинекологом. Возглавляла госпиталь в Астрахани до войны и работала гинекологом-хирургом во время Великой Отечественной войны. Но сохранилось одно письмо на обороте фотографии, на которой стоит жена Василия Ольга Алексеевна Агапкина у могилы семимесячной дочери Тамары (умерла в 1913 году) на Тамбовском кладбище: письмо адресовано Агап-

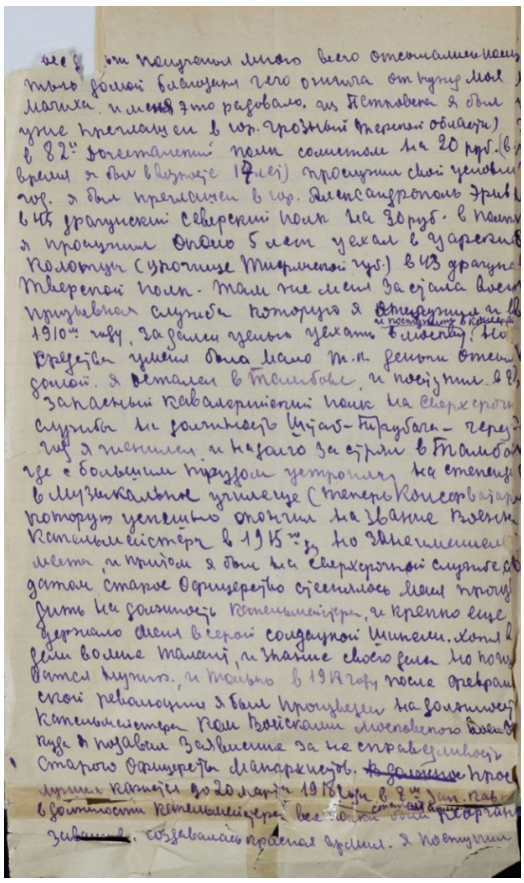
киным своей сестре Анастасии Лапук в 1914–1916 гг. Именно сестре Анастасии В.И. Агапкин посвятил один из своих ранних вальсов «Сиротка» (1915–1916 гг.).

Насколько мы знаем, Агапкин вряд ли когда-либо после отъезда на Кавказ бывал в Астрахани, в городе, где он родился и прожил первые свои пятнадцать лет.

В Астрахани, на берегах Волги, умерли и похоронены его родители. В 1960 году В.И. Агапкин, уже, будучи на пенсии, записал с оркестром фонограмму своего прекрасного (ныне практически неизвестного) марша «*Волжские берега*». Очень похоже, в память о своем детстве и родителях.

4. Кавказ

После Астрахани окрепший профессионально Василий Агапкин, в возрасте полных четырнадцати лет, отслужив свои положенные 5 лет воспитанником-корнетистом в 308-м Царевском резервном батальоне при Астраханском гарнизоне, отправился теперь уже вольнонаёмным музыкантом на Кавказ. Он был солистом, отлично играл на корнете, а в военных оркестрах талантливые музыканты требовались всегда.

Фрагмент рукописной автобиографии 1925г. с расшифровкой текста)

Но что погнало его на Кавказ (где он пробудет целых 10 лет)? Скорее всего, кроме возможности развиваться как музыкант, стремление просто больше зарабатывать, чтобы помогать семье. Про этот период в биографии Агапкина мы знаем очень мало. Лишь скупые строки в его автобиографиях 1925 и 1945 годов, да перечень полков, где он служил в оркестрах, в ведомственных анкетах и послужных списках, одна фотография и рюмочка.

Но для начала см. автобиографию 1925 года.

«Почувствовал в себе силу и уверенность, что я смогу сам работать и получать вознаграждение за свою прекрасную игру на корнете, чем принёс пользу для поддержания моих маленьких сестёр. Я решил уехать из Астрахани на Кавказ, в г. Петровск, где и поступил в Аварский резервный батальон солистом на корнете. Мне как малолетнему большой трубы не дали, хотя по моей талантливой игре я мог бы получать

больше. Там я прослужил ровно год условного срока. Все деньги, полученные мною, отсылались полностью домой, благодаря чего ожила от нужды моя мачеха, и меня это радовало. Из Петровска я был позже приглашён в г. Грозный Терской области, в 82-й Дагестанский полк солистом на 20 руб. (в то время я был в возрасте 17 лет). Я прослужил свой условный год в Грозном и был приглашен в г. Александрополь, Эривань, в 45-й драгунский Северский полк на 30 руб. В полку я прослужил около пяти лет и уехал в Царские колодцы (урочище Тифлисской губ.) в 43-й драгунский Тверской полк. Там же меня застала военная призывная служба, которую я отслужил, и в 1910 году (ошибка: до 1909!) задался целью уехать в Москву и поступить в консерваторию. Но средств у меня было мало, так как деньги отсылал я домой. Я остался в Тамбов...»»

1899–1900 гг. Итак, сначала после Астрахани был г. Петровск Дагестанской области (ныне Махачкала). Агапкин поступил корнетистом в оркестр местного 255-го Аварского резервного батальона. Здесь он прослужил ровно год до сентября 1900 года.

1900–1901 гг. С сентября 1900 по октябрь 1901 года Василий Агапкин служил корнетистом в оркестре 82-го Дагестанского пехотного полка в г. Грозном (Терская губерния), куда был лично приглашён вольнонаёмным музыкантом, ведь к тому времени он уже получил некоторую известность на Кавказе за его талант музыканта. Несмотря на большой послужной список участия полка в военных действиях, в тот конкретный период, когда в нём числился Агапкин, полк стоял в резерве. К тому времени относится и единственная сохранившаяся фотография юного Агапкина (17-18 лет).

Василий Агапкин, вольнонаёмный трубач 82-го Дагестанского пехотного полка (г. Грозный), 1901 г.(?) На фото Агапкин, по форме, младший унтер-офицер (мл. сержант) – на погонах две тонкие поперечные полоски. Все трубачи/музыканты тогда ходили в форме унтеров, чтобы их можно было отличить от рядовых солдат.

1901–1904 гг. После Грозного Агапкин около четырёх лет служил в 45-м драгунском Северском полку в г. Александрополь (ныне г. Гюмри, Армения). Здесь, по достижении совершеннолетия, сменил корнет на трубу. И стал получать 30 рублей месячного жалования.

1904–1909 гг. После Александрополя Агапкин оказался уже в другом драгунском полку, 43-м Тверском (с 1907 он стал 16-м), который стоял тогда в урочище Царские колодцы (сегодня Дедополис-Цхаро – город на востоке Грузии, Кахетия). Именно под Тифлисом, в Тверском драгунском полку, Василий, достигнув призыв-

ного возраста (21 год), проходил срочную военную службу рядовым трубачом. Именно служа в Тверском драгунском полку, Агапкин на свои деньги впервые купил себе трубу.

Тут надо упомянуть обнаруженные в Астраханском архиве (ГААО) два списка призывников по мещанам г. Астрахани за 1905 год, в которых числится Василий Агапкин, как достигший призывного возраста для срочной службы. И это лишний раз подтверждает, что в те годы он был на учёте как мещанин, а не крестьянин. Хотя принято считать, что «Агапкин из крестьян». Значит, не совсем… Родители родились в деревне и были поначалу крестьяне. Но уже с 21-22 лет отец Василия подался в работники (чернорабочие). С 1895-1896 гг. Григорий, старший брат, числился в списке мещан Астрахани как кормилец семьи после смерти отца (1893 год). Брат был маляром. За ним в список мещан попал и Василий. И, только став профессиональным военным музыкантом, Василий в 1909 году (поступив на сверхсрочную службу в Тамбове) вошёл в неофициальное сословие военных (служивых).

По последним исследованиям, по крайней мере с 1907 года, Агапкин уже числится в полку штаб-трубачом. И здесь необходимо отметить, что получение должности штаб-трубача для трубача Агапкина было повышением по службе. Ведь штаб-трубач - это никакой не «трубач при штабе». Это старший над сигнальной группой (сигналистов) в полку, по сути, второй человек после капельмейстера (как правило, тогда вольнонаёмного гражданского чиновника, с которым полк заключал договор, и офицерское собрание полка скидывалось ему на жалование, при том, что штаб-трубач был на казённом полковом довольствии).

Более того, найденные совсем недавно метрические записи полковой церкви Северских драгун (ЦГИА) раскрыли другую, неожиданную и совсем неизвестную страницу биографии В.И. Агапкина в тот Кавказский период. Оказалось, что 19 января 1903 года в возрасте без трёх дней девятнадцати лет астраханский мещанин Василий Агапкин венчается в Александрополе с девицей Пелагеей Кузминичной Баздуковой, по отцу крестьянкой с. Валуец Стародубского уезда Черниговской губернии (сама Пелагея родилась в Евпатории в Крыму). И вместе с молодой женой через год Агапкин переезжает под Тифлис. Но, судя по метрическим записям, в ноябре 1908 года Пелагея умерла от серьёзной болезни в возрасте 24 лет и была похоронена на кладбище в Царских Колодцах.

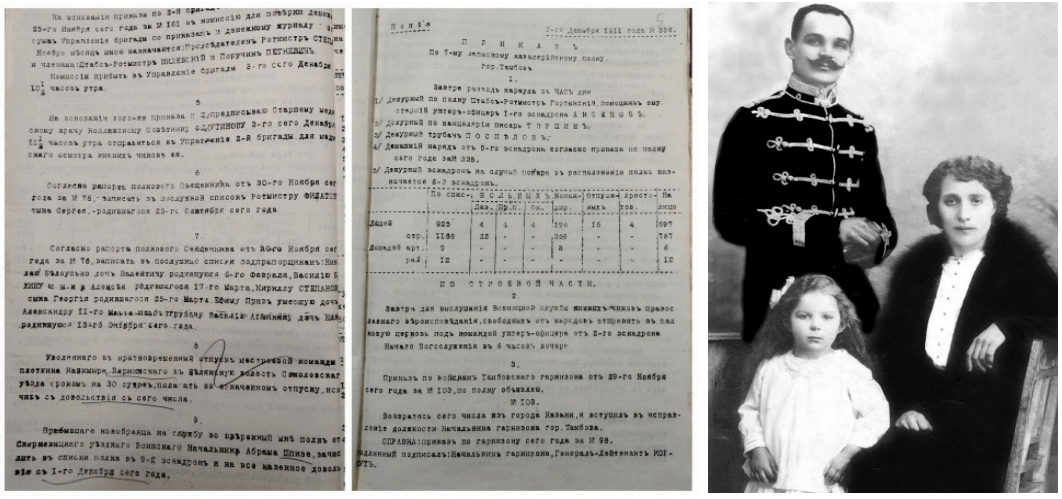
5. Тамбов

1909-1917 гг. Отслужив срочную службу, штаб-трубач В.И. Агапкин, будучи, по сути, вдовцом, приехал в Тамбов. Было это в ноябре-декабре 1909 года. Но почему именно в Тамбов? Сам он пишет в своей автобиографии (1925 год), что «*…задался целью уехать в Москву и поступить в консерваторию. Но средств у меня было мало, так как деньги отсылал домой. Я остался в Тамбове…*». Да, в Тамбове было на тот момент известное Музыкальное училище с отделением духовых инструментов. Но почему Агапкин не вернулся с Кавказа тогда домой, в

Астрахань, к семье? Ведь, мало кто знает, но в Астрахани тогда также было своё Музыкальное училище (от Императорского Русского Музыкального Общества). Логично же было бы вернуться в Астрахань? Да, это так. Но именно в те годы, как удалось выяснить (см. «Памятная книга: Вся Астрахань за 1909 и 1910 гг.»), именно духового отделения в Музыкальном училище Астрахани как раз и не было. Так что можно лишь выдвинуть версию о том, что в Тамбов Агапкин приехал и остался здесь скорее по «карьерным» причинам. Наверняка услышал, что есть вакансия, или кто-то рекомендовал его на пустующее в тот момент место штаб-трубача в местном 7-м запасном кавалерийском полку. Куда его с радостью и приняли на сверхсрочную службу вольнонаёмным музыкантом (зачислен в полк он был 31 декабря 1909 года). Поначалу первый год Агапкин получает лишь 20 рублей жалования плюс доплаты за сверхсрочную службу. Но уже в 1911 год его жалование становится 30 рублей. Так что получение музыкального образования было для него поначалу не первоочередным. Ведь в Тамбов он приехал в 1909 году, а в училище был зачислен лишь в конце 1911 года (с началом обучения с 1 января 1912 года).

Через год (в начале 1911 года) Агапкин женится на модистке Ольге Алексеевне Матюниной. По неподтверждённым данным, родом она была из с. Рождественское, Рассказовского района (так написано в первой книжке про Агапкина «Неувядаемый марш», автор В.К. Степанов, 1982 год – видимо, по неточным воспоминаниям родственников композитора). Метрическая запись о венчании до сих пор не найдена, в каком храме венчались Агапкины, неизвестно. Возможно, это было в «солдатском» Покровском храме Тамбова, чьи метрики в основном утеряны на сегодняшний момент.

13 октября 1911 года (по старому стилю) у Агапкиных рождается первая дочь Нина (впоследствии при выдаче свидетельства о рождении в 1920-е годы была неверно сделана запись, и год рождения Нины указан как 1912-й).

Запись о рождении дочери Нины у штаб-трубача Агапкина в 1911 году и Полковые приказы по 7-му запасному кавалерийскому полку (РГВИА)

Семья Агапкиных: Василий, Ольга, Вера и Нина (Тамбов, декабрь 1916 года)

На тот момент Агапкины снимали квартиру (одну или две комнаты) в простеньком доме в конце Гимназической (ныне Коммунальной) улицы (прожили они по этому адресу с 1911 по 1917 год). Дом находился, предположительно, в районе завода «Ревтруд». Однако на сохранившейся фотографии декабря 1916 года семья с двумя дочерями снята на фоне деревянного одноэтажного дома, и на обороте надпись: «*Щепная пл., д. 15 (или 16)*». Щепная площадь действительно существовала тогда в том районе перед революцией и после, в 1920-е годы. Возможно, на этом снимке и есть их первый адрес и дом в Тамбове!

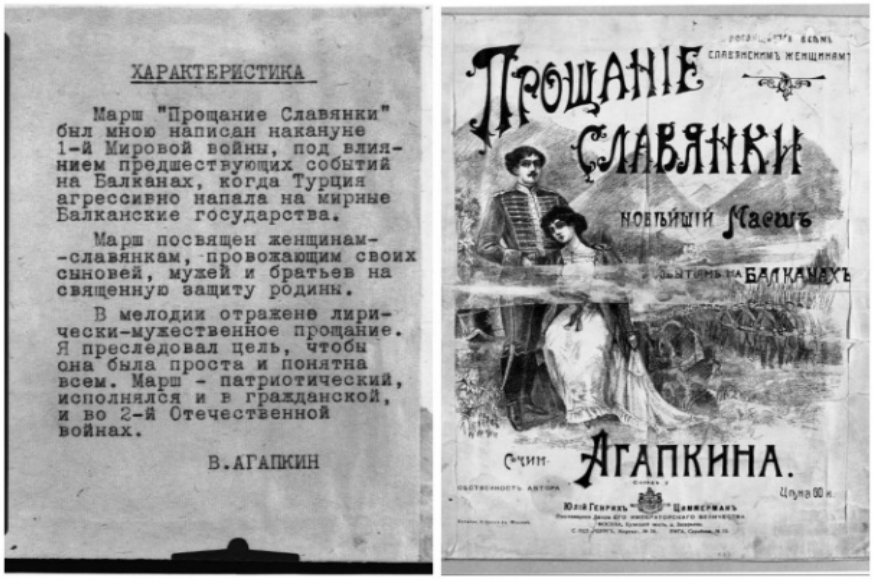
Интересно отметить, что за все годы службы в полку (1910–1918 гг.) мы ни разу не видим Агапкина в полковых списках заболевших или провинившихся. А в отпуск Агапкин ездил всего лишь три раза: два раза осенью 1911 года и один раз в мае 1912 года – на несколько дней в г. Козлов (по семейным обстоятельствам). Но почему именно туда? У нас есть версия. В 1911 году Агапкины взяли к себе жить из монастырского приюта племянницу Ольги - Клавдию Ивановну Балмазову, дочь то ли сестры, то ли брата (точно неизвестно), которая осталась на тот момент сиротой. Ей было тогда всего десять лет. Агапкины уже имели собственное съёмное жилье и могли себе это позволить. И очень похоже, что Василий ездил в Козлов либо хоронить родителей(ля) племянницы, либо сначала устраивать временно Клаву в приют, а потом оформлять опекунство и забирать в Тамбов. Но в любом случае это пока остается загадкой.

В конце 1911 года, после того, как Агапкин брал несколько месяцев частные уроки (в основном по общим предметам и грамоте – ведь за плечами у него было всего лишь два года церковно-приходской школы в Астрахани), он, как сам пишет в автобиографии, «с большим трудом устраивается на стипендию в музыкальное училище», в класс духовых инструментов Ф.М. Кадичева. Волне возможно, что именно жена Ольга настояла на том, чтобы Агапкин в итоге сделал этот обязательный шаг навстречу своей мечте: стать капельмейстером! И, как теперь точно известно, осенью 1912 года руководством Русского Императорского Музыкального Общества Агапкину была назначена стипендия. Причём учился теперь Агапкин на средства известного Тамбовского мецената М.В. Асеева (протокол заседания Правления Музыкального Общества с решением по этому вопросу хранится сегодня в ГАТО).

В Тамбовском музыкальном училище Василий Агапкин учился чуть более трёх лет и в мае 1915 года на «отлично» сдал выпускной экзамен по трубе, получив Свидетельство об окончании училища с припиской о том, что отныне может служить военным капельмейстером.

Во время учёбы в училище у Агапкина появляется несколько первых музыкальных произведений (марши, вальсы и другие).

И именно осенью 1912 года, как ныне известно, В.И. Агапкиным был написан марш «Прощание славянки» как отклик на начавшуюся Первую Балканскую войну. Существует характеристика к маршу, как считается, написанная самим автором:

ХАРАКТЕРИСТИКА

Марш "Прощание Славянки" был мною написан накануне 1-й Мировой войны, под влиянием предшествующих событий на Балканах, когда Турция агрессивно напала на мирные Балканские государства.

Марш посвящен женщинам-славянкам, провожающим своих сыновей, мужей и братьев на священную защиту родины.

В мелодии отражено лирически-мужественное прощание. Я преследовал цель, чтобы она была проста и понятна всем. Марш - патриотический, исполнялся и в гражданской, и во 2-й Отечественной войнах.

В.АГАПКИН

Перовое издание нот Славянки 1913-1914 гг. ТД Ю.Г. Циммермана. Типография Гроссе, Москва

Другим важным стимулом к созданию патриотического произведения было всенародное отмечание в 1912 году 100-летия победы в Отечественной войне с Наполеоном и торжественные мероприятия по всей стране в сентябре того года.

Между тем, долго бытовала версия, что ещё одним трагическим поводом к написанию столь эмоционального произведения стала смерть малолетней дочери Агапкиных осенью 1912 года. Однако, благодаря найденным сегодня записям в метрических книгах Николаевской церкви 7-го полка (церковь располагалась в одной из казарм), удалось выяснить, что вторая дочь Агапкиных Тамара родилась лишь в феврале 1913 года и умерла в сентябре того же года в возрасте семи месяцев, когда марш уже должен был быть написан. Тамара была похоронена на утраченном ныне гражданском Успенском кладбище в Тамбове.

Впервые «Славянка» в оркестровом варианте прозвучала, скорее всего, в первой половине 1913 года в исполнении полкового музвзвода 7-го запасного кавалерийского полка на построении.

В 1913 году в издательстве «ТД Циммермана» в Москве (печатня Гроссе в Москве) выходят первые ноты (для фортепьяно) с маршем «Прощание славянки». Тираж - 100 экземпляров - издан на деньги автора музыки. Переиздавались

ли эти ноты впоследствии до революции, неизвестно. Также до сих пор нет информации, выходила ли в печати отдельно партитура оркестровки «Славянки» до 1917 года. Найден только один экземпляр, скорее всего, самиздат, без титула и подписей (фото-негатив хранится в Музее музыки им. Глинки).

В июне 1914 года у Агапкиных рождается третья дочь Вера.

В 1915 году, на фоне военных действий Первой мировой войны и патриотического подъёма, а потом в 1916–1917 гг. выходят первые пластинки с «Славянкой»:

1. «Экстрафон» в исполнении Духового оркестра Киевского оперного театра (Киев, 1915).

2. «Сирена Гранд Рекорд» в исполнении Собственного оркестра п/у С. Грабовского, 1916.

3. Пластинки фирмы РАОГ и другие.

Первые грампластинки с маршем «Прощание славянки» соч. Агапкина – «Экстрафон» (1915) и «Сирена Гранд Рекорд» (1916)

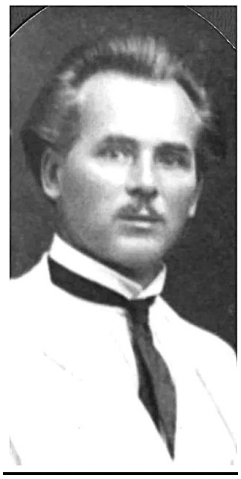
В 1915–1917 гг. Агапкин нередко играет в духовом оркестре при Тамбовском железнодорожном Обществе полезных развлечений и театре при нем.

В ноябре-декабре 1916 года капельмейстер 7-го полка Николай Михайлович Милов, Почётный гражданин г. Тамбова, обвинён по статье 347 «Уложения о наказаниях» (статья о госизмене). Его долго держат под домашним арестом. Дальнейшая судьба его после 1917 года неизвестна. В марте 1917 года, сразу после Февральской революции, после ходатайства Агапкина его наконец-то со скрипом приказом командования Московского военного округа назначают капельмейстером 7-го запасного кавалерийского полка.

В 1917 году Агапкин четыре месяца возглавляет Тамбовское профсоюзное отделение работников искусств (РАБИС). И в том же году семья Агапкиных переезжает на новый адрес – на Студенецкую улицу, дом 35 (с 1918 по 2003 год –

ТАМБОВСКОЕ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛЕЗНЫХЪ РАЗВЛЕЧЕНІЙ
ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ 19 АПРѢЛЯ 1915 Г.
БЕНЕФИСЪ МАРІИ ГАВРИЛОВНЫ МЕЛЬХИСЕДЕКОВОЙ
ЗОЛОТАЯ ЕВА
БОЛЬШОЙ РАЗНОХАРАКТЕРНЫЙ ДИВЕРТИСМЕНТЪ
Роль „ЗОЛОТОЙ ЕВЫ" исполнитъ бенефицiантка.
НАЧАЛО РОВНО ВЪ 7½ Ч. ВЕЧ.
Оркестръ духовой музыки подъ управленiемъ Ф. М. Кадичева.

Афиша 1915 года

Ф.М. Кадичев

Театральный отдѣлъ.
Сегодня, въ пятницу, 28-го сего августа.
Кино-театръ „Модернъ"—1-я серія „Тяжкія цѣпи жизни" др. въ 4 част.
Народный театръ. — Семейныя пѣтки.
Народный садъ—большое народное гулянье, духов. оркестръ подъ управленіемъ В. И. Агапкина, новая программа картинъ біоскопа, на открытой лѣтней сценѣ разнохарактерный дивертисментъ.
Городской Общественный Садъ большое гулянье, симфоническій оркестръ подъ управленіемъ Ф. М. Кадичева, новая программа картинъ біоскопа, на открытой сценѣ разнохарактерный дивертисментъ.
Начало сеансовъ въ кино-театрѣ Модернъ—въ 9 ч., 10½ ч. и 12 ч., начало гуляній въ садахъ—въ 8½ ч., начало музыки—въ 9½ час. Закрытіе садовъ—въ 2 ч. ночи (время по-новому).

Объявление о концерте оркестра п/у Агапкина в Народном саду Тамбова. Лето 1917 года

ул. Катина-Кузнецова). Дом этот сохранился и в наши дни: сегодня это д. 41 по Студенецкой улице. Здесь они живут до 1922 года, вплоть до отъезда в Москву. Адрес этот ныне подтверждён несколькими документами, обнаруженными в ГАТО.

Целый год с марта 1917 года, как можно увидеть по объявлениям и анонсам в местных газетах той поры («Тамбовские отклики» и «Тамбовский листок»), оркестр п/у Агапкина то и дело выступает на различных городских мероприятиях, а в тёплое время – в Народном саду.

Капельмейстер В.И. Агапкин с женой (1917)

1918–1922 гг. Весной 1918 года 7-й запасный кавалерийский полк расформировывается, и Агапкин организовывает и несколько месяцев руководит Тамбовской студией духовых музыкантов. Однако волнения в городе и в губернии в связи с усилением новой властью продразверстки и мобилизацией во вновь создающуюся Красную Армию, а также последовавшим за этим коротким восстанием в Тамбове (с 17 по 19 июня город оказался в руках восставших крестьян, которыми руководили эсеры и бывшие офицеры царской армии) приводят к тому, что Агапкин 31 июня 1918 года назначается на должность капельмейстера нового 1-го Красного гусарского эскадрона Варшавского гусарского полка. (Это к вопросу о скорее вынужденном на тот момент и со многих сторон единственно возможном «добровольном» вступлении Агапкина в РККА). И при этом оркестр Агапкина продолжает играть почти каждый день в Народном и Городском саду Тамбова.

19 октября 1918 года Агапкин вместе со своим оркестром отбывает в составе Варшавского гусарского полка на фронт. И здесь, можно предположить, что в жизни композитора на перроне Тамбовского вокзала тогда состоялась реальная сцена «Прощания славянки», когда жена Ольга с двумя дочерями провожали Василия Ивановича на войну.

В семье потомков композитора сохранился очешник Агапкина с вензелями «В» (Василий) и «О» (Ольга) на крышке и фотографиями дочерей внутри. Очень вероятно, что фотографии были эти сделаны на память, и этот очешник Агапкин взял с собой на фронт. Эта вещь, возможно, прошла с Агапкиным почти два года Гражданской войны.

Гусарский полк Агапкина принимал участие в боевых действиях сначала на Западном (сражения за Гродно, Минск и другие города против немцев и белополяков), потом на Южном (против Деникина) фронтах. Что конкретно делал В. Агапкин на фронте, неизвестно – никаких свидетельств не осталось, сам об этом он никогда не рассказывал и не писал. Приходилось ли ему держать в руках не трубу, а винтовку, мы не знаем. Однако это единственный период в жизни дирижёра и композитора, когда он участвовал в военных действиях. (Поэтому формулировки типа «Агапкин прошёл три войны, участвовал в ПМВ или ВОВ» – это всё лукавство и неправда. В ПМВ и в ВОВ Агапкин участие не принимал!)

Из биографии композитора мы знаем, что, провоевав полтора года, Василий Иванович заболевает тифом, и в марте 1920 года после лазарета его отпускают на два месяца в отпуск в Тамбов, где уже с 1 мая зачисляют капельмейстером в недавно созданный 115-й батальон ВОХР (в системе ВЧК). Однако в связи ухудшением внутренней обстановки (волнения и выступления крестьян – во всю разрасталось так называемое «антоновское восстание») его уже через несколько дней назначают (что любопытно!) «командиром взвода конных разведчиков» (приказ о назначении Агапкина в мае 1920 года хранится в РГВА в Москве).

И вот здесь вспоминается известная история о том, как «марш Славянки спас своего автора от расстрела антоновцами». Разбирать эту легенду мы не будем! Но, судя по найденным в архивах документам, в октябре 1920 года 20-й

батальон ВЧК (в который был переформирован 115-й батальон и где теперь числился Агапкин) действительно попал в засаду к антоновцам под Тамбовом, был практически полностью разгромлен. При этом более 100 человек оказались в плену или пропали без вести. Это и был тот самый момент, когда Агапкин действительно мог попасть в плен, и спасти его могло от расстрела только то, что он был музыкантом, а не карателем. Но опять же точно нам ничего неизвестно! Откуда пошла эта история? Разве что из семейного придания и рассказов Агапкина родственникам…

Весной 1921 года в семье Агапкиных снова трагедия. 10 марта от менингита умирает шестилетняя дочь Вера. Похоронена она также была на Успенском кладбище Тамбова.

Но уже через три месяца 29 июня 1921 года у Агапкиных рождается дочь Аза. Почему такое необычное имя? Тут, скорее всего, по семейным рассказам, сыграла свою роль любовь Агапкина к цыганским романсам (цыганка Аза) или даже классике (ария «Смерть Озе» Э. Грига, ведь Оза = Аза). Причём любопытно, что в школьном аттестате 1930-х годов полное имя у дочери композитора указано как *Франсуаза.* Видимо, посчитали, что так более созвучно актуальным на тот момент интернациональным веяниям.

В 1921 году Агапкин назначается капельмейстером вновь сформированного 27-го батальона ВЧК (с апреля 1922 года - ГПУ) в Тамбове, где он собирает достаточно большой оркестр. Зимой 1921-1922 гг. в составе оркестра уже 55 музыкантов! Его оркестр на хорошем счету и снова играет в парках для тамбовчан.

А летом 1922 года после победы в конкурсе духовых оркестров Тамбовского гарнизона капельмейстера 27-го батальона и его музыкантов приглашают в Москву. И 5 августа 1922 года Агапкин и его оркестр дают прощальный концерт в тамбовском парке.

Будущий известный композитор и хоровик Дмитрий Степанович Васильев-Буглай, заведующий массово-просветительской работой музотдела Тамбовского пролеткульта, писал в газете «Тамбовская правда», вышедшей 10 августа 1922 года:

«В субботу состоялся прощальный бенефис дирижёра оркестра 27-го батальона ГПУ, и в воскресенье – прощальный бенефис самого оркестра. Дирижёр и оркестр вызываются в Москву. С отъездом оркестра музыкальная жизнь в Тамбове замирает, замерла "в муках зачатая опера", замерла серьёзная драма, замер агитхор. Несколько слов об отъезжающих дирижёре и оркестре. Дирижер оркестра – тов. Агапкин – наш дирижёр, дирижёр улицы, дирижёр-массовик. Музыка в старых допотопных наших учебниках делилась на три грани в прошлом: симфоническая, салонная и простонародная. Согласно этим трём граням и положение работников искусства расценивалось. Работнику исполнительской музыки был почёт, работнику салонной музыки – полупочёт и работнику последней группы – полупочётишко. Революция стёрла эти грани – если она не поставила последних на первое место, то их сравняла по своей ценности. Дирижёр Агапкин – дитя

последней группы; он – дирижёр сегодняшнего дня. Начиная с ротозеев-мальчишек и кончая "самоуглубленной старостию" – все были поклонниками Агапкина и его дисциплинированного оркестра. Особенно удавались Агапкину и его оркестру – марш с фанфарами, соло, мягкая труба-корнет и залихватские народные песни. В этом Агапкин и его оркестр – неподражаемы… В бенефисе все лучшие номера оркестра были выполнены под гром аплодисментов слушателей. В счастливый путь, товарищи!»

Ранней осенью 1922 года семья Агапкина покидает Тамбов ‑ город, который, по сути, стал ему второй родиной навсегда…

(продолжение следует)

Марина ЕРМАКОВА

Жива глубинка

Стихи

Многоликая Русь

Волга-матушка, Дон, Колыма, Енисей…
Величавый Амур, Индигирка, Нева…
Реки вольно текут по России моей –
Полноводные нашей страны рукава.

От равнин и до гор, от степей до морей…
То Держава моя под названием Русь.
До конца своей жизни останусь я с ней.
Никому не порвать наших родственных уз.

Здесь единство народов сплотило нас всех,
Всех, живущих на этих просторах больших.
Мирных песен напев, детский радостный смех –
Как бальзам для открытой российской души.

Здесь мой дом, здесь могилы мне близких людей…
Первый крик мой с рожденья застыл на губах.
Здесь незримая память живёт площадей…
Здесь познал наше братство неистовый враг.

Нет истории в мире правдивей твоей,
О, Отчизна моя, чувств моих колыбель!
Верю, будешь ты только сильней и сильней.
Не найти благодатней российских земель.

Многоликая Русь! Пусть хранит тебя Бог,
Будет счастлив народ, будет вера крепка!
И пусть выпадет больше успешных дорог
На века, на века, на века, на века!

* * *

Каждому счастье положено,
Каждый закрыт до бровей.
Сколько ж судьбой в меня вложено
Генов, родов и кровей?

Для каждодневного шороха,
Чтобы напрасно не тлеть,
Хватит прапрадедов пороха,
Дай, Боже, зря не сгореть.

Хватит прабабкиной мудрости
Правду во лжи распознать.
Знает душа моя трудности –
Не с кого плату взимать.

Вот и живу неуёмная,
Строки слагаю в стихи.
Пращуры, я – ваша кровная,
Немы что ж вы да тихи?

Кто я по праву наследия?
С чем я на свет рождена?
Точно скажу, что не ведьма я.
Нет криводушья звена.

Кланяюсь солнцу закатному,
С верой встречаю восход.
По образцу дубликатному
Я представляю свой род.

Жива глубинка

Идут дожди и, с крыш срываясь,
Бегут ручьями в колею.
Растёт чертополох у края
И ловит быструю струю.

Молчат бревенчатые избы.
И, по-старушечьи присев,
Глядит без горькой укоризны
Лачуга средь вишнёвых древ.

В паучьей западне под крышей
Качает ветер дохлых мух.
Во тьме заросших старых вишен
Надсадно закричит петух.

Машина месит грязь дороги,
Ревёт и скачет, и ползёт.
И вот застряла. Так убоги
Мечты среди пустых дремот!

А за кладбищенской оградой
Мужик в сыром дождевике
У ямы вырытой с лопатой
Стоит, зажав её в руке.

И словно крестит он глазами
И глины слой, и чернозём.
Дождь, омывая всё слезами,
В той яме вертится язём.

…О, Русь моя! В твоих раздольях
Нетрудно в пору мозглых дней
Застрять надолго в мглистых вспольях[3],
Железных заглушив коней.

Смотреть, как тихо лошадёнка
Везёт обитый тканью гроб.
За ней, как малого ребёнка,
Печаль несёт тот землекоп.

3. *Вспольe* – окраина поля.

А вслед за ними – вся деревня,
Немногочисленна, но вся.
И на пути, клонясь, деревья,
Прощаясь, с ветром голосят.

И хоть нерадостна картинка,
Но хоронить ты не спеши.
Жива, жива твоя глубинка!
Живёт, не барствуя, в тиши.

* * *

Говорить о кузнечиках, жабах, стрекозах…
О взлетающих птицах, о тёмном пятне,
О сжигающем пламени, сильных морозах…
Говорить иль молчать? Выбор выпадет мне.
Обязательно выпадет. Словно стряпуха,
Мир готовит закуску из атомных круп.
И судьба, как её ни зови, – вековуха,
Неподвластно себе вступит вновь в перекуп.
Торговаться со временем страшно и тошно.
Но, за глотку вцепившись, повиснет змея,
Чтобы все словеса мои денно и нощно
Трактовать по–змеиному. Выкрикну я,
Не жалея ослабшие связки гортани,
Будто слабость не в них, а в молчанье моём:
«Ты, природа, для нас всех– среда обитанья!
Существуешь пока ты, и мы все живём».
Пусть, порвав плоть Земли, изливают вулканы
Раскалённые магмы и пепел седой.
Пусть муссоны, циклоны штормят океаны…
Но не дай Бог разрушить войной мир земной!
Ведь вариться в котле будем все мы едино:
И скалистый силач, и дрожащая тварь.
И какой-нибудь выживет жук-сиротина,
Да и тот, так случится, отчасти зомбарь.
И, быть может, появятся вновь дрозофилы,
Скорпионы, амёбы… и схожая жизнь.
Но для мира сего станет общей могилой
Земля-матушка без отпеваний и тризн.
И в звенящем молчании скорби и тлена
До надрыва Вселенной замрёт тишина.

И повиснет над жаром кровавая пена…
И никто не запомнит, чья в этом вина.
Говорить о таком до последнего мига,
Чтоб навеки потом в том аду замолчать.
И останется, может быть, где-нибудь книга,
Но её уже некому будет читать.

* * *

Испытала жизнь суровым опытом,
Многое случилось по судьбе.
Говорить о счастье надо шёпотом,
Не кому-нибудь – самой себе.

А на людях лучше не показывать
И намёка даже не давать.
Любопытных ласково отваживать,
А нахальных – кочергою гнать.

Вот такая правда больше истины.
Чтобы алых губ вам не кусать,
Перед Богом оставайтесь чистыми:
Он пошлёт вам счастье-благодать.

Татьяна МАТВЕЙКИНА

Городок мой маленький

Стихи

Солнце

Сквозь многослойную листву
На фоне нежного заката
Краснело Солнце виновато
На всю огромную страну.

Я наблюдала из окна,
Как ало трепетала сфера
Столь необъятного размера,
Что всем она была видна.

И этот сгусток золотой
Энергии неповторимой
Нам жизнь даёт неуловимо
И поражает красотой.

Простите вольность мне мою,
Но мысль меня не покидает,
Что Бог на Солнце обитает,
Всем нам раздав любовь свою.

Родному городу

Городок мой маленький
В мир большой – оконце,
Как цветочек аленький
Под надзором солнца.

Городок мой маленький,
Словно день погожий.
Ты, как мамин валенок,
Тёплый и надежный.

Городок мой маленький,
Для меня ты важный
Тонкою проталинкой
И травинкой каждой.

Городок мой маленький,
Для меня ты дорог
Уваженьем граждан
И лесов убором.

Городок мой маленький
В сердце бесконечен,
А в любви и радости
Жить ты будешь вечно!

* * *

На правом берегу спокойной Цны
Живёт наш город, с виду неприметный,
Не избалован славою газетной,
Живёт по пульсу матушки-страны.

Живёт наш город. Дорог он для тех,
Кто здесь родился и годился в деле.
Начался век – неделю за неделей
В труде проводит честный человек.

Как у страны, у нас свои вопросы,
Свои задачи, радости свои.
И всё ж российские поют здесь соловьи,
И мать-Россия рожь сплетает в косы.

Как и страна, гордимся мы людьми,
Своими дорогими земляками,
Не носим мы за пазухою камень,
И честь не разменять нам на рубли!

Спасибо, город мой, что есть ты у меня!
Любовь и мир тебя не миновали,
А голуби опять наворковали,
Что все мы в нашем городе родня.

Простой народ – центральная Россия,
Но всей стране без нас не обойтись.
В России небо тянет душу ввысь,
И нет для сердца Родины красивей!

Апрель

Фиолетовой нежностью разрисовано небо,
С гениальной небрежностью ищет краски апрель.
И волнуется сердце, видя быль или небыль,
И равняется пульсу дождевая капель

А набухшие почки разорваться готовы
От любви и от солнца подоспевшей весны.
Никогда не забыть – ни сейчас, ни потом мне
Эту вечную радость пробужденья земли.

Пробивается зелень первозданною свежестью,
Повинуясь закону поглощенья тепла.
Видно, все мы привыкли к такой неизбежности,
Перестав удивляться проявленьям добра.

* * *

Летний луг, пригорок тихий,
Красота-то – через край!
Поклонились мне гвоздики,
Васильки и иван-чай,

Колокольчик, медуница,
Серебристая полынь…
Словно все родные лица
Собрались в траве в теплынь.

Окунаюсь в разнотравье
И дышу, дышу, дышу!
Луговое своё счастье
Покидать я не спешу!

И вдыхаю ароматы
Полевых простых цветов,
Жёлтых, белых, красноватых,
Образующих покров.

Господи! Да есть ли лучше
И милее мне места?
Не приемлю райских кущей,
Красота моя проста!

Мне милее это поле,
Лес сосновый, луг цветной.
Мне нужна такая воля,
Как внутри меня самой!

Стараюсь…

Стараюсь глубже я понять
Всё то, чего нельзя отнять,
Чего купить нельзя, продать,
Все то, что нужно всем раздать.

Стараюсь прочно осознать,
Что вряд ли нужно изменять,
И, чем возможно измерять
То, что нашла, – не потерять!

Стараюсь радость обрести,
Чтоб серостью не обрасти,
Чтоб все печали отвести,
В друзьях любовью прорасти!

Стараюсь верно оценить
Все то, чего не заменить,
И уловить простую нить
Той сути, что не объяснить.

Снег пошёл…

Снег пошёл, летят снежинки,
Миллиард за миллиардом,
Над землей моей кружится
Снегопад за снегопадом.

И под общий знаменатель
Снег подводит многоцветье,
Одевает белым платьем
Землю многие столетья.

Снег пошёл – летят снежинки
Миллиард за миллиардом.
Вот бы белые кувшинки
Так летели цветопадом!

И, резным великолепьем
Поразив воображенье,
Пронесли через столетья
Красоты преображенье.

В танцах яростной метели,
В песнях снежного бурана
Сладко в белой спать постели
Под ночные ураганы.

Виктор ОСТРИКОВ

Скиф

Рассказ

Посвящается собаке,
что прожила в этом мире
свой предназначенный срок
и исполнила долг друга охотника

Жёлтые листья устилали чёрную землю, создавая праздничное настроение осени. По мягкому настилу, увлажнённому утренней росой, шёл кобель, пригнув к земле лобастую голову. Нос искал еле уловимый запах, что стелился низом. След был свежим. Пёс напрягся, оскалил пасть, показав белые клыки, и рванул с места. Среди почти оголённых деревьев лесного массива послышался редкий лай. Эхо раздалось в осеннем воздухе.

Лайка западносибирской породы, мощная в холке, с округлой грудью на крепких лапах, ловко скользила меж тёмных стволов по следу кабанов. Отстающий сеголеток срезал след, чтобы не отстать от группы, но лайка упорно догоняла их. В ней, рослой, в расцвете сил и опыта, чувствовалась уверенность своего предназначения.

Он – охотник! И его хозяин, друг по жизни, живёт здесь, добывая дичь.

Азарт гона продолжался. На следующем повороте, когда свинья влетела в осоку болота, завлекая за собой выводок, последний, отставая, не успел завернуть, и здесь же крепкие зубы вонзились ему за ухом у холки.

Визг огласил лес! Мощным поворотом шеи кобель завалил свинью, прижав к земле, и сеголеток забарахтался, семеня копытами по воздуху.

Скиф, так звали кобеля, догнал свою добычу.

Его хозяин Сергей спешил на редкий лай своего друга. Лайка не подаёт сигнал постоянно, гоняя дичь, как легавая. Под ботинками раздавались хруст сухих веток и шелест листьев. В другое время шёл бы тихо, но по визгу было понятно, что Скиф держит кабана, не давая уйти.

Сергей выбежал на край леса, вскинул двустволку и остановился. В осоке – визг, рычание, и кто где сразу не понять. Хорошо, что не выстрелил. Сделал ещё несколько шагов, заметил, что свинья как-то боком дергает ногами по воздуху, а сверху жёлто-серая зверюга. Скиф? Да, Скиф!

Отбросив оружие в сторону, достав нож из ножен, охотник прыгнул на бок кабана, придавил коленом и тут же вонзил лезвие под лопатку. Недолгий визг, тишина и только рык лайки, которая продолжала трепать свинью за загривок. Сергей встал, обтёр лезвие ножа листьями и, вложив в ножны, отошёл в сторону, залюбовавшись: «Какой красавец у меня друг! Именно друг охотника», - и вспомнил, как выбирал щенка.

Он давно мечтал о собаке и договорился с собаководом Орловым, и на следующем выводке пришёл выбирать. Ему подсказали, что, вынув щенков из корзины и поманив, смотри: кто самый шустрый поползёт к тебе, вот того и бери. Так и сделал! Лобастый, толстенький, с расползающимися в стороны лапками, попискивая, пополз к нему – а сам размером с тёплую рукавицу. Долго потом имя выбирал.

Чтобы вырастить собаку, надо не только учить командам, но и хорошо кормить. Так он втихаря таскал из холодильника сырые яйца, да куриные ножки. Мать ругалась, а он спорил:

– Собака слабая вырастет, если неправильно кормить. Сам читал.

Так и растил своего друга. Когда Скиф был молодым, Сергей легонько хлыстал его прутиком, но не палкой за неподчинение, чтобы не навредить, так учили. Но лайка не обижалась на хозяина, а обязательно находила брошенный прутик и вымещала на нём обиду. Как-то его хлопнули вeником за то, что грыз обувь, так он его разодрал в клочья. Долго смеялись над ним, но Скиф вырос толковым псом.

Лайка - одна из пород, что служит человеку преданно, до конца и готова подставить себя под клыки кабана, не раздумывая. Вот так и начался охотничий сезон. Впервые Скиф взял сеголетка, килограммов на сорок, без выстрела. Он заматерел! Он – охотник!

* * *

Поскрипывает снег под лыжами, щиплет нос, щёки, но проходит минут двадцать - и уже жарко. Расстегнув верхние пуговицы куртки, охотник дал свежему воздуху охладить грудь. Скиф бежал то спереди, тропя след, то уходил назад, становясь на след лыж, а то исчезал в кустарниках, обнюхивая завалы под кустами. Нужен свежий след.

День пролетел быстро. Ничего крупного не повстречалось. Зверь затаился, не давая себя обнаружить, и Сергей решил поставить капканы. Место выбирал с учётом хода зверя. Пёс крутился рядом, он знал, что такое капкан, и не подходил, наблюдая, как ловко получается у охотника. Ну вот и последний! Сергей закинул двустволку на плечо и, встав на лыжи, направился домой.

Лесная синичка, что попискивала рядом, улетела. Сойка, галдевшая, как

базарная баба, на весь лес, отстала, понимая, что человек уходит. Снег посерел, но всё ещё светился на фоне тёмных кустов. Охотник шёл впереди, а лайка за ним. Так цепочкой подошли к реке Цне, и Сергей оглянулся: а где Скиф? Свистнул, но в ответ тишина.

– Ладно, где-то плутает. Придёт! Наверное, не устал.

Придя домой, Сергей сперва подогрел похлёбку для собаки и вышел во двор. Скифа не было.

– Вот бродяга, опять гоняет.

Поставив миску в будку, зашёл домой, поужинал и опять вышел, но лайка не пришла. Лёг спать. Устал вроде, а глаза не закрывались: думал о друге, что плутает по лесу. Вроде такого не было раньше? Убегал, но днём. Вот чёртов сын!

Утром встал рано, вышел: миска полна, а кобеля нет. Надо идти искать, и, не говоря никому, оделся, взял ружьё, лыжи ‑ и в лес.

Снег замёл следы. Где капканы? Куда он их ставил? Протоптав снег, углубился в кустарник. Вот, кажется, здесь последний. Зачем он пошёл проверять капканы, а не искать Скифа, сам не знает. Нутром почуял, что ли, и оторопел. На том месте, где ставил капкан, возвышался холмик снега. Что-то неприятное сковало тело, и он сглотнул горькую слюну. Склонившись, снял рукой верх снежного покрова, ещё раз ‑ и заметил светлую шерсть. Ещё раз провёл и понял: это Скиф. Сердце заколотилось, и он стал быстро раскапывать, приговаривая:

– Ты это как? Зачем? Очумел лезть в капкан! Я ж тебе говорил, учил, глупый дурень, – только потом понял, что собачья лапа в капкане.

Лайка не дёргалась, понимая, что не сможет вырваться – видела это не раз, – и поэтому ждала напарника, а тот не пришёл. Вот так и лежала засыпаемая снегом. Здесь Скиф поднял голову и посмотрел на Сергея таким взглядом, что тот оторопел, и на глаза навернулись слёзы. Он стал быстро размыкать железо, освобождая лапу, а лайка всё смотрела и смотрела, как бы говоря: «Ты меня оставил и не пришёл. Разве так напарник поступает? Я тебя всю ночь ждал. Всю ночь!»

Сергей погладил Скифа по голове, успокаивая:

– Молодец! Не порвал шкуру и сухожилие, – и, встав на колени, прижимая голову лайки к себе, продолжал. – Прости! Я думал ты в лесу. Не набегался? – и, глубоко вздохнув, выговорил как можно ласковей. – А сейчас домой, согреемся, поешь.

И, встав, попытался помочь и Скифу подняться, но тот, заскулив, не вставал. Сергей понял, что тот подмёрз, и у него болит лапа.

– Я сейчас. Погоди, – и, закинув ружьё за спину, поднял лайку. – Ох, и тяжеловат же ты! – встав на лыжи, прижал пса к себе. Сделал шаг и сразу провалился. И так, чуть не падая, двинулся в сторону дома. Сто метров ‑ и спина взопрела, но он нёс друга и слабым показаться не мог.

– Я тебе мясо положил, разогрел, а тебя нет, – и попытался поцеловать Скифа в голову, но тот отвернулся.

«Он прав, ‑ ругая себя, подумал Сергей, – ведь я не пришёл на выручку. Да и не мог предполагать, что лайка решила узнать лапой крепость стали и как она работает. Вот и попробовал!»

Руки уставали, немея в суставах. Спина стала мокрой. Колени подгибались, и, преодолевая попытку сесть, он всё шёл и шёл, преодолевая метры. Вот и Цна, а за ней – подъём. Перейдя реку, он сел на бугор, не выпуская лайку, и уткнулся носом в собачью шерсть. Резкий запах успокоил охотника. Они опять вместе, и ему стало так стыдно, что поклялся никогда не бросать друга и одному не возвращаться домой после охоты.

Отдыхая, оба молчали. О чём думал пёс в эти минуты? О чём думал охотник? Но, прижимаясь друг к другу, понимали: они едины по крови и по духу.

Шатаясь, Сергей вошёл в дом. Положив Скифа на пол около печи, стал раздеваться. Брюки, валенки и куртка стали как панцирь и еле слезали с тела. Лайка лежала на полу, положив голову на левую лапу, а правую, что была в капкане, вытянула. Она опухла и, видно, болела, согреваясь в тепле. Сергей принёс из кухни миску с водой, поставил около Скифа – тот стал лакать, искоса поглядывая на напарника с укоризной. Встав на колени, Сергей попытался растереть опухшую лапу, но лайка заскулила, легко прикусывая руку.

– Ладно, завтра посмотрим, – и оставил Скифа в покое. Пусть высыпается.

Несколько дней Скиф отворачивался, когда давали есть, и на зов не отвечал. Но на третий день сдался и лизнул руку Сергею. Напарники по жизни и охоте помирились.

* * *

Лапник молодых сосен, утяжелённый снегом, склонился, засыпая до весны. Да, и сам лес в бархатисто-белой шубе смотрелся умиротворённо, настраивая на спокойствие и созерцание красоты.

Лыжи утопали в рыхлом снегу и не скользили – приходилось идти шагом, посматривая по сторонам. Серо-фиолетовое небо подчёркивало белизну снега. Скиф где-то крутился, не уходя далеко, если нет гона: он должен слышать напарника. В воздухе стояла удивительная тишина и, если бы не сойки, сороки, которые, приметив тебя, сопровождают, как бы говоря: «Вот он, вот он, я его вижу!».

Охота не всегда бывает удачной. Ищешь след, замечаешь утоптанную тропу беляка, а здесь – строчка лисьих отпечатков. Завернув за молодой березняк, увидел след лося, что шёл крупным намётом. Так и сравниваешь, где, кого, когда видел. Старый лес, кустарник, поляна или спуск к болоту, заросшему осокой, а там кабан любит полежать, – всё это остаётся в памяти. Больше природой любуешься, чем зверей видишь. Душевные передряги города улетают, и на это место вселяется Белый ангел. Он только здесь, на воле и в городе не живёт. Поэтому и мы, когда выбираемся на просторы природы, отдыхаем душой.

* * *

Как-то ещё по молодости Скиф гонялся за лосём, не имея опыта. Шёл только по следу, не обрезая сохатого, а тот – через колючий кустарник, заболоченные низины и, наконец, ринулся в болото. Видать, места знакомые, не раз уходил этим путём. Осень стояла глубокая. Заморозки даже днём покрывали тонким

слоем льда сухую траву и залитые водой низины. Лось прошёл быстро. Лайка, прыгая с кочки на кочку, тоже прошла легко, а вот Сергею пришлось туго. Не всегда удавалось попасть ногой на сухое место. Вода обливала сапоги и штаны. Висели сосульки. Когда выбрался из болота, то Скиф вернулся ни с чем. Виновато виляя хвостом, крутился рядом и старался заглянуть напарнику в глаза: сердится он или нет.

Ладно, идём назад. Хотел перепрыгнуть канаву с водой, но получился шаг. Штаны к этому времени замёрзли и были похожи на водосточные трубы. Успел только охнуть, и тут же провалился по колено, вода пошла в сапоги.

– Вот незадача! – воскликнул охотник и, цепляясь руками за сухие стебли, вылез на сушу. Ноги окоченели. Надо быстро решать, а то замёрзнет. Обойти негде, везде вода.

– Ну что будем делать? – обратился он к Скифу. - Завёл меня, а теперь виновато хвостом машешь. Ищи дорогу, – и показал рукой на болото. Лайка покрутилась, как бы понимая, что от неё требуют, и ринулась за кусты. Через несколько минут вернулась, посмотрела на охотника и - опять назад. Сергей за ней. Скиф не спешил и оглядывался, удостоверившись, что напарник идёт. Как и каким образом, но он нашёл сухую тропу. Сергей уже к этому времени семенил коротким шагом. Штаны, сапоги обледенели так, что казались сшитыми из жести и не гнулись. Ступни ныли. Сколько шли и как добрались, не помнит: считал каждый шаг. Вот так молодая лайка вывела охотника и не дала замёрзнуть.

* * *

Скиф был нестандартной собакой. Подростком гонялся за всем, что двигалось, и за дикими утками не прочь поплавать. Но когда понял, что такое настоящий зверь – кабан, лось, тогда и на след зайца, лисы его уже было не поставить. Стал матёрым.

На открытии охоты на водоплавающую дичь случился конфуз. Сергей подстрелил крупного селезня, и тот упал далековато в воду. Скиф стоял и равнодушно смотрел на барахтающуюся утку.

– Ну что, встал? Доставай! – приказал он лайке, но Скиф смотрел вниз, опустив голову, и не хотел идти в воду. – Сколько тебя можно просить? Пойдёшь? – и, наклонившись, чуть подтолкнул лайку.

Та сделала несколько шагов, встала, повернулась, посмотрела и, взглянув в глаза напарника, – тот не шутит - пошла нехотя в воду. Подплыв и взяв утку, вернулась и, как бы выплёвывая, положила на траву. Взгляд Скифа говорил: «Чем ты меня заставляешь заниматься? Я не лягушка. Мне зверь нужен, а не утка». С тех пор с него не требовали, просто просили.

Рыбаки сидели на обрывистой стороне реки Цны. Начинались ночные заморозки, и засохшая трава покрывалась инеем и, только когда солнце всходило, иней превращался в капельки. Деревья и кустарники на той стороне почти все сбросили листву. Только на верхушках кое-где остались жёлтого цвета листочки, шелестя на ветру, как бы прощаясь с летом. Клёв был не ахти. Меняли насадку,

переговаривались, у кого на что берёт, и вспоминали прошлую осень. Кто-то высказался, что погода должна измениться, и пойдёт снег, поэтому рыба капризничает.

При этих разговорах раздался звук ломающихся кустов, топот, и между рыбаками в большом прыжке прямо в воду свалился лось. Он ушёл с головой и, тут же вынырнув, отфыркиваясь, поплыл на ту сторону, вытянув длинную морду. Лось был молод, с небольшими рогами.

Оцепеневшие рыбаки не сразу осознали произошедшее и вскочили с раскладных стульев лишь тогда, когда лось уже отплыл к середине.

– Рехнулся! – крикнул один. - Купаться захотел в такую холодину.

– Может, кто гонит? – ответил второй.

И здесь же меж ними прыгнул в воду матёрый волк и поплыл за лосем.

– Ничего себе! Вот это да! – уже зашумели остальные. Такого никто не ожидал и не видел.

Лось доплыл до другого берега и никак не мог вылезти из воды. Видно было, что задние ноги плохо слушаются. Волк догнал, вцепился в заднюю часть, сдёрнул того в воду и встал на лося сверху. Теперь только рыбаки отметили его массу. Огромная лобастая голова. Широкая грудь с мощным загривком. В следующий момент он выпрыгнул из воды и вцепился в морду, не боясь рогов, стал топить лося, не давая тому вылезти.

Пока рыбаки наблюдали поединок, на берег вышли охотники, задыхаясь от бега. Один из них крикнул:

– Скиф, держать! Держать!

– Это что? – воскликнул рыбак. - Волк?

– Нет, – ответил Сергей, – лайка, подранка догоняла.

– А лодка здесь есть? – спросил Василий, низкого роста крепыш.

– Есть, – ответил рыбак и показал рукой вниз по течению.

Пока нашли лодку, доплыли и уже втроём вытащили лося на берег, тот задохнулся в воде. Шерсть лайки покрылась налётом льда, как панцирь, но та, не обращая на это, продолжала рычать и трепать лосиный загривок. Рыбаки наблюдали картину, забыв, зачем они здесь, и заметили, что один из охотников снял куртку и стал обтирать шерсть собаки. Долго ещё обсуждали очевидцы увиденное, пока те не разделали тушу и не ушли на лодке.

Скиф заболел, простудив почки. Держали его дома после того, как показали ветеринару, и тот назначил дорогие уколы. Сергей разрывался: надо на работу - ничего не платят, а лечить, кормить хорошим питанием надо, но и самим как-то жить. Времена были тяжёлые, лес помогал. Вот так происходили взаимоотношения человека и собаки, напарников по охоте и жизни. Болезнь отступила. Скиф стал весёлым, ловким в лесу, но уже не кидался на любой след и ненужные запахи. Зрелость лайки – возможность оценить, свежий след или старый? Стоит ли бегать попусту или сохранить силы на загон зверя?

* * *

Прошёл год, и у Скифа родилась дочь, назвали её Янга. Как растить охотничью собаку, Сергей уже знал. Тем более у неё есть, у кого учиться. Выросла умная, смышлёная и ловкая. Когда выводили Скифа на выставку собак, взяли и Янгу в шесть месяцев просто посмотреть, как она будет вести себя в коллективе. Скифа вывел на круг осмотра, а я остался держать на поводке его дочь. Она суетилась по молодости: хотелось побегать, познакомиться, и тем более запахи и лай возбуждали её. Когда выставка заканчивалась, к нам обратился судья из Московской комиссии:

– А вы можете показать свою лайку?

– Ей всего шесть месяцев, – ответил Сергей. - Она к выставке не готова.

– Я знаю, просто мы хотим посмотреть на её экстерьер, – и повернулся к составу комиссии.

Сергей согласился и повёл Янгу на осмотр. Оказалось, её экстерьер ближе к кобелю: большое плечо, а это скорость, впоследствии и подтвердилось. Вместе со Скифом Янга вернулась серебряным медалистом.

Был такой случай: Янга нашкодничала и не послушалась отца, а Скиф не смог её догнать. Быстра была! Уже к вечеру пришла – а куда ещё, как не домой? - и получила трёпки от отца. Визг был на весь двор. В следующий раз, если Янга пыталась ускользнуть, раздавался рык отца, и дочка приседала, но теперь уже Скиф, подходя в развалку, трепал за загривок Янгу несильно, так, для профилактики, а та делала вид, что ей очень больно, но через несколько минут, отряхнувшись и поглядывая по сторонам узкими хитрыми глазами, искала, что бы ещё сотворить.

Председатель сельсовета держал индоуток, и про это узнала Янга. Увлекая папаню – а это у неё здорово получалось, - залезли в загон и передушили весь выводок. Сделав своё дело, вернулись как ни в чём не бывало, а утром пришёл сам председатель и предъявил счёт. После таких выкидонов пришлось строить вольер. Скифу было не нужно, но и он не помог. Каким путём Янга выбиралась, так и не могли застать врасплох. Подрывала, проволоку перекусывала, рвала связанные места. Если голова пролезала, то туловище – само собой. Дед её называл «щукой». И главное, когда застанешь её за хулиганством, она виляет хвостом, ласкается, делает вид, что это не она, а кто-то другой.

И вот рано утром, выйдя на крыльцо, Сергей увидел такую картину. Янга играла здоровенным бройлерным петухом. Шея у него была ощипана, но цела. Петух пытался уйти от лайки, но та не давала, ловила и опять играла. Увидев хозяина, завиляла хвостом, говоря всем видом: «Какую дичь принесла!» Петух уже не бежал, а сидел, понимая, что бесполезно. Пришлось поругать, запереть в вольер, а петуха - в сарай. Ждали, кто придёт, но хозяева не пришли. Петух ожил, поправился и вырос в крупного кочета. Янга к нему привыкла и не трогала.

В следующий раз, направившись прогуляться на пляж, Сергей взял обоих. Лайки гуляли свободно, без поводков и, когда проходили по улице Школьной, то из-за забора на них рычал и лаял огромный дог. Вид его говорил: если меня выпустить, то я их всех разорву на кусочки. Янга прошла мимо, не обратив внимания,

но посмотрела на Скифа, а тот, повернув голову к догу, оскалился. Так и прошли. Пока купались, Скиф и Янга исчезли. Сергей думал, они гуляют где-то по камышам, но здесь к нему подбежал хозяин дога и, размахивая руками, выпалил:

– Там, там… – показывая рукой на Донское, – твои собаки, моего… – и побежал, утопая в песке, к селу. Сергей, не понимая, в чём дело, вскочил и, на ходу одевая майку, за ним.

Подбежав к дому, понял, что произошло! Янга, как всегда, рванула первая, а за ней ‑ и Скиф. Перемахнув забор, дочь закрутила дога, и здесь подоспел папаня. Вдвоём растянули обидчика. Скиф держал за холку около ушей, а Янга за зад. Дог визжал и храпел. Сергей оттащил сперва Янгу, потом Скифа, но, пока возился с ним, сука опять вцепилась. Наконец, оттащил обоих, и в это время дог скрылся за сараем. После этого «здоровяк», как увидит лаек, смывается. Но это не всё. По всей округе порядок навели, да и скучать хозяину не давали.

Утром часов в десять зашёл сосед Юрий и с порога с волнением в голосе произнёс:

– Сергей, Скифа убери.

– А что случилось? – спросил он.

– Пойдём, дорогой расскажу.

Сергей оделся и вышел за Юрием.

– Да, свинью зарезали, – начал тот. – Опалили, подвесили на крюк и зашли домой выпить по сто граммов и заодно отдохнуть. Выходим, смотрим, а рядом с тушей сидит твой Скиф. Мы его так и этак просили отойти, но он только рычит.

– Да, проблема! – только и мог произнести Сергей.

Когда подошли, Скиф завилял хвостом, увидев хозяина, как бы говоря: я добыл! Трофей наш! Но напарник как-то не радовался, встал на колени и стал уговаривать, гладя по голове:

– Это не наше, понимаешь? Пошли домой! – уговаривал его Сергей. Но Скиф не хотел. Такого ещё не было, чтобы трофей, добытый им, и отдавать. Он так преданно смотрел на напарника по охоте, что тот опустил глаза.

– Всё-таки пойдём! – уже решительно сказал Сергей и попытался надеть верёвку на шею, но Скиф лёг и не хотел поддаваться. Прижав шею к земле, не пуская продеть верёвку, он не рычал, а поскуливал, как бы опять уговаривая Сергея. Только со второй попытки удалось надеть петлю, и лайка нехотя подчинилась. Так они дошли до дома: Сергей вёл Скифа на поводке, а тот искоса посматривал с недовольным взглядом на него: «Мол, ну что ты наделал? Отдал такой трофей! Я его облизал, пометил». Хозяин лайки понимал, но чужое трогать нельзя. Табу!

* * *

Зимой гоняли кабанов и вышли на секача ‑ тот не подпускал на выстрел и уходил от собак. Как ни старались лайки закружить и остановить, но так и не получилось. К концу дня все трое ‑ Сергей, Скиф, Янга ‑ устали, что еле плелись в сторону дома. Снег глубокий, местами рыхлый не давал твёрдо переступать. Когда утром заходили в лес, лайки бегали впереди, петляя и выискивая след. А

может, просто разминали застоявшиеся мышцы, ведь лес открывал удивительный мир нового, свободного, а потом уж ‑ и поискать дичь. Последней шла Янга. Ближе к дому она совсем отстала. Сергей тогда не знал, что после охоты на кабанов нужно обязательно осмотреть собаку, не поранена ли она.

– Ладно, – обратился он к Скифу, – разогрею похлёбку, а там и она подойдёт. Устала, наверное? Молодая!

Но, придя домой, Янга сразу залезла в будку и не выходила. «Странно», ‑ подумалось Сергею, и он заглянул внутрь, встав на колени. Лайка смотрела жалким, усталым взглядом.

– Ну ладно. Поспи. Завтра разберёмся, – и Сергей вернулся в дом.

Утром Скиф гулял по двору, а Янга не выходила. Всю ночь пролежала к стенке за Скифом, согреваясь. Вот здесь охотник и забеспокоился. Наклонившись, стал потихоньку вытаскивать её за передние лапы, а та, скуля, сопротивлялась. Когда её тело показалось, Сергей увидел страшную картину – в боку зияла глубокая рана. От живота до спины клыки кабана распороли бок. Шкура разошлась, и виднелись кишки. Сергей оторопел! Он не знал, что делать. Стал гладить по голове, по спине, чуть не плача:

– Что же ты вчера мне не сказала? Что же ты не визжала, а терпела? А!

Он не понимал в этот момент: виноват сам. Вскочил, забегая в дом, срываясь в голосе, закричал:

– Папа! У Янги бок распорот. Заводи машину, ‑ и, схватив полушубок, вылетел во двор.

Вот и мне пришлось здесь посуетиться. Выскочив за ним полураздетым, завёл двигатель «жигулей» ‑ удивительно, что она сразу завелась. Потом побежал одеваться и по ходу глянул на горе-охотников: Сергей стоял на коленях и держал обеими руками Янгу, укутанную в полушубок, и что-то приговаривал. «Как же он не проверил собак после охоты на кабана?» – подумал я, пробегая мимо.

Когда доехали до ветеринарной больницы, Янгу уложили на стол, успокаивали её, только тогда и пришли в себя. Хирург попросил подержать лайку и сделал обезболивающий. В это время взглянул на Сергея – у него текли слёзы, он их не стеснялся.

Зашили, обработали и отпустили домой. Прошло две недели домашнего лечения. Янга продолжала преданно смотреть в глаза Сергею, а тот кормил, ласкал и извинялся. Вскоре лайка радостно носилась по двору, готовясь к охоте.

* * *

Глубокая осень. Лес тихо переговаривался, шелестя пожелтевшей листвой. Где-то в глубине, недостижимая человеческому взгляду, проходила совсем другая жизнь. Там другие законы. Не брать лишнего. Не допускать к себе жадность, сохраняя красоту божественной природы. Когда убегаешь от повседневно-однообразного ритма бытия и переступаешь в этот мир, душа твоя начинает петь, желаешь ты этого или нет.

Группа из шести человек вышла в лес, получив лицензию на отстрел лося. Скиф шёл впереди, а Янга, как всегда, бегала кругами, то забегая в сторону, то

вперёд. Проверили несколько участков. Следов много, но свежих нет. Скиф спокойно обнюхивал отпечатки от копыт и шёл дальше. И вот на одном из поворотов, где лес переходил в кустарник, а за ним болотце, один из охотников заметил, кажется, свежие вмятины, наполненные мутной водой.

– Сергей! Поди посмотри!

Тот подошёл и, поняв, что нашли свежак, подозвал Скифа. Лайка насторожилась. Обнюхала, и тут же на загривке поднялась шерсть. Скиф напрягся, рыкнул, показав клыки.

– Ну что стоишь? – произнёс один из охотников. ‑ Сергей, скажи ему.

– Сейчас, погоди, – и позвал Янгу.

Она вылетела из подлеска, еле касаясь тонкими лапами примятой подстилки из листвы, как бы говоря. – Я здесь, рядом!

Вот хитрая плутовка, опять убегала далеко?

– А ну, Скиф, теперь твоя очередь. Искать!

Тот, к удивлению для всех, не пошёл по следу, а, подняв голову, слушал лес. У него свои планы, понял Сергей и спокойно ждал. Здесь «папаня» подбежал к «дочери» и легонько куснул её, а та, подпрыгнув, с визгом кинулась по следу. К изумлению для всех Скиф стоял и слушал редкий лай Янги. Та шла по кругу. Наконец и он понял, куда идти, и кинулся наперерез.

– Прямо профессор! – воскликнул один из охотников. – Ты его учил этому? – спросил он у Сергея.

– Ты сам на это ответил, – улыбаясь, ответил тот.

* * *

У собаки недолгий срок и тем более у охотничьей. Лайка снашивается в лесу быстрее – раны, простуда, болезни, вот и срок у Скифа подошёл. Простуда почек в Цне не прошла бесследно. Его не удержишь дома, в тепле – рождён для воли, для охоты. Пришёл час, когда ему стало неинтересно выходить в лес. Стал равнодушным. Больше лежал. Когда его окликали, смотрел, как бы сквозь, туда за плечи, где начинался лес. Он там осознал своё предназначение в этом мире и туда должен уйти. Сергей старался поднять его на ноги. Кормил хорошо, лекарство доставал, и вот в один из дней, вернувшись домой, не нашёл своего напарника по охоте.

– А где Скиф? – спросил он у деда.

– Ты когда уехал, он встал, поел и… пометил углы, а потом подошёл к холодильнику, обмочил и его, сукин сын, ‑ и на улицу. Очень просил, сынок. Очень!

Ждали день, два. Сергей ходил искать на той стороне реки, гуляя по лесу с Янгой, но так и не нашли. Скучно в доме стало. Такое ощущение: что-то отняли и не вернули. В поле не хотелось выходить. Дни какие-то одинаковые, хотя молодая лайка рядом резвится.

– Обиделся он на меня что ли? – подумал Сергей и в какой раз задал себе вопрос: «Куда ушёл?» Сколько искали и даже следа не нашли.

Вот уже как неделю пришли ночные заморозки. Рано утром зашёл паромщик с переправы на Цне и поведал Сергею:

– Ты знаешь, мы твоего Скифа нашли.

– Где?! – резко воскликнул Сергей. - Где нашли? – уже тише повторил он.

– Где переправа. Там левее, метров сто, в кустах лежит. Мы его позвали, он молчит. Подошли, – и, потупившись, добавил, – сам посмотри. Сожалеем, случайно получилось, сети ставили.

– Спасибо, – только и успел сказать, и кинулся одеваться.

– Ты штыковую лопату возьми, – подсказал сосед. - Он вмёрз.

Сергей бежал, шёл шагом, потом сбежал с обрыва и - по кустам вдоль берега. Янга бежала рядом, не понимая, кого искать. И вдруг - за ивняком комок серой шерсти. Янга подбежала, обнюхала, но Скиф не реагировал. Присев, Сергей отложил лопату, тихонько стал гладить холодную шерсть. Он помнит, как пахнет лайка, набегавшись в лесу или когда вылезает из будки. А зимой в мороз - резкий запах шерсти. Всё это было так знакомо! Но сейчас…

– Скиф, может, домой пойдём, – произнёс он дрожащим голосом. - Я тебе тёплого супчика налью. Косточку в придачу. Вставай!

Но кроме суетившейся Янги, что поскуливала, стояла тишина. Заныло у охотника в груди. Вроде в душе ледяной комок образовался.

Сергей встал. Янга старалась помочь, но только мешала. Лопата туго пробивала замёрзший верхний слой земли. Пришлось откапывать по кругу, чтобы не задеть лайку, и наконец оторвал застывшее тело. Попробовал поднять, но Скиф оказался тяжёл: к шерсти прилипла замёрзшая земля и лёд. «Ладно, схожу за санками», - и повернулся, взглянув в сторону леса, что голубой линией разделил землю и небо.

– Он туда шёл, – вслух произнёс Сергей. - Хотел в лесу последний день встретить, проститься. Там его настоящий дом. Там, в этом зелёном мареве, но не смог переплыть, – и замолчал.

– Да! Он счастливый! – наконец вздохнул и позвал Янгу.

Пошли за тележкой. Привезли Скифа. Выкопали ямку в саду и похоронили. Сергей сделал это машинально. Потом ещё месяц не мог оправиться: болела душа. Можно представить, что он пережил, потеряв напарника в жизни и на охоте. Тем более тяжело и невыносимо хоронить.

* * *

Мы считаем, что животный мир – это наши младшие братья. В этом есть какая-то установка, но, когда заводим животных дома, оказывается, общие слова не подходят.

Сперва заботимся. Проходит время, они становятся неотъемлемыми членами семьи, а иногда и главными. Мы скучаем, когда уезжаем ненадолго. Ищем, приходя домой. Кормим первыми, а если заболеют, то немедленно лечим, забывая себя.

Так вот, кто они? Младшие братья? Или нет? Каждый может ответить себе более точно только тогда, когда потеряет ДРУГА.

P.S.

Закончив рассказ, я отложил его на время. Через две недели перечитал, внёс правки и, удовлетворённый, отпечатал, считая произведение законченным.

Примерно через месяц, придя уставшим с работы, прилёг отдохнуть. Прикрыл глаза и, кажется, заснул. Внутри меня нарастало беспокойство, переваливался с боку на бок и вдруг так ясно увидел, что захожу домой, вижу Скифа и, не удивляясь, спросил:

– А ты где гулял целый месяц? А!? Мы тебя ищем, беспокоимся, а он и носа не кажет. Вот проказник. Есть хочешь?

Скиф, не обращая внимания на мои упрёки, виляя хвостом, подошёл ко мне и уткнулся в руку. Я реально почувствовал мокрый нос.

– Ну ладно лизаться. Пойдём! – прошёл на кухню, наложил каши и, вернувшись, прилёг, укрылся пледом.

Минут через пять пришёл Скиф. Засунув голову под одеяло, он сверху на плед положил свою грязную лапу. Я даже когти рассмотрел. И здесь в нос ударил резкий запах псины. Собачья шерсть была чуть влажной. «Наверное, гонялся по траве?» – подумал я и погладил Скифа по голове… Здесь и проснулся.

Что это, сон? Реальность? Я лежал и продолжал чувствовать запах шерсти собаки. Может, много думал о нём? Писал, воспоминал, и Скиф решил вернуться и поблагодарить?

Я думаю, наши меньшие братья и после смерти продолжают преданно служить нам. Их облик остаётся жить у нас где-то там в глубине нашего сознания. Спасибо им, что они были с нами.

Елена БОРОДА

Дом большой

Отрывок из повести

Ветви самовольно выросших кустов больно хлестали по ногам. Но Колька не обращал на это внимания. Он шагал быстро, почти бежал. Вслед ему неслась вдохновенная ругань. Сестра призывала на его голову все проклятья, которые знала. А знала она достаточно. Для своих шестнадцати лет даже слишком.

Колька выбрался из зарослей и оказался на соседней улице. Только тут остановился и перевёл дух. Присел, опершись спиной на забор. Сплюнул под ноги.

В голове всё ещё отзывался Ларкин голос. Колька поморщился. Нет, девчонка не должна так ругаться!

Главное, поцапались-то из-за пустяка. Как обычно.

Колька сидел на кухне, уединившись со смартфоном.

Мелкие ещё спали.

Ну, может, и не все. Девчонки наверняка дрыхли, обе могли до обеда обнимать подушки. А вот Матвей любил, проснувшись раньше Юрка, завладеть его планшетом и втихушку играть в «Wormix» или «Злобных птичек». Юрок спит, утомлённый теми же «Птичками», в которые рубился допоздна.

Матюха пока не дорос до такого счастья – иметь собственный планшет, поэтому ждёт милости от старших братьев. От Юрки особенно. У Кольки что – у него одни книжки в смарт закачаны, никто в семье этого не понимает.

Словом, Колька в Матюхино положение вникал и не препятствовал. Пусть играет, потом Юрок встанет, отберёт планшет на весь день.

Ларка осторожно приоткрыла дверь. Бесшумно не получилось: старая деревянная дверь визжала при малейшем нажиме. Ларка увидела брата, поняла, что матери дома нет, и расслабилась. Подошла к плите, загрохотала крышками, проверяя, нет ли чего съедобного.

Колька успел сварить кашу для мелких, но Ларка кашей не соблазнилась. Налила чаю, пошарила в буфете, нашла початую упаковку сухарей.

– Захар не накормил? – посочувствовал Колька, не отрываясь от букв на экране.

– Заглохни! – Ларка сочувствию не поверила.

Захар был уже взрослый, работал на какой-то заправке, Ларка для него мелкая. Но в доме, похоже, один Колька по этому поводу напрягался.

Мать обо всём знала. И о том, что дочь у своего бойфренда иногда ночует, тоже знала. И не возражала, в общем. Непонятно, чего Ларка осторожничала, когда кралась утром в дом. Мать только вопила, что не хочет становиться бабкой раньше времени и чтобы Ларка держала на привязи свою голову.

Она не про голову говорила вообще-то, но Колька в этот момент обычно закрывал уши и убирался подальше.

Он давным-давно решил, что у него никогда не будет ни девчонки, ни жены! Не надо ему такого счастья! Одному лучше.

Ларка поёрзала на табуретке, с неудовольствием зыркнула на Кольку. Тот занял единственное удобное место на кухне – широкое кресло, в котором можно было не только сидеть, но и лежать, закинув ноги на мягкий подлокотник. Кресло вообще пожило так, тот же подлокотник временами отваливался, но до состояния полной рухляди ещё не дошло.

Колька сделал вид, что этого Ларкиного взгляда не замечает. Обойдётся, и на табуретке чаю попьёт!

Сестра щёлкнула пультом. Ну вот! Теперь телевизор заведётся на весь день. Всем всё равно, что смотреть, лишь бы картинки мелькали, да не прекращался равномерный бубнёж.

Бормотание телевизора – признак того, что в доме всё спокойно.

Когда мать приходила домой хотя бы чуть не в себе, она сразу же валилась спать, тогда телевизор выключали, чтобы слышать, как она дышит и ворочается. Её мучили спазмы, в нормальном состоянии она всхрапывала и просыпалась, а вот по пьяни могла и задохнуться.

А когда отец бывал дома, они вообще редко жили мирно. Никакой телевизор не заглушит скандалящих родственников.

Так что пусть бубнит, не жалко.

– Эй, нищеброд! – окликнула Ларка. – Про культуру говорят! Для тебя новости!

«Нищеброд» из Ларкиных уст звучало, конечно, совершенно нелогично. Сама, можно подумать, из семьи олигарха! Но сестра искренне полагала, что Колька с его грамотейскими замашками обречён на пожизненную бедность. А у неё есть шанс попасть в круг обеспеченности и достатка.

Ага, как же! С Захаром особенно.

– Щас Марьяну твою покажут! – не унималась сестра.

– Она не моя, – отбился Колька.

Но напрягся, конечно. Потому что Марьяну он не видел больше недели. И телефон её молчал.

Он невольно прислушался. Новости как новости. Что-то про невозможно крутой языковой лагерь в пригородном лесу, а потом про музей.

Вообще местное ТВ не заморачивалось, к свежим новостям пускало видеоряд пятилетней давности, более-менее подходящий по теме. Но про музей свежая запись: на экране мелькали новенькие колонны, только в этом году отреставрированные. Колька знал точно: сам приложил руку к ремонту фасада. На заработанные деньги, собственно, и купил планшет для Юрки и смартфон для себя. Конечно, взяли его разнорабочим, и он только подносил кирпичи да растворы, но на новенький фасад смотрел не без удовольствия. Как будто сам лично его сделал!

Вот в музее он и познакомился с Марьяной. Только Ларка зря что-то подозревала.

Марьяна.

Марьяша.

Она такая хорошая! Но не Колькина, это правда. И, кажется, вообще ничья.

Если бы он не решил для себя, что перебьётся в одиночку, Марьяша очень бы ему приглянулась. Ну и что, что четыре года разницы? Пройдёт примерно столько же, и будет вообще незаметно. Им уже и сейчас интересно вместе.

Колька вздохнул.

Нет. Это ему интересно. А она с ним только от скуки. Только потому, что в их дыре и поговорить-то не с кем. И ещё…

Кольке было больно думать об этом, но не думать не получалось. Марьяша ничего не знала о его семье. О том, что приличные люди обходят их стороной. И правильно, в общем.

Вот поэтому он и решил, что будет один. Такие, как Марьяша, ему не светят. А таких, как Ларка, он и сам не хотел.

Ларка встала, с чашкой в руках подошла к узенькому кухонному оконцу. Свалила с подоконника пустую пивную банку – она с грохотом покатилась по полу. Ларка с раздражением смахнула на пол ещё и пластиковые стаканы. Выругалась, заметив, что в стаканах ещё оставалась жидкость. Подтёрла лужу прямо ногой в носке.

– Чего? – огрызнулась она, поймав брезгливый Колькин взгляд. – Кабачки вон привезли. Иди принимай.

Колька спохватился. Действительно, за окном раздавалось пыхтенье большой машины, и, кажется, уже сигналили несколько раз.

Он накинул толстовку и вышел за «кабачком».

Газовым баллоном вообще-то.

Водитель изругал Кольку за то, что тот заставил его ждать. Можно подумать, их развалюха единственная, где нужен свежий баллон.

«Может, и единственная», – подумал Колька, молча расплачиваясь.

Они не раз пытались уговорить мать, чтобы подключиться к уличной ветке. Или уж купить электрическую плиту. Но всё время то денег не хватало, то… В основном не хватало денег.

Колька вернулся в дом.

Ларка в его отсутствие устроилась в кресле. В руках у неё был Колькин смартфон.

– Эй, тебе кто разрешил трогать мои вещи? – возмутился Колька.

Сестра не смутилась.

– Тебе это зачем?

Она повернула экран к Кольке.

– Нормальные парни машины ищут. На девок залипают. А это что?

Колька стиснул зубы.

На сторонний взгляд его запрос действительно выглядел не совсем обычно.

Эта штучка служила застёжкой для плаща. Но при умелом обращении могла превратиться в оружие.

Она напоминала растянутую подкову. По центру украшения – длинная игла. Наверное, именно она служила оружием. При умелом обращении.

По кругу – руническая надпись. И если сама застёжка выглядела изящно, то руны процарапаны кривовато. Как случайные отпечатки птичьих лапок.

Фибула. Вот как она называлась.

– Фибула-мандибула, – обронила Ларка, с хрустом разгрызая сухарь.

Колька нахмурился.

– Мандибула – это нижняя челюсть, – заметил он.

– Че-го?

– Нижняя челюсть у позвоночных называется мандибулой. И у человека тоже. Не знала?

– Ты знаешь что? Ты не умничай!

Ларку невыносимо бесила Колькина начитанность. Не меньше чем Кольку раздражала привычка сестры рифмовать нормальные слова с неприличностями.

– А ты поаккуратнее двигай своей мандибулой, – отбился он. – А то хрустишь, так что телека не слышно. И крошек на полу ‑ целый килограмм.

– Ты не хами!

– Ты чего нервная такая? С Захаром поссорилась?

– Отстань от меня со своим Захаром! – вызверилась сестра.

Правда, что ли, поссорилась?

– Не с моим, а с твоим, – хладнокровно возразил Колька. – И я вижу, что он на тебя дурно влияет.

В этот раз Ларка почему-то сдержалась. Засунула сухарь за щёку, пробормотала:

– Ур-род! – и снова защёлкала пультом.

– Ты стала не только тупой, но и агрессивной, – теперь Кольку понесло. – И это ты ещё не сбежала к своему заправщику! А сбежишь – потом всё, днище, энцефалопатия домохозяйки…

Если бы он обозвал Ларку дурой, или ещё грубее, она бы отбрехалась – как всегда, импульсивно, но без особой злости. Но поток «умных» слов вызвал у неё настоящий приступ ярости.

Она вскочила, так что кресло сдвинулось с места, а многострадальный подлокотник отвалился в очередной раз, и со всей дури запустила смарт в стенку.

– Ты что сотворила, овца? – завопил Колька.

– А ты иди снова поработай маляром-штукатуром! Ты же считаешь, что это лучше, чем заправщик, – мстительно произнесла Ларка. – Вали отсюда, видеть тебя не могу!

Колька покачал головой и вышел из дома.

Он, конечно, исчез не потому, что на него подействовали Ларкины угрозы. Просто у него имелись и другие дела. Кроме того, подумал, что, если будет упорствовать, ещё прибьёт её, невзирая на принципы и на то, что сестра.

* * *

Колька снова поморщился, на этот раз обнаружив кровоточащую ранку на лодыжке. Встретилась на пути какая-то шипастая ветка.

Он провёл ладонью по коже, пытаясь стереть кровь. Не получилось, только размазал.

До вечера он не планировал возвращаться. Подумал секунду и направился к Дому.

Дом стоял неподалёку от детского садика, куда ходил в своё время Колька, а потом все его братья и сёстры. Садик был старым и не то чтобы убогим, но, скажем так, неравномерно облагороженным. В одной группе родители не поскупились и скинулись на пластиковые окна. В другой так и остались деревянные рамы, даже на вид шершавые и занозистые.

А домишки в их районе так вообще! Сплошные халупы. Некоторые ещё пытались сохранить пристойный вид и обрастали дешёвым сайдингом, отчего убожество казалось не просто убожеством, но убожеством кричащим.

Марьяша смеялась. Она не понимала, отчего Колька так расстраивается. В гости он её не приглашал, и она не знала, что живёт он в самом убогом убожестве. С покосившимся крыльцом и привозным газом.

– Смотри, – говорила Марьяша. – Сейчас для нас это обыкновенные дома. Но представь, что катаклизм, потоп, дождь из пепла. Нас откопают через шестьсот лет. И будут гадать, кто жил в этих домах. И строить предположения. Это уже будет история.

Колька с трудом мог представить, что людей будущего могут заинтересовать пластиковые избушки с тусклыми окнами.

Короче, он искренне и давно ненавидел свой район. Оттого что знал тут всех на свете и ни одного привлекательного персонажа назвать не мог. Оттого что его знали все. Фамилию его знали и старались держаться подальше – понятно, почему. И не давали ему ни единого шанса стать кем-то стоящим.

Семья, впрочем, тоже не отставала. Да прежде всего семья! Начиная с Ларки, безжалостно высмеивавшей все попытки научиться чему-то большему, чем ставки в виртуальном казино. Заканчивая отцом, который прямо-таки угрожал, когда Колька уклонялся от каких-то семейных дел, ссылаясь на учёбу.

Колька никогда не забудет, каких люлей получил от папаши, когда провёл день в библиотеке. В тот день сарай рухнул, в котором Колька проводил обычно

своё свободное время. Семья разгребала завал, даже младшие помогали, а Колька свинтил в библиотеку. Отец ему врезал по приходу, и взбесило его сильнее всего не то, что старший отлынивал от работы, а то, что сбежал именно в библиотеку.

– Ты – Локтев, понял? – орал отец, прижимая Кольку к столешнице. – Что бы ты ни делал, как бы ни старался, ты – Локтев! Это имя! Носи его, скотина! И не позорь меня!

Колька молча облизывал разбитую губу и с холодной яростью думал о том, как ему не хочется убивать отца. Вот бы сам сдох!

Убежать бы отсюда! Всё равно куда. И Колька так и сделает. Потом, когда мелкие немного вырастут. Не Ларке же их доверить, в самом деле.

Но Дом – он будто уже сейчас из другого мира!

Высокий, в целых три этажа. Ничего лишнего, никаких архитектурных изысков. Очень красивый. Колька не отказался бы пожить в таком, побродить с этажа на этаж.

Во дворе наверняка тоже было много чего интересного. За высоченным закрытым забором угадывались другие постройки, типа гаража и… Сараем язык не поворачивался назвать: волнистая черепица, флюгер-стрела. Всё, что видно из-за забора.

Свет в высоких окнах никогда не загорался, никаких звуков изнутри не доносилось. Собак не водилось. Даже у охранников, которые обитали в просторной будке у ворот, не было собак.

Вот, кстати, охрану же кто-то держал! Значит, хозяева у дома имелись. С одним из охранников, Фёдором, Колька дружил. Тот угощал его чаем в своей будке. Кроме будки, правда, не пускал никуда. Да Колька и не рвался.

Раньше Фёдор тоже работал охранником, только в их школе. А ещё раньше разъезжал на машине с подъёмником и обрезал не в меру разросшиеся деревья. И на их улице обрезал. А Колька бегал внизу, вместе с парой таких же мелких балбесов, дразня рабочих. И добегался – застрял между пеньками, вывернув ногу. Он испугался – ногу, ясное дело, сломал, ещё и влетит сейчас. Но Фёдор не рассердился. Он даже не сказал ничего – молча вытянул беспомощного и орущего Кольку из деревянной кучи, вправил ногу – к счастью, не сломанную, – как-то очень ловко обработал ссадины и даже угостил леденцами.

Любовь к разноцветным леденцам с годами не прошла. Фёдор до сих пор гонял чаи с конфетами вприкуску. И Кольку угощал.

Фёдор тоже любил поговорить про дом.

– Вот ведь живут! – кивал он за спину. – Такой дворец им лишний! А у некоторых единственная двушка в кредит…

Двушка в кредит была у его сына, и все средства семьи уходили на то, чтобы его погасить наконец. Зарплата Фёдора-охранника тоже. А так-то он уже вышел на пенсию.

Колька прихлёбывал чай, жмурился и думал о том, что Фёдор похож на жирафа. Меланхоличного и мечтательного жирафа с большими глазами, в которых застыла мировая несправедливость.

Люди, которых Колька встречал, казались ему зверями или птицами. Он отчётливо видел искусно замаскированные когти, клыки, копыта и крылья. В детстве это было реальностью, с годами стало игрой. Марьяша вот казалась ему антилопой дикдик, Фёдор – жирафом.

Конечно, Фёдор говорил про дом с завистью. Он думал, что Колька тоже завидует. Но нет – Кольку дом манил не роскошью, а тайной.

Ему казалось, что в Доме живут как раз те, кому интересно наблюдать за пластиковой цивилизацией. Иномирцы, инопланетяне, боги. Вообще-то они живут в каком-нибудь Асгарде, что им срединный мир? Но любопытство свойственно и богам тоже. И вот они живут здесь, но скрываются. Смотрят по ночам из окон, не включая света. И какие же они, эти боги, и чего хотят, узнать хотелось смертельно, до такой степени, что Колька забывал, что он это всё придумал.

К слову, второй охранник Кольку не привечал. Он был моложе Фёдора, похож на молодого бычка, не курил, не выходил из будки, таращился в основном в планшет или айфон. Колька даже имени его не знал.

Интересно, сейчас дежурит Фёдор или этот, бычок?

Кольке очень нужно, чтобы Фёдор!

Ах да. Тут, возле дома, Колька сделал себе что-то вроде укрытия.

Туи насадили возле каменного забора по периметру, ровными рядами, но принялись они через одну, и примерно половина из них оказались какими-то ущербными: то корявые, то засохшие. Колькина берлога спряталась за несколькими пышными деревьями, которым повезло: они резво принялись, но теперь им было тесно вместе. Эти сросшиеся туи заслоняли от внешнего мира.

Оттого что Колька время от времени туда наведывался, или сами по себе, ветви внизу не росли, и получилась такая зелёная пещерка. Можно было даже основательно её обжить, принести туда, допустим, одеяло или пенёк какой. Но Колька презирал комфорт, зато ценил уединение. Ему и так было хорошо.

– А ты что тут делаешь?

Колька вздрогнул.

Первый раз его драгоценное одиночество здесь кто-то нарушил.

Девчонка стояла на четвереньках: иначе в берлогу не попасть. Лицо у неё было удивлённое и слегка сердитое. Чуть раскосые глаза. Тёмные волосы с фиолетовыми прядками.

– Ты как сюда попал?

– Так же, как ты! – огрызнулся Колька.

– Это моё место!

– Давно ли?

– Всегда! Я здесь живу, между прочим! Questa è casa mia![4]

– В этом доме?

Колька так удивился, что перестал злиться.

Он с трудом принимал новую реальность. Хотя память злорадно подкинула пару пропущенных картинок: накануне Колька вроде видел у ворот боль-

4. Это мой дом! (итал.)

шой автомобиль. Но не придал этому значения: мало ли кто проезжал мимо и остановился. Потом в окне второго этажа мелькнул свет. Но мелькнул – и погас, и Колька решил, что почудилось. Оказывается, не почудилось.

Дом обитаем.

В нём живут.

И не боги, а люди, судя по всему.

Даже неинтересно.

Девчонка наконец влезла в берлогу целиком. Уселась, вытянув ноги в укороченных джинсах. Кроссовки у неё были чересчур громоздкими. Какие-то кувалды, а не кроссовки.

– Да, в этом доме, – подтвердила она. – Просто моя семья здесь долго не появлялась.

– Ничего себе долго! Да он всю мою жизнь стоит пустой!

– Здесь охрана, – заметила девчонка.

– Ну, только-то! А заросло тут всё.

Гостья склонила набок растрёпанную голову.

– Знаешь, почему засохли сосны?

Колька непонимающе уставился на неё.

– Туи? – переспросил он.

– Они так называются? Я думала, сосны. Ок, неважно. Значит, туи. Знаешь, почему они засохли?

– Ну!

Она нахмурилась, потом наклонилась к Кольке и доверительно, будто секрет выдавала, сообщила:

– Потому что их корни поедают земляные черви. Они вместе с соснами, то есть с туями, и приехали. Эти черви личинками поселяются в корнях саженцев, а потом вырастают и начинают своё червивое дело. Истребить их очень трудно. Для этого нужно убить их королеву. Найти и убить. Тогда вся колония потеряет силу и тоже умрёт.

– У червей нет ни личинок, ни королев, – усмехнулся Колька. – У них всё иначе устроено.

– Значит, это особые черви.

– Значит, это не черви!

Девчонка искоса посмотрела на него.

– Я вот думаю, может, приказать охране тебя прогнать? Ты на моей территории без разрешения. И в червях совсем не разбираешься. Я позову Федерико, у него пистолет.

– Твоя территория за забором! – заметил Колька. – Пистолетом меня не запугаешь. Но разговаривать с тобой я не буду. Сам уйду.

Он сделал движение, чтобы подняться.

– Подожди! – девчонка схватила его за рукав. – Сначала ты мне поможешь.

– Федерико зови. Пусть он помогает!

– Федерико скучный. Второй охранник тоже скучный. Его зовут Антонио.

К тому же я использую их не по назначению. Это не вариант. Вот ты – то, что надо! Как тебя зовут?

– Николай, – нехотя представился Колька.

– Ник? Серьёзно?

Девчонка хлопнула в ладоши и засмеялась. Потом сделала руками несколько ритмичных танцующих движений.

– Чего такого-то? – снова напрягся Колька.

– Я Вероника. Ника и Ник! Мы с тобой идеальная пара!

– В каком смысле?

– У меня кроссовки с огоньками, – сообщила Вероника без всякого перехода. – Поэтому такие колоссальные подошвы. Когда я танцую ногами, огоньки светятся. Это красиво. Я могу показать. Пойдём!

Она нырнула в лаз, ведущий из берлоги, едва не задев Кольку этими самыми кроссовками.

Колька подумал и полез следом. Пока охрана в самом деле не отвадила его каким-нибудь неделикатным способом. Федерико и Антонио, надо же! Они хоть и приятели – Федерико, во всяком случае, – но работа им наверняка дороже. Против хозяйки, даже малолетней, не пойдут.

Колька посмотрел на Веронику. Подошвы её кроссовок впрямь переливались цветными огнями по кругу, не хуже новогодней гирлянды.

Что-то Кольку напрягало, что-то казалось непривычным, и чуть позже он понял, что именно. Он не смог сравнить новую знакомую ни с одним из животных, которых знал. Вероника напоминала какую-то фантастическую зверушку. И Колька пока не понимал, вредную или нет.

– Мне нужно, чтобы ты проводил меня в ближайший megamall… supermercato… Как это сказать… Где много магазинов и cinema.

– Торгово-развлекательный центр? – догадался Колька. – У нас поблизости только один, «Улей».

– Я оставила брата рядом в игровой комнате в этом самом «Улье». Теперь мне надо его забрать.

– Фигасе ты заботливая сестра! – восхитился Колька. – Как можно про мелкого забыть!

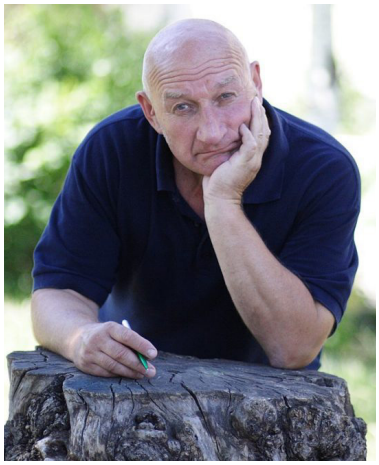
– Я не забыла, – нисколько не смутившись, сказала Вероника. – У меня были другие дела.

– А мать твоя куда смотрит?

– В окно, на улицу Леонкавалло. Это в Милане, – пояснила она. – Мамы здесь нет. А Кьяра, это наша няня, не говорит по-русски. Она знает несколько слов, которым её научил Федерико. Но это неприличные слова, в игровой комнате их не произносят. Лучше мне самой отыскать брата.

– Ладно, пошли.

Колька засунул руки в карманы толстовки и зашагал впереди Вероники.

Владимир
СЕЛИВЁРСТОВ

Онкологический патронаж

Новелла

Людмила Алексеевна оказалась тут поздним вечером, когда умирают последние надежды на закончившийся день и рождаются на оставшуюся жизнь. Два окна на втором этаже обычного жёлтого дома вдруг ударили ей в глаза и голову ярким светом, и она упёрлась в ограду прошлого. Зелёный палисад цвёл, как и тогда, акациями, но их аромат перебивала вонь единственной сучковатой рябины, такой красивой осенью. Казалось, рябина пошла поперёк природы - красота должна благоухать. Все мы благоухаем в молодости и источаем тлен в старости.

Тогда, давно, она, превозмогая себя, тоже шла по этой улице. Главный врач вызвал и сказал.

– Тут на Пролетарской, 23 живёт семья онкологических больных. Он на третьей стадии, она – на второй. Следует проводить патронаж.

– Нет, я не пойду, я боюсь. Я же бессильна им помочь.

– Вы прежде всего врач, а потом уже - человек.

Какой там врач в двадцать три года! Ординатор желторотый. Хотя в душе она считала себя неординарием и оригинарием, как, впрочем, и большинство людей в этом возрасте. Окончив мединститут с отличием, она тогда была уверена, что знает о болезнях людских всё.

Дверь открыл нестарый красавец в чистой отутюженной белой рубашке. Портили лицо только жёлтые круги вокруг глаз. Облик его напоминал известного киноактёра. От него и во всей квартире пахло свежестью, стерильностью и немного моргом. Чехлы на креслах - и те накрахмалены. В спальне на снежно-белой кровати возлежала на подушках женщина с такими же кругами под глазами и будто нарисованными бровями и губами на бледном лице.

– Добрый день, я ваш новый участковый врач.

– Очень приятно, Семён Михайлович.

– Здравствуйте, Новелла Матвеевна.

Хозяин с китайской пиалой и серебряной узорной ложкой на подносе обратился к жене:

– Веллочка, бульончик индейский, то есть из индейки, тебе надо поесть, полезно.

Он стоял в позе «чего изволите», перекинув через локоть накрахмаленное вафельное полотенце с вышитым вензелем «НМ», и не верилось, что он до болезни работал главным инженером большого оборонного завода.

И вдруг с улыбкой огорошил вопросом:

– Как думаете, долго мы протянем?

Она смешалась и отделалась фразой:

– Будете жить долго.

Оба одинаково понимающе и благодарно улыбнулись.

– Давайте пить чай, доктор. С чабрецом, говорят, он замедляет процесс? И с птичьим молоком. Я вот всё думаю, а у птиц бывает молоко? Кто-то мне говорил, что оно рак лечит, только достать трудно.

Выйдя, она услышала в голове тиканье больших напольных часов, оставшихся в квартире. Они отсчитывали недолгие оставшиеся дни супругов. Как их жаль! Ведь обоим едва за пятьдесят. А как он любит её! Только сейчас вспомнила, что рядом с ней стоял букет белых хризантем. Где он только их раздобыл?

В мозгу возник привязчивый романс «Отцвели уж давно хризантемы в саду, но любовь всё живёт в моём сердце больном…». Сердца-то у них как раз здоровы и рассчитаны ещё лет на тридцать… будут только длить страдания…

С тех пор прошли десятки лет. У каждого врача – своё кладбище небольшое и уютное: тот умер от диабета, может быть, она и смогла бы его спасти, другой - от инсульта, правильной ли была дозировка лекарств? Только она никогда на нём не бывала. Эту супружескую пару помнила. О чём думал тогда инженер? Считал последние дни? Был он сильным и смелым, даже героическим человеком. Понимая, что каждый день может стать последним, стирал и гладил простыни, пододеяльники, полотенца. Был одет, как английский лорд в парламенте

Каждый доживающий до старости – герой. Старики, зная, что скоро умрут, живут, наслаждаются миром, впитывают в себя жизнь с тройной жадностью, нежели чем в молодости. В молодости всё впереди, в старости - позади, и только смерть рядом, но жизнь ближе. Молодые не успевают стать умными, а старики мудрыми. Все заумности жизни понимать я начал годам к сорока, живя не умом, а разными другими необузданными и буйными органами. Каждый старик совершает подвиг, только замедленный, с отсрочкой - смертельная пуля летит в него несколько лет.

Тела без души нет, так же, как и души без тела. Говорится же, бездушный человек. Тело и душа - вещь и принадлежность. Одно за другим обязано следовать. Безотлучно. Они в отдельности лишены всякого смысла бытия. Так же, как человек и гроб – тоже вещь и принадлежность. Как очки и футляр. Но как только он возвращался мыслью к жене, то вся конструкция бытия рушилась, и на обломках вырастала безграничная жалость и желание отстоять её перед злыми силами,

вырвать, вымолвить ей спасение у того, кто может. Но кто может? Он готов отдать свою жизнь, только бы жила она.

Людмила Алексеевна спросила у жены в отсутствие мужа

– Он всегда был к вам такой внимательный?

– Да нет, я бы не сказала. Вот когда заболела, он и переменился. Раньше он любил моё тело, а сейчас душу. Как заболели, так и ссориться перестали

Семён Михайлович медленно шёл по улице Широкой. Старость – только для одного спорта – ходьбы. Время безжалостно отрезало всё и поселило в сердце, которым он так гордился – сильное и здоровое, ‑ систолы и аритмию. Иногда оно заходилось в диком трепете и рождало страх: а вдруг остановится? Доктора в один голос – гулять надо больше. Но это такое бессмысленное занятие! На улице Пролетарской, где все пролетарии давно уже пролетели в вечность, проживают разные люмпены и прочий деклассированный элемент.

Людмила Алексеевна подняла глаза и увидела старика. Обычного, погасшего и поникшего, тянущегося к земле. Походка и фигура показались знакомы. Неужели?

– Семён Михайлович?

– Да, мы знакомы?

– Помните молодого врача, я к вам приходила на патронаж?

– Конечно, конечно.

– Я рада вас видеть.

– Вы удивляетесь, почему жив? Как-то пронесло. В прошлом году восемьдесят стукнуло. А Новеллочка тогда через полгода ушла.

На нём были старые давно не чищенные сандалеты, мятые с пузырями на коленках штаны, обвислый свитер и засаленная кепка.

Надежда ЦВЕТКОВА

Не полонённая

Стихи

Земная Женщина

Она казалась одержимой
Поклонницей сакральных сфер.
О, как желал неодолимо
Души её сам Люцифер!
Язычницей слыла в округе,
Огнепоклонницей была.
Когда гуляла в поле вьюга,
До света в доме свечи жгла.
Легка походка – то ли птица,
А то ли женщина - пойми:
Душою в небеса стремится,
Ей одиноко меж людьми.
Но с небом говорит открыто
И без посредников она.
Есть за спиною пара крыльев,
Ей тайна вечности дана.
Смеётся женщина земная,
Внимая Солнцу и Луне,
Смеётся женщина…
И знаю -
Ей хорошо в её весне!

Не полонённая

Мне снился сон: я, полонённая,
Лежала поперёк седла.
Шальная лошадь ночью тёмною
Прочь уносила от села.
И запах пота лошадиного
Смешался с запахом сапог
Наездника, что плетью длинною
Хлестал нещадно и, как мог,
Он лошадь торопил ударами…
Кричала матушка вослед.
А Русь стонала под татарами —
Орда затмила белый свет.
Молилась слёзно, горько, истово…
Искала крестик на груди,
А он пропал…
Господь, единственный
Заступник мой, что впереди?
И пыль вздымалась придорожная
Из-под мелькающих копыт,
Ошеломляла даль тревожная…
И этот сон мной не забыт -
Живёт в душе воспоминанием,
Происходившим наяву,
И окрыляет осознанием -
Не полонённая живу.

Осень

Она всё так же молода,
Как сто веков назад,
И ей к лицу её года
И кружевной наряд
Листвы, как солнце, золотой
И золото кудрей,
Легко пленяет немотой
Прошедших сентябрей.
Она - художник и поэт -
Ткёт паутинок вязь,
Пораньше выключая свет,
Теряет с миром связь.

Она устала от дождей,
Ей хочется тепла,
И, сбросив жёлтый шёлк одежд,
Встреч с октябрём ждала.
Ей бабьим летом ворожить
На новую любовь…
Вставляет в окна витражи…
Блуждает меж дубов,
Берёз и клёнов дотемна,
Я – с нею заодно…
Мы вспоминаем имена,
Забытые давно.

* * *

Доверилась бы белому безмолвию,
Холодной рассудительности дней,
Когда бы песней не смущала молодость,
Весна теплом не вторила бы ей…
Когда бы, сердце распахнув отчаянно,
Впустила в кровь морозы и пургу,
Когда бы занавесилась печалями,
Когда бы…
Да смириться не могу!
Бегу туда, где август щедр на таинства,
Где звездопад и яблоки в росе,
Ведь там в любви, как в озере, купаются,
Желанья щедро исполняя, все…
Зачем, зима, нужны твои пророчества
И откровений голос ледяной?
Чтоб обречённо, горько одиночество
Тяжёлым шагом побрело за мной –
Зачем?

* * *

В старом парке
Заблудилось
Бабье лето.
И теперь
Назад дороги не найти.
Всё пронизано насквозь
Осенним светом,
Даже листья,

Что ложатся на пути.
Я ждала его, аукала…
Искала
Напоследок
Хоть немножечко тепла.
Парусами
Облака вдали качало,
И куда-то лодка белая плыла.
И звала она с собой
В страну желаний.
Только нам в неё,
Как прежде,
Не войти.
Зыбкий свет меня
Обманчиво поманит –
Куст рябиновый
Взметнётся
На пути.
Небо руки опустило
Мне на плечи,
Я гляжу
Ещё без грусти на него.
Бабье лето
Листопадом душу лечит,
Тишиною
И бездонной
Синевой.

* * *

Не оглянулась…
Даже не взглянула…
Но помнится: за далью этих дней,
В полуразмытых образах тонула
Немая сущность наших двух теней.
Ну, закричи, прошу, вослед:
«Останься!»
И у порога я замедлю шаг…
И перестанет будущее тайной
Пленять,
И воздух тот, которым мы дышать
Могли бы вместе, только не придётся…
Не станет так желанен и тягуч…
А тень твоя опять за мной крадётся,
И слышится: «Останься!» – из-за туч.

София ВЯЗОВА

8 класс средней общеобразовательной школы №3
г. Котовска

Стихи про осень

Рассказы

Пятнышко на стекле

Снаружи властвовал голодный февраль. Он выл колючим ветром, швырял в лица прохожих ледяные снежинки и заставлял старые фонари скрипеть от холода. Но внутри кондитерской «Золотой колос» царило вечное сытое лето. Здесь пахло ванилью, топлёным молоком и уютом.

Миша сидел на высоком бархатном стуле. Его щёки горели ярким румянцем, то ли от прогулки в новом песцовом пальтишке, то ли счастья от купленного недавно набора оловянных солдатиков. Перед мальчиком на фарфоровом блюдце лежал шедевр: эклер, политый густым белым шоколадом, из которого вытекал нежнейший сливочный крем.

Мальчик не спешил. Он аккуратно отломил кусочек серебряной вилочкой, любуясь тем, как капля глазури медленно стекает по пирожному. Миша зажмурился от удовольствия, чувствуя себя абсолютно счастливым в этом тёплом, уютном месте.

Облизывая пальцы, испачканные в шоколаде, Миша блаженно закрывал глаза. А когда открыл их, вдруг испугался. Там, по ту сторону толстого витринного стекла, стоял он.

Мальчик снаружи казался серым пятном на фоне белого снега. Он был удивительно тонким, будто состоял из одних только острых углов. Его одежда – бесформенная груда грязного тряпья – не могла защитить от ветра. Из дырявого башмака торчали пальцы, посиневшие от мороза.

Но страшнее всего было его лицо. Обтянутые кожей скулы и огромные, лихорадочно блестящие глаза. Он не просил милостыню. Он просто смотрел.

Его взгляд был прикован не к Мише, а к его руке. Каждый раз, когда вилка подносила кусочек эклера к пухлым губам, плечи «тени» непроизвольно вздрагивали. Мальчик за окном невольно повторял жевательное движение пустым ртом, и капля слюны замерзала на его подбородке.

Миша посмотрел на свой недоеденный эклер. В голове пронеслась мысль: «Надо отдать». Он уже начал вставать, потянувшись к тарелке, но в этот момент к нему подошла мама – надушенная, красивая женщина, в облаке дорогого меха.

– Мишенька, не копайся, – ласково сказала она, поправляя ему воротничок. – Нам пора на урок скрипки. Доедай скорее или оставь, мы купим свежее вечером.

Она мельком взглянула на окно, на мгновение её лицо исказила гримаса брезгливости.

– Ох уж эти беспризорники… Смотрят так, будто мы им должны. Пойдём скорее.

Миша встал. Он в последний раз посмотрел на мальчика за стеклом. Тот прижался лбом к холодной витрине, и от его дыхания на стекле осталось маленькое мутное пятнышко пара.

Мальчик в лохмотьях увидел, как сытый, согретый, счастливый ребёнок уходит, оставляя на тарелке половину пирожного. Он видел, как официант в белом фартуке привычным, равнодушным жестом смахнул остатки эклера в мусорное ведро и протёр стол влажным платком.

Дверь колокольчиком звякнула, выпуская Мишу на улицу. Мама потянула его к машине, стоявшей у обочины. Миша обернулся, но «тени» уже не было – мальчик в лохмотьях скрылся в метели, унося с собой голод, который невозможно утолить простым созерцанием чужого счастья.

На чистом стекле витрины осталось только маленькое пятно от дыхания. Оно быстро замёрзло, превращаясь в колючий ледяной узор.

Стихи про осень

Запах подгоревшей манной каши всегда сопровождался чувством вины за то, что она занимает слишком много места в этой маленькой квартире.

Леночке шесть. Она сидит на высоком табурете, болтая ногами в колючих колготках. Мать стояла у плиты спиной. Плечи острые, обтянутые халатом в блёклый цветочек. Алюминиевая ложка со скрежетом ходила по дну кастрюли. Этот звук заставлял Лену втягивать голову в плечи – казалось, ложка скребет прямо у неё внутри, под самым черепом.

– Ешь, – коротко бросает мать, ставя перед девочкой тарелку.

На белой поверхности манной каши застыла сероватая пенка. Леночка взяла поцарапанную ложку. Хотелось спросить про обещанный поход за мороженым, но она глядела на напряжённые лопатки матери, и слова застревали в горле.

— Мам… а сегодня солнце, – шёпотом, почти дыша, произнесла она.

Кран подтекал. Тяжёлые капли гулко разбивались о раковину. Кап. Кап. Мать медленно поворачивает голову и смотрит так, что Леночке хочется сжаться в комок.

– Солнце, – повторила она, словно пробовала на вкус чужое, незнакомое слово. – А у меня две смены и очередь за сапогами. Ты о себе только думаешь? Весь дом на мне. Хоть бы раз не просила, а помогла!

Мать вышла из кухни, на ходу вытирая мозолистые ладони выцветшим полотенцем. Леночка смотрела, как на каше застывает плотная корка, и чувствовала, как внутри, под рёбрами, застревает холодный, колючий воздух. Дышать глубже было нельзя – можно было привлечь внимание.

* * *

– Елена Дмитриевна?

Голос психолога звучит мягко, возвращая её в реальность. Лена вздрагивает. Она сидит в удобном кожаном кресле, в кабинете пахнет хорошим кофе и бумагой. Напротив – мужчина в очках, который внимательно на неё смотрит.

– Да, извините. Задумалась, – она поправляет помятый рукав недавно купленной кофты. Ткань была нежной, но Лене вдруг показалось, что она колется, как те старые советские колготки.

Доктор Марков смотрел на неё с таким профессиональным сочувствием, от которого Лене всегда хотелось забиться поглубже в кресло.

– Елена, мы раз за разом упираемся в один и тот же тупик, – доктор Марков сделал пометку в блокноте. – Вы пытаетесь проработать обиду в одиночку, но этот узел завязывали двое. Я понимаю, как это тяжело, но прогресс пойдёт быстрее, если мы попробуем совместную сессию. Как вы думаете… ваша мама согласится прийти?

Внутри всё окаменело. Сердце толкнулось в ребра – больно и часто.

– Я попробую, – лжёт она, поднимаясь и натягивая пальто. – Но она не из тех, кто любит такие места.

Лена выходит в коридор и нажимает кнопку вызова лифта. Двери разъезжаются с тихим вкрадчивым шелестом. В зеркальной стене лифта замерла успешная женщина, юрист с безупречной осанкой. Но стоит дверям закрыться, как пространство лифта сжимается, превращаясь в тесную, до боли знакомую прихожую.

Лена делает шаг назад.

* * *

Ей двенадцать. Теснота прихожей душит: повсюду громоздкая зимняя обувь, запах сырой шерсти и пыльных антресолей. Но Леночка ждёт. Она стоит у двери уже больше часа, прижимая к груди тонкую тетрадку. В ней – стихи. В школе сказали – талант. Лена шла, почти не чувствуя веса школьного ранца. Пальцы, озябшие без перчаток, крепко сжимали тетрадь – казалось, от красной надписи «Молодец!» на полях шло настоящее, физическое тепло.

Замок лязгает. Мать входит вместе с колючим сквозняком, таща тяжелые сетки, в которых угадываются угловатые пакеты молока и серый хлеб. Её пальцы на холоде покраснели и огрубели.

– Мам, посмотри, – Лена протягивает тетрадь, голос дрожит от предвкушения. – Я написала… про осень. И про нас.

Мать тяжело опускается на табурет, стаскивая сапог. Лицо её в тусклом свете мигающей лампочки кажется маской из сухой глины. Она бросает мимолетный взгляд на тетрадь, но не берет её.

– Стихи? – голос матери звучит сухо, как треск ломающейся ветки. – Опять в облаках витаешь? Лучше бы зашла в гастроном после школы, там кости давали на суп. А ты бумагу мараешь.

– Но учительница сказала…

– Учительнице за это деньги платят, – перебивает мать, наконец освободившись от обуви. – А мне за хлеб платить нечем. У меня спина отнимается, Лен, а ты со своими стихами. Иди картошку почисть, поэтесса.

Мать равнодушно оттолкнула Лену локтем, и тетрадь, выскользнув из девчоночьих пальцев, упала на тумбочку, загнув уголок. Радость, только что распиравшая грудь, сдулась, оставив внутри лишь знакомую, глухую пустоту и тяжесть в желудке.

* * *

Лифт вздрогнул, останавливаясь на первом этаже. Лена вышла в просторный холл, пахнущий дорогим парфюмом и свежестью. В голове всё еще звучал хруст ломающейся ветки.

Она достала телефон. Пальцы привычно замерли над контактом «Мама». Каждое сообщение матери требовало от неё почти физического усилия – палец зависал над экраном, словно кнопка «отправить» весила несколько килограммов.

«Мам, привет, – набрала она. – Можем встретиться завтра? В ресторане на углу, в четыре. Ты свободна?» Ответ пришёл через десять минут. «Опять деньги не пойми на что тратишь. Лучше бы делом занялась, чем по кафешкам шляться. Буду в 16:15».

Лена прикрыла глаза, вдыхая прохладный воздух улицы. Она знала, что та всё равно согласится, чтобы снова сидеть с каменным лицом и критиковать длину её юбки или выбор прически. Но сейчас, среди спешащих людей и шума машин, она снова чувствовала себя той двенадцатилетней девочкой с измятой тетрадкой в руках.

* * *

Ресторан Лене сразу показался ошибкой. Маргарита Васильевна сидела напротив, не снимая тяжёлого драпового пальто, хотя официант трижды предлагал забрать его в гардероб. Она смотрела на меню так, словно ей подсунули листовку из секты, а на персонал – как на личных врагов. Весь её вид говорил: «Я здесь только из-за твоего нытья».

– Мам, здесь отличный салат с бурратой. Попробуешь? – Лена старалась, чтобы голос звучал ровно.

Маргарита Васильевна медленно подняла глаза. Её взгляд замер на золотых часах на запястье дочери.

– Буррата, – эхом отозвалась она, и в этом слове было столько брезгливости, будто Лена выругалась матом. – Жируешь. Всё пытаешься доказать, что ты теперь важная?

– Я просто хотела пообедать с тобой в красивом месте, – Лена сжала салфетку под столом.

– Красота в тарелке – это для тех, у кого в голове пусто, – мать наконец отодвинула меню и посмотрела на дочь. – Щёки вон наела. Макияж этот… как у проститутки, прости Господи.

Мать замолчала, но её пальцы продолжали барабанить по столу. Этот ритм мгновенно заглушил фоновую музыку ресторана. Современный зал растаял. Вместо него проступили старые обои и тусклый свет настольной лампы.

Лена делает шаг назад.

* * *

Ей семнадцать. Выпускной вечер через два часа. Лена стоит перед зеркалом в платье, которое она сама перешила из старого маминого наряда. Она впервые накрасила ресницы и губы нежно-розовой помадой, которую тайком купила на сэкономленные деньги. Лена всматривалась в свое отражение, чуть поворачивая голову. Ткань старого платья легла мягко, а розовая помада делала губы непривычно яркими. Она робко улыбнулась зеркалу, впервые за долгое время не пытаясь втянуть голову в плечи.

Дверь в комнату открылась без стука. Маргарита Васильевна стояла на пороге, сложив руки на груди. Она молча осматривала дочь. Секунду, две, пять.

– Ну как? – шёпотом спросила Лена и затаила дыхание, боясь пошевелиться под этим тяжёлым, оценивающим взглядом.

– Повернись, – бросила мать.

Лена послушно повернулась. Она взволнованно кусала губу изнутри и теребила пальцем завитый локон. Мать подошла ближе, протянула руку и с силой провела большим пальцем по губам Лены, размазывая помаду по подбородку.

– Размалевалась, как девка из подворотни, – тихо выплюнула мать, брезгливо вытирая свой палец о край стола. – Платье перекосило. Швы кривые. Сразу видно – руки не из того места. Иди умывайся. Опозоришь меня перед учителями.

– Но мам, всем девочкам покупали новые платья, а я сама…

– «Я, я, я». Последняя буква в алфавите. Ты в зеркало-то посмотри: нос картошкой, глаза маленькие. Краска тебя не спасёт, Лена. Только ум. А его у тебя, судя по этому тряпью, тоже немного.

Мать вышла, бросив на пол обрезок кружева, который Лена не успела убрать.

* * *

– Елена! Ты меня слушаешь? – резкий голос матери вернул её в ресторан.

Лена моргнула. Перед ней стоял официант с тарелкой. Белоснежный сыр, сочные томаты.

– Я говорю, – Маргарита Васильевна брезгливо ткнула вилкой в край Лениной тарелки, – что ты зря тратишь время на этих своих мозгоправов. Психолог ей нужен, вы только посмотрите на неё. Вся в отца своего пошла – тот тоже чуть что, в кусты.

Она пригубила принесённый чай и тут же поморщилась.

– Пойла налили за пятьсот рублей. Дома лучше заварю.

Лена смотрела на мать, чувствуя, как к горлу подступает знакомая тошнота. Ей не хотелось спорить, кричать или швырять посуду. Внутри жило только

одно глухое, отчаянное желание: чтобы эта женщина напротив хотя бы раз увидела в ней человека, а не повод для упрёка.

– Завтра в два я за тобой заеду, – глухо сказала Лена, глядя куда-то поверх посуды. – Мы поедем вместе.

Маргарита Васильевна усмехнулась, обнажая ровные белоснежные зубы.

– Ну приезжай. Посмотрим, как ты будешь там позориться.

* * *

Кабинет психолога казался слишком тесным для них троих. Маргарита Васильевна сидела на краю кожаного кресла, не откидываясь на спинку. Она поставила старую сумку на колени и вцепилась в неё обеими руками, словно в щит. Елена сидела напротив, стараясь дышать медленно, как учили на прошлых сеансах.

Между ними сидел доктор Марков. Он слегка наклонился вперёд, удерживая открытый взгляд, и заговорил спокойным, размеренным голосом:

– Маргарита Васильевна, я благодарен, что вы нашли время. Елена пришла к тому этапу в терапии, когда нам обоим стало ясно: без вашего участия мы не сможем распутать те узлы, которые тянутся из её детства и до сих пор причиняют ей боль.

Маргарита Васильевна издала короткий смешок, похожий на лай.

– Боль? – Маргарита Васильевна выделила это слово ядовитым ударением, будто услышала глупую шутку. – Отчего у неё боль? От того, что я её в люди вывела? Другие в коммуналках гнили, а у неё своя комната была. Всегда обстирана, всегда накормлена.

– Мам, я не про комнату, – голос Елены дрогнул. – Я про то, что никогда не чувствовала себя… любимой. Твоей дочкой. Помнишь те стихи в тетрадке? Ты даже не открыла её. Ты сказала, что я порчу бумагу.

Мать медленно выпрямилась. Её лицо, испещрённое глубокими морщинами, стало каменным.

– И правильно сказала. Очередная глупость. Ты всегда была склонна к этой пустой драме. Слёзы на пустом месте, стишки… Вместо того, чтобы заняться чем-то полезным, сопли по лицу размазывала. Эгоистка.

– Я была ребёнком! – Елена подалась вперёд, вцепившись в подлокотники. – Мне нужно было, чтобы ты меня просто обняла! Чтобы сказала, что я тебе дорога!

– Обнимать? – мать едва заметно усмехнулась. – Я тебе не подружка. Я мать. Моё дело было следить, чтобы ты не спилась под забором к восемнадцати. Чтоб не стыдно мне было за твою никчёмность. И судя по тому, что ты сидишь здесь и жалуешься чужому человеку на мать, которая ради тебя всё отдала, я со своей задачей не справилась.

– Маргарита Васильевна, – вмешался психолог, – Лена имеет в виду тепло…

– Тепло? – Маргарита Васильевна резко перебила его, вперив в него взгляд. – Вы ей это в голову вложили? Это эти ваши новомодные штучки? «Тепло»,

«травмы». Человеку просто нечем заняться, вот она и выдумывает себе горести. В наше время таких называли бездельниками.

– Ты всю мою жизнь превратила в уборку и ожидание твоего недовольства! – Лена сорвалась на крик. Её голос сорвался, а из глаз хлынули горячие, злые слёзы, которые она безуспешно попыталась смазать со щёк.

В кабинете стало так тихо, что Ленин прерывистый вдох показался оглушительным. Маргарита Васильевна смотрела на дочь, и в её глазах на секунду мелькнуло что-то похожее на узнавание, но тут же сменилось привычным раздражением.

– Неправа? В чём? В том, что человека из тебя сделала? – голос матери стал пугающе тихим. – Сидишь в кашемире, вся такая нежная. Если бы я тебя по головке гладила, ты бы сейчас в канаве валялась или спилась, как твой папаша. Я из тебя сталь ковала! А ты мне теперь претензии предъявляешь? Неблагодарная.

– Я просто хотела быть дочерью, а не куском кованого железа! – Елена закрыла лицо руками.

Маргарита Васильевна встала медленно, с достоинством оскорблённой королевы.

– Всё это – бред. Тратите время на ерунду, – она посмотрела на психолога. – А вы, доктор, шарлатан. Учите детей ненавидеть родителей!

Она направилась к выходу, но у самой двери остановилась и обернулась. Лена сидела, низко ссутулившись, глотая беззвучные хрипы. Доктор Марков молча придвинул к Елене коробку с салфетками, сидя рядом, закрывая её своей спокойной, уверенной фигурой от застывшего напротив ледяного взгляда матери.

– Будешь выходить – вытри рожу, – бросила мать. – На тебя люди смотрят. Позорище.

Дверь захлопнулась с тяжёлым, глухим стуком. Елена осталась сидеть в кресле, чувствуя, как внутри выгорело абсолютно всё: и гнев, и глупая детская надежда. Больше ничего не осталось. Только остывший, мёртвый кусок кованного железа.

* * *

Ей девятнадцать. На юрфаке шла лютая зимняя сессия. Голова раскалывалась, а теснота квартиры давила на череп так же невыносимо, как и в детстве. Мать должна была вернуться с завода только через час, и Лена, чувствуя, как стены сжимают ребра, рванула на себя форточку. Пальцы мелко дрожали. Она чиркнула спичкой и судорожно, давясь кашлем, затянулась – сигареты были её единственным, тайным способом не сойти с ума.

Дверной замок лязгнул на сорок минут раньше. Лена похолодела. От испуга она выронила сигарету прямо в раковину, включила воду и попыталась замахать руками, разгоняя сизый дым.

Маргарита Васильевна влетела в кухню, даже не сняв тяжёлого зимнего пальто. Её ноздри хищно затрепетали. Взгляд мгновенно упал на Лену, застывшую у окна, и на пачку, которую та в панике не успела спрятать со стола. Лицо

матери исказилось такой яростью, словно она застукала дочь за убийством.

– Совсем страх потеряла?! – этот крик ударил Лену по барабанным перепонкам.

Мать рванулась вперёд, мёртвой хваткой вцепилась в Ленино запястье и с силой вырвала пачку.

– Дрянь! Малолетка неблагодарная! – Маргарита Васильевна швырнула пачку в стену и сильнее сжала пальцы. – Вся в отца своего покатилась, алкаша проклятого! Тот тоже с этой гадости начинал, и сдох под забором! Я на тебя жизнь положила, чтобы ты человеком выросла, а ты мне эту гниль в дом тащишь?!

– Мама, перестань, мне девятнадцать, все курят!.. – сквозь слёзы крикнула Лена, пытаясь вырвать руку.

– Рот закрой! – мать с силой толкнула её к плите. – Только попробуй еще раз эту мерзость в руки взять! Запомни: я теперь каждый угол в этом доме проверю! В вещах твоих пороюсь, в трусах, под матрасом, но, если найду хоть одну, – из дома вылетишь! Поняла меня?! Сука такая!

Лена смотрела на растоптанный табак, на искажённое ненавистью лицо матери, и внутри неё росла глухая, звенящая пустота. «А если действительно каждый угол проверит? Она же…»

Это был первый раз, когда она сбежала из дома.

* * *

Она шла по тротуару, вбивая каблуки в мокрый асфальт. Город смешался в грязную лужу: встречные фары машин слепили глаза, чьё-то плечо толкнуло в бок – она даже не повернулась. Воздуха не хватало, Лена сглотнула, но горло словно склеилось. Она попыталась сделать глубокий вдох через нос, но ноздри просто слиплись.

«Позорище».

Она резко затормозила, хватаясь рукой за столб фонаря. Пальцы в мокрой перчатке скользнули по ледяному металлу. Елена прижалась к нему щекой, зубы застучали о железо. Мокрая каша под сапогами расползалась, ноги медленно ехали в стороны, но она только сильнее вдавливала лицо в холод, заставляя себя дышать короткими, рваными рывками.

В голове пульсировало одно и то же: тихий хлопок двери в кабинете. Хлёсткий, окончательный. Последний.

Елена дошла до своего дома на автопилоте. Подъезд встретил её привычной прохладой и глухим эхом собственных шагов. На своём этаже она остановилась у двери, но вместо ключей вытащила из кармана пальто измятую пачку сигарет, которую носила с собой на крайний случай уже года два. Пальцы вибрировали так сильно, что потёртый матовый «Крикет» дважды выскользнул из рук, с глухим стуком ударившись о кафельный пол. Кое-как подняв его, Лена зажала сигарету между зубов. Большой палец с трудом провернул колёсико, зажигалка щёлкнула, но пламя тут же сбило ответным, оглушительным щелчком входного замка.

Дверь резко распахнулась, и в полумрак подъезда хлынул жёлтый домашний свет.

– О, Ленка, привет! А мы тебя ждём, – Андрей стоял на пороге в дурацком фартуке и с перепачканным мукой носом. Из квартиры потянуло запахом запекающихся яблок. Заметив сигарету, муж удивлённо приподнял бровь, но ничего не сказал, а просто шагнул навстречу и мягко забрал её из её пальцев, бросая в мусорный пакет у двери. – Заходи скорее, у нас тут стихийное бедствие.

Лена делает шаг вперёд.

– Ма-а-ам! – Алиса вылетела из-за угла, на бегу роняя пластиковую чашку.

Грохот. Светлый ковёр в прихожей мгновенно украсился яркими брызгами вишнёвого сока. Лена замерла на пороге, так и не сняв вторую перчатку. Внутри всё инстинктивно сжалось, по старой детской привычке приготовившись к неизбежному удару. «Дура. Дура. Дура. Дура!»

Но Алиса почему-то не напугалась. Она просто весело рассмеялась, усевшись прямо на пол растирая лужицу ладошкой. Теснота квартиры.

– Смотри, я нарисовала собаку, у неё три уха! А сок – это её ванна! – заявила дочь, протягивая маме альбомный лист, на котором красовалось нечто фиолетовое и глубокомысленное.

– Эту самую собаку мы на ужин и готовим, – улыбнулся Андрей, вытирая руки полотенцем. – Но, кажется, я полный профан в кулинарии. Лен, спасай. Может, ну его, этот пирог, и просто закажем доставку?

Алиса втиснулась между ними, обхватив маму за ноги. От дочки пахло ванильным сахаром и тёплым одеялом. Лена почувствовала, как тиски на груди начали медленно разжиматься. Она опустилась на пол прямо в пальто, обнимая Алису. Плечи её, наконец, опали. Она уткнулась носом в шею дочери, вдыхая этот живой, горячий запах, и только тогда из глаз потекли первые настоящие слезы. Андрей молча опустился рядом, обнимая их обеих своими большими, испачканными в муке руками.

Здесь никто не проверял углы. Здесь можно пролить сок и всё равно быть любимой.

* * *

Тяжёлая дерматиновая дверь захлопнулась, отсекая шум улицы. В прихожей пахло старыми обоями, сушёными травами и корвалолом – въедливым, несмываемым запахом старости.

Она долго не снимала пальто. Стояла в темноте, слушая, как в углу прихожей мерно и глухо тикают старые настенные часы. Щёлкнул выключатель. Тусклый свет жёлтой лампочки выхватил идеальный порядок. На полке – одна пара обуви, аккуратно развёрнутая носками к выходу. За стеклом старого серванта ровными рядами искрился хрусталь. Чехословацкий сервиз на шесть персон, ни разу не видевший чая, застыл запылённым парадным строем. Она всегда знала, что никто не придёт. Но всегда ждала.

Суставы ныли. Из зеркала в коридоре на неё посмотрело лицо с глубоки-

ми, прорубленными временем морщинами. Взгляд был жёстким и сухим, а под веками горела давящая краснота.

Она прошла на кухню. Шаги отзывались тихим скрипом старого линолеума. Ставя чайник на конфорку, она привычно чиркнула спичкой. Рука едва заметно дрожала, и серый огонёк сорвался, оставив в воздухе едкий след сгоревшей серы. Она не пила капучино, кажется, никогда. Не из-за того, что не могла его себе позволить. А из-за того, что не могла позволить его себе.

Закипело. Она плеснула кипяток, и тёмная жидкость взвилась горькой пеной. Запах дешёвого кофе мгновенно заполнил тесную кухню. Она сделала первый глоток, и горячая горечь обожгла язык, заставив её поморщиться.

Кран над раковиной подтекал. Кап. Кап. Тяжёлые капли гулко разбивались о железное дно.

Она закрыла глаза, пытаясь унять пульсирующую боль в висках, но звук падающей воды не проходил, лишь становился громче. Металлический скрежет ложки по дну кастрюли вдруг прорезал тишину пустой квартиры, заставив её лопатки судорожно напрячься. Из темноты под веками поплыл запах подгоревшей манной каши.

Маргарита Васильевна сделала шаг назад.

* * *

Ей было двадцать четыре. Лопатки сводило от нечеловеческого напряжения. Две смены у ткацкого станка. Шестнадцать часов на ногах под непрерывный, закладывающий уши грохот машин, от которого до сих пор звенело в черепной коробке. Марго не помнила, когда спала больше трёх часов подряд. Муж ушёл месяц назад, прихватив с собой все сбережения на кооператив и оставив после себя лишь гору долгов и стойкий запах перегара у дивана в углу.

В глазах темнело, комната то и дело уплывала вправо. На кухонном столе лежали талоны на сахар и вырезка из газеты. В магазине на углу выбросили зимние сапоги. Если она не успеет занять очередь прямо сейчас, Ленке зимой будет просто не в чем ходить в садик. Старые ботиночки девочки уже жали и безжалостно промокали.

Алюминиевая ложка со скрежетом ходила по дну кастрюли. Горьковатый запах гари ударил в нос. Каша пригорела. Молоко, купленное на последние копейки, испорчено. Внутри у Марго всё завязалось в тугой, злой узел отчаяния. Ей хотелось закричать, разбить эту чёртову кастрюлю о стену, сесть на пол и просто выть от бессилия. Но выть было нельзя. Слабость – это роскошь для тех, у кого есть тыл. У неё тыла не было. Были только рваные сапоги и голодный ребенок.

– Ешь, – коротко бросила она, через силу ставя тарелку перед дочерью. Голос прозвучал резко, но по-другому она сейчас просто не умела. Не могла.

На белой поверхности манной каши застыла сероватая пенка. Девочка взяла поцарапанную ложку и замерла. Марго повернулась к плите спиной, чтобы дочь не видела, как у неё трясутся губы, и начала яростно тереть раковину. Из крана тяжело и гулко падали капли. Кап. Кап. Каждый удар отзывался болью в висках.

– Мам… а сегодня солнце, – шёпотом, почти не дыша, произнесла Ленка.

Марго медленно повернула голову. Измученный, красный от недосыпа взгляд замер на чистом, пухлом личике дочери. Внутри молодой матери что-то горько и страшно надломилось.

«Солнце». Какое, к чёрту, солнце?

В её мире солнца давно не было – были только серые стены завода, долги, вечный холод и страх не дотянуть до получки. Ей казалось, что дочь издевается над её усталостью. Лепечет о глупостях, пока мать буквально разрывается на части, чтобы уберечь их от голода.

– Солнце, – повторила она, словно пробовала на вкус чужое, нелепое слово. – А у меня две смены и очередь за сапогами. Ты о себе только думаешь? Весь дом на мне. Хоть бы раз не просила, а помогла.

Марго вышла из кухни, на ходу вытирая мозолистые, огрубевшие от заводской щёлочи ладони выцветшим полотенцем. Ей нужно было бежать на мороз, в очередь. Ей некогда было обнимать и объяснять. Нужно было ковать сталь. Иначе они обе сдохнут.

* * *

Запах гари растаял, уступив место горькому аромату растворимого кофе. Маргарита Васильевна открыла глаза и перевела взгляд на кухонный шкаф. Там, на самой верхней полке, за стопками старых квитанций, пряталась перевязанная бечёвкой пачка.

Десятки дешёвых, пожелтевших тетрадей в косую линейку. На каждой аккуратным детским почерком было выведено: «Лена. Стихи». Уголки были загнуты, страницы истончились от многократного перелистывания и насквозь пропитались запахом машинного масла. Маргарита Васильевна открывала их по ночам, на смене в цеху. Когда глаза уже совсем закрывались от усталости, она отпрашивалась на пятиминутный перекур, чтобы постоять у открытого окна, держа в руках эти тоненькие, хрупкие тетради.

Память со скрипом потащила её в тот день, когда завязалась эта пачка.

* * *

Марго тридцать. В тот день на заводе был очередной завал, и она от усталости едва волочила ноги, стёртые в кровь жёсткими задниками туфель. Но в голове набатом стучала только одна мысль: гастроном. Там обещали «выбросить» кости и хрящи на суп – единственное мясо, которое она могла себе позволить. Марго туда не успевала из-за смены. Она оставила Лене записку, чтобы та сходила туда сразу после школы.

Дверной замок лязгнул. Марго ввалилась в тесную прихожую, едва удерживая сетки с молоком и серым хлебом. Ей хотелось только одного – увидеть на кухонном столе заветный свёрток с костями. Но в коридоре её встретила Лена. Дочь стояла у двери, сияя от счастья, и протягивала ей тонкую бумажную тетрадку.

– Мам, посмотри, – голос девочки дрожал от предвкушения. – Я написала… про осень. И про нас.

Марго тяжело опустилась на табурет, чувствуя, как отнимается поясница. Она перевела взгляд с пустых рук дочери на тетрадь, и внутри у неё всё похолодело.

Вместо того чтобы помочь матери и позаботиться о том, что они будут есть завтра, Лена витала в облаках и марала бумагу какими-то каракулями. Пока она убивалась на работе, её дочь занималась бесполезной глупостью. Из чего ей теперь варить обед? Из этих строчек?

– Стихи? – голос матери прозвучал сухо, как треск ломающейся ветки. – Опять в облаках витаешь? Лучше бы зашла в гастроном после школы, там кости давали на суп. А ты бумагу мараешь.

– Но учительница сказала…

– Учительнице за это деньги платят, – перебила Марго, стаскивая неподатливый сапог. – А мне за хлеб платить нечем. У меня спина отнимается, Лен, а ты со своими стихами. Иди картошку чисти, поэтесса.

Она забрала тетрадь и небрежно бросила её на тумбочку, стараясь не смотреть на то, как у дочери гаснет взгляд. Ей нужно было срочно придумать, как сварить пустую картошку так, чтобы Ленка не осталась голодной. Ей некогда было хвалить за талант. Чтобы этот талант выжил, его нужно было сначала просто накормить.

* * *

Маргарита Васильевна сделала ещё один глоток. Горячая жидкость обожгла язык. Она посмотрела на свои мозолистые пальцы. Грубые, но идеально чистые, со стриженными и покрашенными в красный ногтями. На заводе за маникюр лишали премии – техника безопасности. Да и красить было нечего.

Память рванула её в тот душный июньский вечер, когда Лене исполнилось семнадцать.

Ей было тридцать пять. За спиной – двенадцать часов у станка, а в кармане халата – талон на импортную ткань, который она со скандалом выбила в профкоме, отстояв пятичасовую очередь. Ткани не хватило. Пришлось резать своё старое, венчальное платье из плотного крепа. Марго три ночи вручную, ломая иглы, подгоняла подол под журнальную выкройку. Пальцы до сих пор горели от уколов.

Она вошла в комнату без стука. Ленка стояла у зеркала. Самодельное платье сидело мешком, левый бок явно тянуло вниз – Марго промахнулась со швом. Но в глаза бросилось другое: губы дочери, густо замазанные ядовито-розовой цыганской помадой, которая пахла дешёвым вазелином. Рядом на тумбочке лежала пустая пластиковая тушь, в которую Ленка поплевала, чтобы накрасить ресницы. На веках чернели неровные комки.

В коридоре уже гремели шаги соседки, которая шла к ним одолжить лак для волос. Через час за Ленкой должны были зайти одноклассницы – дочери

местного прокурора и владельца торгового центра, одетые в дорогие заграничные платья из элитных бутиков.

Марго шагнула вперёд. Схватила дочь за подбородок и с силой, до красноты, провела большим пальцем по губам, размазывая дешёвый жир по щеке.

– Размалевалась, как девка из подворотни, – тихо бросила она, не глядя дочери в глаза. – Платье перекосило. Швы кривые. Сразу видно – руки не из того места. Иди умывайся. Опозоришь меня перед учителями.

Она развернулась и вышла, наступив на валявшийся под ногами обрезок подола. Ей нужно было успеть распороть те ужасные швы и сделать новые, пока не пришли гости.

* * *

Маргарита Васильевна перевела взгляд на кухонный табурет, на котором сиротливо лежало всё то же выцветшее кухонное полотенце. Руки больше не горели от уколов иголки, они просто онемели от старости. Ленка тогда ушла на выпускной с сухими глазами и высоко поднятой головой, так и не обернувшись на пороге. Марго смотрела ей вслед из окна и знала: сталь выкована. Дочь выдержит любой удар. Но сама Марго с каждым её шагом становилась всё более одинокой.

Она сделала ещё один глоток, и на дне гранёной кружки показалась тёмная кофейная гуща. Память упрямо тащила её к самому страшному дню.

Маргарита Васильевна сделала шаг назад.

* * *

Ей было тридцать семь. Она шла по тротуару, вбивая каблуки в мокрый асфальт. Город поплыл в сторону: встречные фары машин мазали по глазам жёлтыми полосами, чьё-то плечо толкнуло в бок – она даже не повернулась. Воздуха не хватало, Марго сглотнула, но горло словно склеилось. Она попыталась сделать глубокий вдох через нос, но ноздри вдруг резко наполнились запахом моторного масла.

В голове пульсировало серое лицо Кольки из третьего цеха в дешёвом гробу на городском кладбище. Тот харкал кровью последние полгода, сгорев от рака лёгких, но так и не бросив курить. Марго затормозила, хватаясь рукой за столб фонаря. Пальцы в мокрой перчатке скользнули по ледяному металлу. Она прижалась к нему щекой, зубы застучали о железо. Мокрая каша под сапогами расползалась, ноги медленно ехали в стороны, но она только сильнее вдавливала лицо в холод, заставляя себя дышать короткими, рваными рывками.

В голове пульсировало одно и то же: тихий хлопок двери в квартире. Хлёсткий, окончательный. Последний. Ленка забрала сумку и ушла. «Пусть уходит, – зло подумала Марго, вытирая лицо мокрой перчаткой. – Пусть валит на все четыре стороны, зато не помрёт от рака лёгких».

Марго дошла до своего дома на автопилоте. Подъезд встретил её привычной прохладой и глухим эхом собственных шагов. На своём этаже она остановилась у двери, но вместо ключей вытащила из кармана пальто измятую пачку

сигарет, которую отобрала у дочери несколько часов назад. Пальцы вибрировали так сильно, что пачка дешёвых спичек дважды выскользнула из рук, с глухим стуком ударившись о кафельный пол. Кое-как подняв его, Марго зажала сигарету между зубов. Пальцы с трудом чиркнули серой, спичка вспыхнула, выдавая ровное, дрожащее пламя.

За закрытой дверью квартиры стояла гробовая тишина. Ни один замок не щёлкнул ей в ответ. Старый пожелтевший листок с извещением о смерти мужа давно затерялся среди квитанций, а лампочка над порогом перегорела ещё в прошлый вторник. Вкрутить её было некому. Ленка бы помогла, да только… Она сделала первую глубокую, горькую затяжку. Дым обжёг легкие. Маргарита Васильевна делает шаг назад.

Тлеющий огонёк сигареты гаснет, превращаясь в серый пепел на дне гранёной кружки. За стеклом югославского серванта ровными рядами пылится хрусталь на шесть персон. Кран над раковиной методично отсчитывает тишину. Кап. Кап.

Сквозняк шевельнул перевязанную стопку старых тетрадей на шкафу. Пара жёлтых листов сорвались вниз, бесшумно ложась на линолеум, прямо под её истоптанные тапочки.

Стихи про осень. И про нас.

Александра
МИХАЙЛОВА

Место действия – Тамбов

Обзор книг об истории города

Со времён «Тамбовской казначейши» образ города, который прежде «был опальный, теперь же, право, хоть куда», не раз входил в художественную литературу. В ряде произведений он стал полноценным местом действия, не как прототип или обобщённый образ, а под своим именем. К истории, традициям, языку и психологии жителей центра обширного края обращались, как правило, местные авторы. Благодаря их талантливой интерпретации события, известные личности, идеи воскресают в воображении читателя.

Предлагаем подборку книг, где описаны события вереницы четырёх столетий.

Крепость. Начало

К временам освоения Дикого поля и строительства крепости Тамбов первым обратился в историческом романе Александр Акулинин. Его «Крепость на Цне» (12+) хотя и создана на документальной основе, щедро расцвечена лирическими отступлениями, описаниями быта XVII века, линиями человеческих судеб. Начинание привлекает разный народ: собираются люди местные и пришлые – боярские дети, дворяне, духовенство, казаки, крестьяне и даже беглые. Предстаёт и сам воевода Роман Боборыкин. Главными героями автор делает молодых друзей – русского Дорошку и мордвина Виряску, у которых, как и у нового города, всё впереди. Сюжет динамичный. На фоне великой цели идёт борьба интересов, плетутся интриги, а по сути, продолжается извечная борьба добра и зла. Но дело вершится. Большинство воспринимает его как благо: крепость – залог защиты, а плодородный чернозём сулит добрые урожаи. И вот стольник Боборыкин обозначает план города и вбивает в землю первую вешку в основание Знаменской церкви. Это только начало…

Очевидцем событий в новопостроенном Тамбове становится главный герой книги Сергея Кочукова «Полёт белого кречета» (12+). Роман написан в жанре исторической фантастики. Участник Чеченской войны прапорщик Андрей Чибисов переносится почти на четыре столетия назад и оказывается между первыми поселенцами города. Приходится познать все особенности жизни предков: ходить в дозор, вступать в схватку с кочевниками, ездить с посольством в Крым, управляться на покосе, строить дома. Андрей встречает настоящих друзей и единственную любовь. В XVII веке, среди трудностей и опасностей, все связи искренни и крепки, задачи человека – естественны и понятны. Возвращаясь на своё место в веке XXI-м, герой понимает, что готов с радостью воспринять даже сумасшествие, «если бы только это помогло вновь оказаться "там"».

Укоренение православия

70 лет стоит город-крепость. Край ещё норовистый: язычники, староверы, много беглых со всех сторон. Но мудрые горожане убеждены: «Жизнь надо налаживать, большую жизнь». Эти настроения передаёт в своей повести «Живоносный источник» (12+) Виктор Герасин. Главным героем книги становится святитель Питирим – второй епископ Тамбовский. Автор опирается на житие святого, на архивные документы, но и оставляет простор для художественного вымысла. Показано, как владыка организует строительство храмов и монастырей, копает источники, пишет иконы, крестит мордву. Но вплетены и житейские подробности. Например, святитель пробует косу на жатве, даёт совет о браке двух влюблённых из разных народов. Горение архипастыря, стремление сплотить людей вокруг православия находят одобрение у местных: «Если все мы будем разноверами, то долго не будет единения народного».

Просвещение

Символом XVIII века, эпохи российского просвещения, в Тамбове стала фигура наместника Гавриила Державина. Эта выдающаяся личность привлекала не одного литератора, тем более что Державин – поэт. Так, он становится главным героем романа Ивана Елегечева «Губернатор» (12+). Писатель обращается ко времени его правления Тамбовским краем. Его столица хотя ещё и «соломенная», но живёт по-другому, нежели сто лет назад. Земледелие всё больше уступает место делам торговым. А наместник радеет и о пополнении государственной казны, и о благоустройстве вверенной ему земли, и о развитии культуры. Сам создаёт шедевры, которые приносят ему радость. Однако в романе он отнюдь не «небожитель», а вполне земной человек, со своими думами и чувствами. Отношение к нему двоякое: признают мудрым, но нововведениям противятся. Каждый персонаж высказывает своё суждение о Державине – иногда резкое, иногда восторженное, иногда и шутливое. Жена, например, называет его «дремучкой». В историю города вплетены судьбы не только известных личностей – коменданта

Булдакова, представителей семьи Чичериных, но и вымышленных героев. Благодаря охвату разных слоев общества предстаёт полноценная историческая панорама.

Расцвет

Роман Евгения Яковлева «Ярмарка» (18+) посвящён династии Асеевых – знаменитых тамбовских купцов-миллионеров. В шести томах автор описывает историю семьи и её стремительного подъема. Сюжет многопланов: здесь и преступления, и путешествия, и поиски клада, и развитие коммерции, и любовь. Старт всей истории дают предприимчивые братья Тихон и Василий. Действие поначалу происходит в сёлах, где ставят дело молодые купцы. Но, наконец, в Тамбове представитель уже следующего поколения Асеевых, Михаил, строит «дворец из сказки». Отсюда, из провинции, простирается всероссийская, а потом и мировая слава суконных фабрик Асеевых. В круг персонажей входят сам государь Николай II, председатель Совета министров Сергей Витте, тамбовский губернатор Владимир фон дер Лауниц, княгиня Александра Нарышкина, певец Федор Шаляпин и другие исторические личности. Параллельно писатель изображает нравы, обычаи, быт горожан. И от тома к тому нарастает социально-политическое напряжение…

Перемены и испытания

«Холод, мерзость, трусливый шепоток – губернский город Тамбов, март восемнадцатого года» – так начинается роман Николая Вирты «Одиночество» (16+). В трёх словах автор передаёт нестабильную атмосферу во время Гражданской войны в тихом патриархальном городе, где большинство опасается успехов большевиков. А далее трагические события описаны в подробностях. Произведение посвящено крестьянскому восстанию, вошедшему в историю как Антоновский мятеж. Его предводитель Александр Антонов – в центре повествования, на пару со сподвижником Петром Сторожевым. Душевное состояние людей, которые решаются на противостояние и ведут за собой других, – главный предмет исследования писателя. В книге, как считают краеведы, запечатлён деревянный особняк с мезонином по современному адресу: Сергеева-Ценского, 63.

Владимир Селиверстов в повести «Рейд» (16+) обращается к малоизученному событию в истории Тамбова – вступлению в город в 1919 году 4-го Донского корпуса Донской армии Вооружённых сил Юга России, которым руководил генерал Константин Мамонтов. К казакам у местных неоднозначное отношение: одни в спешке бегут из города, другие пытаются противостоять, третьи радуются присутствию белых, надеясь на возвращение старых порядков. Советская власть уже успела закрепиться в городе, её представляет Михаил Чичканов. Но грубые методы красных вызывают недовольство. Однако и рейд Мамонтова оборачивается бедой для горожан: их попросту грабят. Тем временем большевистское правительство направляет в город свои силы. Разгорается ожесточенная борьба.

Владимир Селиверстов, заметим, специализируется на краеведческой тематике. Изданы четыре книги серии «Тамбовский детектив» (16+). Также прозаик написал обо всех 33 губернаторах края. Самое масштабное из этих произведений – роман «Державин – правитель тамбовский» (12+).

Собирание осколков

Тамбов начала XXI века предстаёт в романе Александры Михайловой «Дворяночка» (12+). На страницах книги можно встретить ряд знаковых мест областного центра, почувствовать его атмосферу и нравы жителей. Произведение пронизано любовью к городу. Старинный барский дом, где живут люди разных взглядов, олицетворяет собой город и – шире – всю Россию. Персонажи пытаются осмыслить и решить противоречия столетней давности, собирают осколки прошлого и, «реставрируя» их, строят свою жизнь. Затронут большой спектр вопросов: от душевных перемен, обусловленных взрослением, до великой цели служения Родине. Главная героиня – девушка, получившая из-за своего интереса к культуре аристократов прозвище Дворяночка. Человек с тонкой, чистой душой, она не мирится с жестокой действительностью, стремится к идеалам красоты и благородства. В роман вплетены элементы исследовательского детектива: постепенно раскрывается тайна владельцев старинной усадьбы. Красной нитью проходит тема любви к России. В центре внимания – трагедия 1917 года и её последствия. Вспоминаются пережитые страной испытания и прослеживаются пути возрождения на заре нового века. На разговор выходят потомки русских, оставшихся на своей земле, и потомки белых эмигрантов. Он направлен на взаимное прощение и примирение. Закрепляется этот судьбоносный выбор в день воссоединения Русской Православной Церкви Московского Патриархата и Русской Православной Церкви Заграницей. «Дворяночка» нацелена на знакомство молодых людей с историей и воспитание чувства патриотизма, а также напоминает о том, что, как говорил конструктор Сергей Королёв, «жить надо увлечённо».

В. Р. Латышева,
учитель русского языка и литературы
Н. В. Сорокина,
доктор филологических наук, профессор

Тамбовские реалии на страницах повести М. Кудимовой «Бустрофедон»

Статья

Современный художественный текст обнаруживает широкое включение местнографического материала, что ставит перед исследователем задачи его изучения. Продуктивным в этом отношении оказывается локально-исторический метод Н.П. Анциферова, утверждающий взаимовлияние художественного текста и пространства, воссоздаваемого в нем.

Тамбовские реалии стройно вписаны в художественный ряд литературных представлений ***Марины Владимировны Кудимовой*** (родилась в 1953 году в Тамбове, окончила Тамбовский государственный педагогический институт – предшественник ТГУ им. Г.Р. Державина). В автобиографической повести «Бустрофедон» (2017) представлен дореволюционный и советский Тамбов во всём многообразии его провинциальной жизни. И это, в свою очередь, позволяет обратиться к метазадачам филологической регионалистики: через постижение особенностей модели мира писателя изучить город и через созданный им образ открыть путь к изучению творческой индивидуальности автора.

Город осмысляется М.В. Кудимовой посредством противопоставления старого Тамбова и нового. Более того, конфликт усиливается за счёт сосуществования в произведении двух точек зрения: дореволюционный Тамбов предстает через призму восприятия Бабуль, а советский – главной героини Гели.

М.В. Кудимова открывает бустрофедон жизни на художественном уровне: в повести временные пласты пересекаются, сливаясь в единое повествование, и если раньше город осознавался главной героиней отдельными фрагментами с его бесконечными «*бывший*», «*бывшая*», «*бывшее*», то теперь «*всё связалось, и из-под привычных контуров проступали совсем иные черты иного города*» [1, с. 186].

Тамбов в произведении М. Кудимовой предстаёт широкой панорамой площадей и улиц: площадью Ленина – Пятницкой, Коммунальной – Гимназической, Карла Маркса – Долгой, Ленинградской – Семинарской, Кронштадтской – Покровской, Советской – Большой. Ярко воспроизводится и архитектурный облик Тамбова: зданиями Александринского Института благородных девиц, Серафимовского духовного училища, Уткинской церковью и Покровским храмом.

Таким образом, повесть М. Кудимовой «Бустрофедон» представляет собой ценный краеведческий материал, позволяющий реконструировать исторический облик Тамбова. Рассмотрим тамбовские реалии на примере чётырех значимых локусов:

1. Улица Карла Маркса, или Карлушка.

«– Вот мы и на Карлушке, – сказала Бабуль потусторонне.

– Какой ещё Карлушке? – потрясённо спросила Геля, после верчения на рояльном стуле едва начавшая верить, что они всё-таки не перепутали город.

– Улица Карла Маркса. Моя мама его Карлушкой звала» [1, с. 120].

Улица Карла Маркса, бывшая Долгая, *«самая длинная и вечно грязная из-за оживлённого движения»*, становится ведущим локусом «Бустрофедона» [1, с. 138]. Место это как функциональное поле решает одновременно несколько задач. Во-первых, попадание главной героини туда равнозначно включению в конфликтную ситуацию. Взросление Гели начинается в деревне, в Туторовском, но большая часть жизнепостижения приходится именно на городской Двор Карлушки, вписанный в её сознание с большой буквы. Во-вторых, именно здесь происходит сближение планов повествования: пространство города старого и нового подчиняется течению одной жизни (интересно и то, что эту улицу Бабуль, единственную из многих, вспоминает не как «бывшую», но в её советском варианте).

В повести подробно описан *«одноэтажный, кирпичный, построенный, как и побеленный, минимум лет сто назад»* дом на Карлушке и его широкий Двор, представлявший собой *«усадьбу, где некий купец и его семья держали скотину, сад и огород, чаёвничали и торговали»* [1, с. 121, 157].

2. Булочная Толмачёвская и руины костёла на ближних улицах.

«Перпендикулярные Двору улицы Ленинградская и Кронштадтская примечательны тем, что на первой расположена булочная, называемая Толмачёвской, а на второй – мрачная руина костёла, в котором, по рассказам Бабуль, молились поляки, а теперь заводской цех и колючая обмотка по забору» [1, с. 102].

В основе локально-исторического метода лежит представление о самодовлеющей власти местности над сознанием человека. Так, закреплённые в сознании автора реалии отражаются в создаваемом им произведении. Другими словами, локусы, отображённые художником, неслучайны: это значимые для него как интерпретатора места. Это конкретные пространства со своей индивидуальной семантикой и символикой.

Для М.В. Кудимовой таким локусом становится булочная Толмачёвская, неоднократно упоминаемая на протяжении всего текста и представляемая в прошлом и настоящем, через призму восприятия Гели и Бабуль. Обнаруживая в повести автобиографичные черты, мы, таким образом, говорим о личной географии писателя.

Братья Толмачёвы – крупные купцы и общественные деятели – имели магазины и лавки в центре Тамбова и торговали хлебобулочными и кондитерскими изделиями [6, с. 841]. Улицу Гимназическую, ныне Коммунальную, с известной пекарней Толмачёвых, «где продавались сахарные, обвалянные в какао “папиросы” и “спички“», вспоминает в повести и Бабуль [1, с. 144]. Был хлебный магазин, по замечаниям краеведов, и на улице Большой (Советской), близ Семинарской (Ленинградской) [5, с. 33]. Он располагался на первом этаже кирпичного здания, принадлежавшего Толмачёву. Подтверждений тому, что и на Ленинградской

была их булочная, краеведческая литература не даёт. Возможно, в повести вспоминается магазин на соседней улице, к которому Геля могла проходить дворами Ленинградской улицы, потому и сохранившийся в памяти как «булочная на Ленинградской».

На улице же Кронштадтской, бывшей Покровской, и сегодня возвышается готический костёл Воздвижения Святого Креста. Переданное в 1939 году ремонтно-подшипниковому заводу здание за время его эксплуатации сильно пострадало. Краеведы пишут о разрушенных колокольнях, изуродованном фасаде и стенах, затопленном подвале [6, с. 385]. И потому в 1960-е годы костёл вполне походил на «мрачные руины».

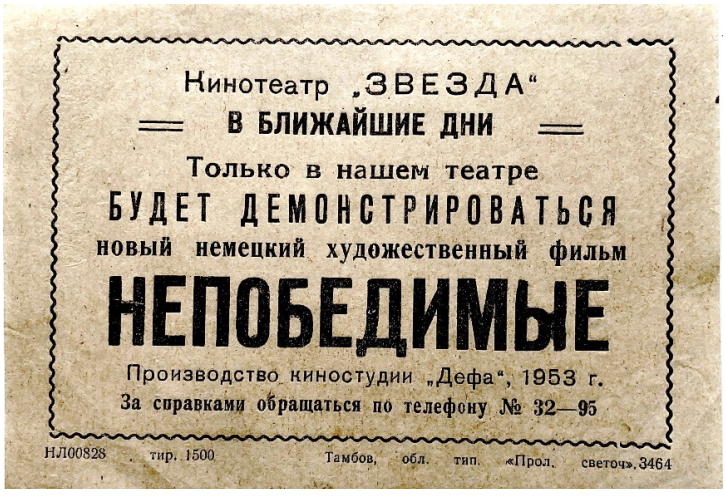
3. «Модерн» и «Звезда».

В самом названии кинотеатра заключается конфликт, осмысляемый М.В. Кудимовой в повести ‑ конфликт Тамбова старого и Тамбова нового. И этот локус, представленный в произведении в разное историческое время, воплощает собой сближение двух пластов повествования – единство губернского и советского Тамбова – бустрофедон жизни. И если слева направо – дореволюционный синематограф «Модерн», то справа налево – советский кинотеатр «Звезда» «с первыми сеансами по десять копеек» [1, с. 144, 168].

Кинотеатр «Модерн».
Вторая четверть XX в.

Действительно, электросалон «Модерн», долго сохранявший свое название, в 1952 году был переименован в «Звезду» [6, с. 495].

Рекламный лист кинотеатра «Звезда».
Тамбов. обл. тип. «Прол. светоч», 1950-е гг.

4. «Парк и развалившийся дворец».

Очевидно, что историческим прототипом «парка и развалившегося дворца», в котором прогуливаются Бабуль и Геля, является городская усадьба Асеевых, семьи крупного суконного фабриканта, расположившаяся на высоком берегу реки Цны в южной части Тамбова. Вспоминая годы учёбы в Институте благородных девиц, Бабуль так представляет внучке открывшееся пространство: «*Здесь жил попечитель нашего Института*» [1, с. 111].

Известно, что владелец усадьбы М.В. Асеев попечительствовал многим учебным заведениям Тамбова и Тамбовской губернии. К примеру, был почётным попечителем мужской гимназии, Толмачёвского трёхклассного мужского училища, женской гимназии Д.А. Пташник и др. [4, с. 27]. Но историко-краеведческая литература не приводит подтверждения участия фабриканта Асеева в содержании Александринского Института.

Более интересным с точки зрения краеведения представляется вопрос об историческом облике усадьбы Асеева. И в повествовании мы обнаруживаем описание усадебного парка: «*Под фонтаном Бабуль подразумевала, очевидно, что-то вроде огромного таза с высокими бортами в центре парка, куда дождь нанёс воды, и в нём плавал раскисший мусор. В центре таза торчал одинокий металлический штырь*» [1, с. 111].

С 1930-х годов в здании бывшего Асеевского дворца размещается санаторий, ведущий активную хозяйственную деятельность, в ходе которой развивается подсобное хозяйство и обустраивается парк, в котором устанавливается фонтан[5].

Почтовая карточка «Тамбов. Санаторий». 1950-е гг.
На обороте: «Дорогой тёте Лёле от Коли в день 8-го марта. 7 марта 1954 г.»

«– Здесь была прекрасная статуя, – сказала Бабуль печально.
– Бомба попала? – предположила Геля.

5 ГАТО. Ф. Р-4637. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 5.

– Нет, бомбы сюда не долетали. Глубокий тыл, – Бабуль всё не выходила из рассеянности. – Обнажённая натура донимала.

Геля поняла только, что статуя была голая» [1, с. 111].

Архивные документы свидетельствуют о том, что в мае 1938 года для парка был приобретён ряд скульптурных украшений, среди которых указана статуя физкультурницы[6]. Но на более поздних снимках, обнаруживая «огромный таз с высокими бортами», скульптуру мы не находим.

Открытка «Лечебный корпус кардиологического санатория». ЦРИБ «Турист», Москва, 1981 г.

Позволим себе сделать предположение, что скульптура была утрачена в период с 1960-х по 1970-е годы, и косвенное подтверждение тому мы находим в повести М.В. Кудимовой. Несмотря на то, что, подчиняясь художественным задачам, время в произведении сливается в единую продолжительную цепь бытия, упоминание таких рубежных событий, как запуск «Восхода» или полёт Гагарина в космос, позволяет установить временной отрезок – 1963–1964 годы. В это время Геля оказывается в парке разрушенного дворца и констатирует утрату статуи.

Таким образом, в повести М.В. Кудимовой «Бустрофедон» тамбовские реалии становятся не столько фоном, сколько средством художественной рефлексии. Автор последовательно воссоздаёт картину города как двуединый образ, в котором Тамбов старый и новый не просто противопоставлены, но находятся в сложном диалоге, конфликтном сосуществовании и взаимопроникновении, что позволяет М.В. Кудимовой открыть «бустрофедон жизни» на художественном уровне.

1. Тамбовские реалии в произведении выполняют структурообразующую функцию. Включение конкретных улиц, зданий, учреждений, «бывших» и современных, открывает конфликт города старого и нового и обеспечивает сосуществование в тексте двух временных перспектив: дореволюционный Тамбов

6. ГАТО. Ф. Р-4637. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 5.

представлен через призму восприятия Бабуль, советский – Гели. Таким образом, город становится пространством художественной рефлексии М.В. Кудимовой.

2. Выявленные историко-краеведческие соответствия позволяют реконструировать утраченные элементы городской среды, например, утрату парковой скульптуры физкультурницы в усадьбе Асеева в 1960–1970-е годы, что косвенно подтверждается текстом повести. Тем самым «Бустрофедон», воссоздавая исторический облик Тамбова, выступает как краеведческий источник.

3. На материале повести уточняется понятие «бустрофедон жизни», введенное М.В. Кудимовой. Для автора это не столько композиционный приём, сколько способ осмысления бытия как встречного движения старого и нового, в котором прошлое не уходит бесследно, но проступает сквозь настоящее. Именно эта двунаправленность становится ключом к творческой индивидуальности автора: М.В. Кудимова создаёт образ города, лишённый ностальгической идеализации, утверждающий ценность памяти как условия целостного восприятия времени.

Таким образом, тамбовские реалии, воссозданные М.В. Кудимовой в повести «Бустрофедон», с одной стороны, представляют широкий краеведческий материал для исследователя, с другой – позволяют постичь творческую индивидуальность автора.

Список литературы

1. *Кудимова М.В.* Бустрофедон. Повести и рассказы. – М.: Арт Хаус медиа, 2017. – 282 с.
2. *Муравьёв Н.В.* Улицы и площади Тамбова. – Тамбов: Взгляд, 1994. 176 с.
3. *Полякова Л.В.* Филологическая регионалистика как наука: к постановке проблемы // Филологическая регионалистика. – 2015. – № 3-4 (15-16). – С. 7-16.
4. *Середа В.П., Машенкова И.О.* Асеевы и их окружение / авт. В.П. Середа, И.О. Машенкова, авт. вступ. ст. С.А. Чеботарёв. – Тамбов: «Студия печати Галины Золотовой», 2015. – 158 с.
5. Тамбов: справ.-путеводитель (юго-вост. часть) / А.А. Горелов, Ю.К. Щукин. – Тамбов: Тамб. тип. «Пролетар. светоч», 2003. – 246 с.
6. Тамбовская энциклопедия / Администрация Тамб. обл.; гл. науч. ред. А.Ю. Ильин. – 2-е изд., испр., доп. и перераб. – Тамбов: Центр поддержки музейного дела «Провинциальные усадьбы», 2020. – 1016 с.

Алла
НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Жажда правды и права…

Статья

Творчество Фёдора Михайловича Достоевского (1821 – 1881) – одно из вершинных достижений русской классической литературы – справедливо уподобляют космосу. Созданный писателем художественный мир столь грандиозен по масштабам мысли и чувства, глубине духовных проникновений, что представляет собой своего рода необъятную вселенную.

Феномен Достоевского заключается в том, что интерес к нему во всём мире не только не ослабевает, но со временем всё более возрастает. Ведущие университеты Западной Европы, США, Японии и других стран уже давно и достаточно глубоко изучают творчество великого русского классика не только на факультетах филологии, но и философии, психологии, юриспруденции, социологии, смежных дисциплин. Но в своём Отечестве Достоевского-пророка вспоминают по преимуществу в годы «круглых» дат. **С сожалением приходится признать, что Россия в этом отношении выступает в парадоксальной трагикомической ситуации «сапожника без сапог», оставляя труды своего выдающегося соотечественника, равно как и многие другие духовные ценности, на периферии общественного сознания.** В то же время освоение открытий писателя может принести не умозрительные, а практически насущные результаты для создания прочного духовно-нравственного фундамента современного общества.

В своих трудах Достоевский остро поставил ряд кардинальных для человечества тем и проблем: какова природа добра и зла; как уживаются в душе человека стремление к саморазрушению и самовосстановлению – «идеал содомский» с «идеалом Мадонны»; в чём сущность и назначение жизни; как преобразовать мир на основах духовности, нравственности, уважения достоинства личности; как соединить в нераздельное целое справедливость, законность, правосудие. Ответы на эти и другие «вечные» вопросы, над которыми издревле бьётся человеческое сознание, выдающийся художник и мыслитель оставил в своих произ-

ведениях, которые сегодня воспринимаются как пророчество, провозвестие, как дар и задание непрестанного совершенствования.

«Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей», – говорил Достоевский. Он выражал твёрдое убеждение в том, что «люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле». В новом тысячелетии современное человечество живёт всё теми же грядущими упованиями. «А между тем так это просто: в один бы день, в один бы час всё бы сразу устроилось! – утверждает писатель устами героя своего «фантастического рассказа» **«Сон смешного человека»** (1877). – Главное – люби других как себя, вот что главное, и это всё, больше ровно ничего не надо: тотчас найдёшь, как устроиться. А между тем ведь это только – старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же!» Выраженный в предельно простой и всякому понятной форме христианский идеал, заповеданный в Евангелии, к которому обращается классик – «*возлюби ближнего твоего, как самого себя*» (Мк. 12: 31), – по высоте духовного задания оказывается до сих пор непосильным, недосягаемым и непревзойдённым. Новый Завет вечно нов и всё так же принадлежит горизонту нездешнего бытия.

Исследуя духовную природу человека и состояние общества, писатель-пророк в своих открытиях предвосхищал будущее. Его предвидения и предчувствия подтверждаются движением истории. В.Ф. Переверзев в статье к 100-летию классика проводил мысль об острой современности его творчества в «в момент катастрофического разрушения» старого мира: «Говорить о Достоевском для нас всё ещё значит говорить о самых больных и глубоких вопросах нашей текущей жизни <…> Читайте Достоевского, и вы многое поймёте». Пережив в очередной раз катастрофическое разрушение устоявшегося, сегодня мы также можем присоединиться к этой оценке.

Хаотическое состояние капиталистической России в «наше зыбучее время», когда традиционные ценности и сами понятия о добре и зле начали мериться «аршином близорукой выгоды», стали размытыми, относительными, охарактеризовано в романе **«Бесы»** (1872): «точно с корней соскочили, точно пол из-под ног у всех выскользнул». Прочную опору в этом шатком мире писатель обрёл в православной вере с её идеалами жертвенной любви к Богу и ближнему, «потому что Православие – всё». Эту отточенную формулу заносит Достоевский в свои записные книжки, хранящие столь же заветные мысли: «Нации живут великим чувством и великою, всё освещающей снаружи и внутри мыслью, а не одною лишь биржевой спекуляцией и ценою рубля»; «В Европе – выгода, у нас – жертва…»; «Русский народ весь в Православии и идее его». Писатель усматривал в Православии не одну только догматику, но главное – живое чувство, живую силу: «Вникните в Православие, это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве <…> есть одно человеколюбие, один Христов образ – по крайней мере это главное».

Формально-показная, официозная набожность, во многом принятая в настоящее время, ведёт к тому, что от Бога остаётся «мёртвый образ, которому по-

клоняются в церквах по праздникам, но которому нет места в жизни». Об этом размышлял писатель в своём последнем романе **«Братья Карамазовы»** (1881). Герой романа – чистый сердцем и помыслами Алёша Карамазов – старается следовать евангельскому завету «раздай всё и иди за Мной». В отличие от фарисействующих псевдопоследователей Христа, пытающихся с выгодой приспосабливать «под себя» Божьи заветы, Алёша стремится к абсолютному идеалу – Христу: «Не могу я отдать вместо "всего" два рубля, а вместо "иди за Мной" ходить лишь к обедне».

Идейно-художественная система Достоевского в целом сформировалась на почве его глубоко религиозного мировоззрения. Основы христианского мировидения и нравственного развития личности изначально закладывались в традициях семейного воспитания. Русская семья имела утраченный ныне статус «малой церкви», где дом – храм; очаг – алтарь; семейный уклад – благочестие; идеал – любовь к Богу и ближнему; дружелюбие и взаимопонимание между чадами и домочадцами. Достоевский вспоминал: «…я происходил из семейства русского и благочестивого… Мы в семействе нашем знали Евангелие, чуть ли не с первого года». Самые ранние детские переживания религиозного характера писатель хранил всю жизнь. Он запомнил, как около трёх лет отроду прочёл при гостях молитву: «*Всё упование, Господи, на Тя возлагаю, Матерь Божия, сохрани мя под кровом своим*», – чем привёл всех в состояние радостного умиления; как в церкви мать причащала его, двухлетнего, и как «голубок пролетел из одного окна в другое». Возможно, эти первые сокровенные впечатления способствовали пробуждению в ребёнке «нового, уже сознающего себя и мир человека».

Детская непосредственная религиозность, примиряющая веру с рассудком, впоследствии укрепилась осознанным убеждением. **«Записная книжка»** писателя содержит глубоко выстраданное признание: «Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла».

В своей собственной семье Достоевский был нежным и заботливым отцом, талантливым педагогом и воспитателем, внимательным ко всем проявлениям детской натуры. Он делал всё, «что можно бы сделать трудом и любовью, неустанной работой над детьми и с детьми, всё, чего можно было бы достигнуть рассудком, разъяснением, внушением, терпением, воспитанием и примером». «Главная педагогия – родительский дом», – уверен писатель. Основой его воспитательной системы явилась религиозно-философская идея о человеке как «венце творения», об уникальности и неповторимой ценности каждой человеческой личности. О своём первенце – дочери Соне – Достоевский писал поэту А.Н. Майкову в мае 1868 года: «Это маленькое трёхмесячное <создание>, такое бедное, такое крошечное – для меня было уже и лицо, и характер». В очерке **«Фантастическая речь председателя суда»** (1877) читаем: «у ребёнка, даже у самого малого, есть тоже и уже сформировавшееся человеческое достоинство». Этот тезис получил глубокую разработку в трудах Достоевского задолго до принятия Всеобщей декларации прав человека (1948), где в первой же статье утверждается право каждого на достоинство от рождения: «Все люди рождаются свободными

и равными в своём достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

Указанный декларативный призыв к мировому сообществу до сих пор остаётся нереализованным благим пожеланием. Во многом потому, что во главу угла человеческих взаимосвязей ставятся товарно-денежные отношения, расчёт, эгоистический интерес, что в свою очередь влечёт подмену Бога ложными кумирами и бездушными идолами. Служение «золотому тельцу» неизбежно ведёт к звериным установкам типа «глотай других, пока тебя не проглотили», в итоге – к духовно-нравственному одичанию и вырождению.

Современное прочтение романа **«Братья Карамазовы»** – художественного и духовного завещания писателя – показывает, что его тревожные предчувствия сбываются с поразительной точностью. Вот одно из текстуальных подтверждений: «не исказился ли в нём [мире. – А.Н.-С.] лик Божий и правда Его? У них наука, а в науке лишь то, что подвержено чувствам. Мир же духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью. Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: “Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай” <…> И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных – зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности ещё не указали. <…> куда пойдёт сей невольник, если столь привык утолять бесчисленные потребности свои, которые сам же навыдумывал? В уединении он, и какое ему дело до целого. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше».

Ни наука, ни социальные реформы не способны вывести человека и общество из разъедающего состояния всеобщей уединённости. На бессилие рациональных, прагматических подходов, их духовно-нравственную несостоятельность указывал писатель: «Никогда люди никакою наукой и никакою выгодой не сумеют безобидно разделиться в собственности своей и в правах своих. Всё будет для каждого мало, и все будут роптать, завидовать и истреблять друг друга». Достоевский предупреждал о том, что поглощённость материальными интересами, рост индивидуализма и катастрофический распад личности при утрате высших идеалов и веры в Бога приведут человечество к антропофагии (людоедству).

Духовное начало, «искра Божья» – первостепенное, что выделяет человека среди других существ. В то же время «сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека». Писатель справедливо полагал, что для становления личности одного разума, образованности недостаточно, поскольку «образованный человек – не всегда человек честный и что наука ещё не гарантирует в человеке доблести». Более того – «образование уживается иногда с таким варварством, с таким цинизмом, что вам мерзит».

Родителям, наставникам, учителям – всем тем, кому доверено воспитание юных душ, – необходимо постоянно заботиться о самовоспитании и самодис-

циплине: «ревностный отец даже должен иногда совсем перевоспитать себя для детей своих». «Мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже, – говорил писатель. – И если мы учим их чему-нибудь, чтобы сделать их лучше, то и они нас делают лучше нашим соприкосновением с ними. Они очеловечивают душу нашу». В **«Братьях Карамазовых»** выражена заветная мысль об особенной, «ещё в ангельском чине», природе ребёнка: «Дети, пока дети, до семи лет, например, страшно отстоят от людей: совсем будто другое существо и с другою природой». Всё это обращает к евангельской заповеди «Будьте как дети». Христос говорит ученикам: *«если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное»* (Мф. 18: 3).

Писатель следил за религиозно-нравственным формированием своих детей и указывал на громадное универсально-воспитательное воздействие Священного Писания: «Библия принадлежит всем, атеистам и верующим равно. Это книга человечества». На пороге инобытия он читал детям новозаветную притчу о блудном сыне. И умер с Евангелием в руках. Новый Завет, провожая писателя в вечность, открылся на словах Христа: *«не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду»*.

Современники Достоевского сохранили воспоминания о его отношении не только к собственным, но и к чужим детям. Их судьбы постоянно тревожили сознание и душу: «Дети – странный народ. Они снятся и мерещатся». Христианское воспитательное credo Достоевского получило многообразное воплощение в письмах, дневниках, заметках, публицистике; наиболее глубокую разработку – в художественном творчестве, во всех без исключения произведениях. Можно утверждать, что творчество писателя в целом – своего рода «религиозно-педагогическая поэма».

Так, **«Подросток»** (1875) – в полной мере «роман воспитания». Главный герой – вступающий в жизнь юноша Аркадий Долгорукий – порабощён ложной идеей «стать Ротшильдом». Он считает, что «деньги – это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество». В черновиках к «Подростку» охарактеризована ситуация, на почве которой вырастают идеи преступной наживы: «Треснули основы общества под революцией реформ. Замутилось море. Исчезли и стёрлись определения и границы добра и зла. <…> Нынче честно не проживешь». В то же время, по убеждению писателя, «основные нравственные сокровища духа, в основной сущности по крайней мере, не зависят от экономической силы». Подросток постепенно освобождается от маниакальной цели обогащения, достигаемого любыми способами. В стремлении к праведной жизни происходит «восстановление падшего человека».

В **«Подростке»** и **«Дневнике писателя»** Достоевский исследовал также проблему «разложения семейного начала» и пришёл к выводу, что «случайность современного русского семейства <…> состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь. <…> самое присутствие

этой общей, связующей общество и семейство идеи – есть уже начало порядка, то есть нравственного порядка, конечно, подверженного изменению, прогрессу, поправке, положим так, – но порядка».

С утратой общей идеи и идеалов также изнутри подрывается лад современной семьи. Понятия: супружество, семья, отцовство, материнство, детство – духовно опустошаются, становятся лишь правовыми категориями и терминами Семейного и Гражданского кодексов. Отношения в семье зачастую строятся не на незыблемом «камне» духовно-нравственного фундамента, а на «песке» формальной юридической связи сторон брачного контракта, гражданско-правового договора, наследственного права и т.п. Если нет глубинной духовной опоры, скрепляющей семейный очаг, то семья неизбежно становится ненадёжной, зыбкой, «случайным семейством» – по определению Достоевского.

«Больные» вопросы: «как и чем и кто виноват?»; как прекратить детские страдания; как «сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё» – с особенной силой поставлены в «великом пятикнижии» («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»). Среди основных идей последнего романа – сокровенная мысль: достижение мировой гармонии «не стоит <…> слезинки хотя бы одного только <…> замученного ребёнка».

По воспоминаниям известного русского юриста, литератора и общественного деятеля А.Ф. Кони, Достоевский «безгранично любил детей и старался своим словом и нередко делом ограждать их и от насилия, и от дурного примера. <…> Но с детьми для юриста связан, помимо святой задачи их защиты от насилия и нравственной порчи, ещё один из важнейших и труднейших вопросов <…> – о применении к ним уголовной кары». Знаменитый адвокат настоятельно советовал коллегам-юристам сверяться в своих решениях с Достоевским: «… всякий, кто захочет вдумчиво подвергать детей карательному исправлению, не раз должен будет искать совета, разъяснения, поучения на страницах, написанных их <…> другом и заступником».

Посещая колонию малолетних преступников, Достоевский приходит к выводу о том, что именно «зверски равнодушное» отношение государства и общества к молодому поколению вытравляет в юных душах «всякие следы человечности и гражданственности». Писатель нашёл «недостаточными» имеющиеся в арсенале юридической системы «средства к переделке порочных душ в непорочные».

«Если что и охраняет общество даже в наше время и даже самого преступника исправляет и в другого человека перерождает, то это опять-таки единственно лишь закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести», – размышлял Достоевский в романе «Братья Карамазовы». Свои чаяния он выразил устами «русского инока» старца Зосимы: «…если бы всё общество обратилось лишь в церковь, то не только суд церкви повлиял бы на исправление преступника так, как никогда не влияет ныне, но, может быть, и вправду самые преступления уменьшились бы в невероятную долю. Да и церковь, сомнения нет, понимала бы будущего преступника и будущее преступление во многих слу-

чаях совсем иначе, чем ныне, и сумела бы возвратить отлучённого, предупредить замышляющего и возродить падшего».

Утрата веры в Бога и бессмертие, заглушающая голос совести, ведёт к преступной теории «всё позволено», к власти «элиты» над «муравейником», «слабосильными бунтовщиками», которые под конец «станут послушными». «Покорное стадо» не в силах вынести свободы, а значит – и нравственной ответственности, данной Христом, и принесёт эту свободу к ногам «избранных». В легенде Ивана Карамазова о «великом инквизиторе» этот наследник Римской империи строит свою власть на «чуде, тайне, авторитете» – на всём том, что отверг Христос, преодолевая дьявольские искушения. Инквизитор по-прежнему манит людей идеалом Христа: «…мы скажем, что послушны Тебе и господствуем во имя Твоё. Мы их обманем опять, ибо Тебя мы уж не пустим к себе». В действительности власть отреклась от Бога и служит силе, противоположно направленной: «Мы не с Тобой, а с ним, вот наша тайна!<…> мы взяли от него то, что Ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал Тебе, показав Тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными».

Именно антихристианское, языческое римское право лежит в основе современного российского законодательства. Сегодня вдумчивые учёные констатируют неразработанность в праве аксиологических и антропологических подходов. По справедливому суждению современных правоведов, «в правовой науке мы привыкли заниматься непосредственными “замерами” правовых явлений: преступности, деликатности, знания права населением и т.д. <…> Наше право всё более вырождается в наукообразное законодательство <…> Отечественное право должно измениться. Юриспруденция, построенная на римских <кабальных> формулах, должна обрести новую творческую форму в русском правовом психологизме, выразителем которого был Ф.М. Достоевский». Вопросы, поднятые в творчестве классика, – «об абсолютном праве, об отношении права к вечным ценностям – к вере, Истине, справедливости» – не могут и не должны оставаться на задворках общественно-правового сознания.

Современная Европа, считает Достоевский, пошла по пути «великого инквизитора»: «…во многих случаях там церквей уже и нет вовсе, а остались лишь церковники и великолепные здания церквей, сами же церкви давно уже стремятся там к переходу из низшего вида, как церковь, в высший вид, как государство, чтобы в нем совершенно исчезнуть. Так, кажется, по крайней мере в лютеранских землях. В Риме же так уж тысячу лет вместо церкви провозглашено государство». Церкви в государстве отводится «как бы некоторый лишь угол, да и то под надзором, – и это повсеместно в наше время в современных европейских землях». В том же направлении развиваются нынешние российские государственно-церковные отношения.

Путь православной России, по Достоевскому, должен быть иным: «По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить

тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более».

В дискуссии о церкви и государстве старец Зосима, несмотря на скепсис оппонентов («это, стало быть, осуществление какого-то идеала, бесконечно далёкого, во втором пришествии. <…> Прекрасная утопическая мечта об исчезновении войн, дипломатов, банков и проч.»), выражает несомненную веру в преображение жизни: «Правда, <…> теперь общество христианское пока ещё само не готово и стоит лишь на семи праведниках; но так как они не оскудевают, то и пребывает всё же незыблемо, в ожидании своего полного преображения из общества как союза почти ещё языческого во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сие и бу́ди, бу́ди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено совершиться! И нечего смущать себя временами и сроками, ибо тайна времён и сроков в мудрости Божией, в предвидении Его и в любви Его. И что по расчёту человеческому может быть ещё и весьма отдалённо, то по предопределению Божьему, может быть, уже стоит накануне своего появления, при дверях».

Одна из важнейших в системе идей Достоевского – мысль о личной нравственной ответственности каждого за состояние собственной души и за судьбы целого мира: «…всякий человек за всех и за вся виноват, помимо своих грехов <…> И воистину верно, что когда люди эту мысль поймут, то настанет для них Царствие Небесное уже не в мечте, а в самом деле». С точки зрения писателя, заниматься социально-политическими преобразованиями прежде христианского преобразования души человеческой – всё равно, что ставить телегу впереди лошади: «Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше, чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства».

На упреки в утопизме писатель отвечал, что он лишь «реалист в высшем смысле». Всё сбывается по Достоевскому. Жизнь подтверждает глубокую правоту его заветных идей. Писатель оставил неординарные и не лёгкие для исполнения заветы: не дать «низложить ту веру, ту религию, из которой вышли нравственные основания, сделавшие Россию святой и великой»; «войти в борьбу» с «ужасными впечатлениями», «мрачными картинами», «искоренить их и насадить новые» – «чистые, святые и прекрасные». За прошедшее время значимость этих задач нисколько не уменьшилась.

Опыт писателя по религиозно-философскому, социально-психологическому, этико-эстетическому осмыслению проблем бытия – «Жажда правды и права», как формулировал Достоевский, – по-прежнему требует серьёзного освоения и может сыграть неоценимую роль в духовно-нравственном развитии наших соотечественников, если они прекратят уподобляться библейским иудеям, гнавшим «пророков в своём Отечестве».

Авторы «Тамбовского альманаха»

Башмакова Надежда Львовна – *автор персональных сборников стихов «Вам не пройти моих дорог» (2004) и «Соло души» (2026). Стихи вошли в сборники творческого объединения «Откровение», созданного членом Союза писателей России Л.И. Котовой, и в сборники стихов педагогов, изданные под эгидой областного комитета профсоюза Тамбовской области. В соавторстве с заслуженными работниками культуры О.И. Егоровой и Ю.П. Юнкеровым написано более двадцати песен. Победитель регионального конкурса «С малой родиной я говорю».*

Берсенев Сергей Витальевич – *поэт, Секретарь Союза писателей России, Первый заместитель Председателя Правления МОО Союза писателей России, заслуженный писатель МОО Союза писателей России, лауреат областных общественно-литературных премий «Золотое перо Московии», «Сердце Мещеры», «Белые крылья Непрядвы», «Солнце» имени Владимира Маяковского, имени Ярослава Смелякова, победитель общественно-литературной премии «Русь моя-2019» имени Сергея Есенина, обладатель звания «Золотое перо Руси».*

Борода Елена Викторовна – *писатель, литературный критик, доктор филологии, доцент ТГУ им. Г.Р. Державина. Автор повестей для подростков (издательства «Эксмо», «Аквилегия-М», «Речь», «КомпасГид»). Лауреат Международной премии В.П. Крапивина (2011), финалист премии «Книгуру» (2018). Публиковалась в журналах «Вопросы литературы», «Русская словесность», «Октябрь», «Библиотека в школе» и др. Выступает официальным оппонентом на защитах докторских диссертаций по проблематике детской литературы в ведущих вузах России (МГУ имени М.В. Ломоносова, РУДН). Член экспертного совета по программе возрождения традиции детского чтения филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.*

Бубенцов Андрей Леонидович – *художник-график, художник-живописец, член Союза художников России. Родился в 1962 году в селе Ново-Озёрное Алтайского края, окончил Пензенское художественное училище, Московский полиграфический институт. Работал в Тамбовских художественно-производственных мастерских художником-оформителем. Один из основателей группы тамбовских художников «На Крыше». Лауреат премии Тамбовской области имени А.М. Герасимова, организатор более 25-ти персональных выставок. Руководитель арт-студии «Ступени».*

Волчихин Михаил Васильевич – *поэт, член Союза писателей России. Родился в 1958 году в д. Егоровка Знаменского района Тамбовской области. Окончил филологический факультет Тамбовского педагогического института. С 1987 года живёт в г. Жердевке. Работал в редакции местной газеты, в органах местного самоуправления, в ПАО «Ростелеком» Публиковался в региональных СМИ, в журналах «Литературный Тамбов» и «Подъём» (Воронеж), в коллективных сборниках. Автор трёх поэтических сборников «Ясень», «Мы возвращаемся», «Я этот мир запоминаю». Руководитель ЛитО «Парус».*

Доровских Сергей Владимирович – *прозаик, публицист, член Союза писателей России. Родился в 1986 году в Тамбове. Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Молодая гвардия», «Подъём», «Памир», «Странник», «Новая Немига литературная», «Тамбовский альманах». Автор восьми книг прозы, публикуется в издательстве Сретенского монастыря. Лауреат литературных премий: имени Л.М. Леонова, имени В.А. Богданова, лауреат международного конкурса духовной литературы «Молитва», победитель конкурса «В поисках правды и справедливости» (2018). Член Общественной палаты Тамбовской области.*

Ерёменко Анатолий Михайлович (Анатолий Гончар) *(06.01.1965 – 31.07.2023) – Герой России, член Союза писателей России. Родился в с. Хорошавка Инжавинского района Тамбовской области. Срочную службу проходил в Афганистане, участвовал в КТО на Северном Кавказе. Награждён орденом Красной Звезды, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» (с мечами) I и II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и др. Погиб при выполнении воинского долга в специальной военной операции по освобождению Донбасса. Автор более двадцати книг прозы, вышедших в издательстве «Эксмо», и пяти стихотворных сборников. Победитель литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» (диплом им. генерала М. Скобелева). Лауреат премии «Во славу Отечества». Лауреат специальной премии литературного конкурса «Щит и меч Отечества».*

Ермакова Марина Евгеньевна – *поэт, прозаик, член Союза литераторов РФ, член литературного объединения «Радуга». Лауреат литературного конкурса «Преображение России» им. С.Н. Сергеева-Ценского (2020), открытого литературного конкурса «Золото слова» (2025), регионального творческого конкурса «С малой родиной я говорю…» Автор четырнадцати книг, публиковалась в литературных изданиях Тамбова, Москвы, Волгограда, Костромы и Новокузнецка*

Знобищева Мария Игоревна – *поэт, прозаик, критик, член Союза писателей России. Кандидат филологических наук. Публиковалась в журналах: «Наш современник», «Подъём», «Волга – XXI век», «Нева», «Вопросы литературы», «Крещатик», «Пересвет», в «Литературной газете», на сайте «Российский писатель» и др. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, Международной литературной премии им. А.И. Казинцева «Я верю в человека», премии им. Ю.П. Кузнецова, лауреат X Международного конкурса имени С.В. Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков, Всероссийского литературного конкурса «Преображение России» имени С.Н. Сергеева-Ценского, дипломант Международного Волошинского фестиваля. В 2021 г. признана «Лучшим поэтом года» по версии Союза писателей России. Руководитель Центра творческого развития детей «Мир слова» при ЦДБ им. С.Я. Маршака г. Тамбова.*

Матвейкина Татьяна Валентиновна *родилась в г. Котовске Тамбовской области. Окончила Котовский индустриальный техникум, работала на лакокрасочном заводе, позднее перешла на службу в пожарную часть, охранявшую завод. В 1982 году окончила курсы при высшей инженерной пожарно-технической службе в г. Ленинграде. Майор внутренней службы в отставке. Посещала занятия Литературной сту-*

дии при ЦГБ им. В.В. Маяковского г. Котовска, печаталась в городской газете «Наш Вестник». Лауреат городской премии имени В.И. Герасина (2022), дипломант регионального творческого конкурса «С малой родиной я говорю…» (2025).

Михайлова Александра Анатольевна – *прозаик, публицист, член Союза писателей России. Родилась в 1984 г. в Тамбове. Окончила ТГУ им. Г.Р. Державина, институт филологии. Корреспондент газеты «Наш город Тамбов» и Тамбовской областной общественно-церковной газеты «Колокольный звон», главный редактор сайта www.palomnik.land. Автор рассказов и научных статей в области литературоведения. Автор книг для детей и семейного чтения «Доброе дело» (2019) и романа «Дворяночка» (2023). Дипломант национальной премии «Искра» в номинации «Фельетон» (2011), три призовых места в конкурсе журналистских работ администрации Тамбова «Три пчелы» (2015), медаль «За развитие русской мысли» им. Ивана Ильина (2015).*

Николаева Александра Николаевна – *поэт, историк, член Союза писателей России. Родилась в Тамбове, окончила ТГУ имени Г.Р. Державина. Кандидат исторических наук. Работает в ТОУНБ им. А.С. Пушкина. Автор четырёх поэтических сборников, публикаций в журналах «Нева», «Молодая гвардия», «Подъём», «Петровский мост», «Новый Орёл + XXI век», «Веретено». Лауреат I Всероссийского литературного конкурса «Преображение России» им. Сергеева-Ценского, премии журнала «Петровский мост», дипломант II Персональной международной литературно-исторической премии «Сильные духом» им. Людмилы Лазебной в номинации «Поэзия». Организатор проекта литературное кафе «Пушкинский чердак», поэтический куратор творческой студии «ШАТЁР» для молодых людей с ограниченными возможностями здоровья.*

Новикова-Строганова Алла Анатольевна – *доктор филологических наук, профессор, историк литературы, член Союза писателей России. Автор четырёх монографий и свы-ше 500 научных и публицистических работ о творчестве классиков мировой литературы. Обладатель Золотого Диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат премий журналов: «Зарубежные записки» (2014), «Наш современник» (2018), Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н.С. Лескова (2020), премии «Российского писателя» (2021, 2022). Работы опубликованы в научно-популярных и общественно-литературных изданиях России и других стран. Член Диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям «Русская литература», «Зарубежная литература» Орловского ГУ им. И.С. Тургенева.*

Остриков Виктор Сергеевич – *прозаик, скульптор, художник. Член Союза писателей и Союза художников России. Родился в г. Уральске в 1949 г. Окончил Ленинградское училище им. В. Серова по классу скульптуры. С 1980 года проживает в Тамбове. Участник региональных и всесоюзных художественных выставок. Автор повести «Остров атамана Харко», сборника рассказов «Ночное бдение», книги «Бобровое озеро». Публиковался в журналах «Подъём», «Литературный Тамбов», в «Тамбовском альманахе», в «Рассказ-газете». Награждён почётными грамотами администрации Тамбовской области и Тамбовской областной Думы, Серебряной медалью Союза художников России. Лауреат Государственной премии ЦФО.*

Селивёрстов Владимир Иванович – *прозаик, краевед, ветеран МВД, адвокат, член Союза писателей России. Родился в 1945 г. в Котовске. Окончил Волгоградскую высшую следственную школу МВД СССР. Автор серии исторических романов, в том числе, о тамбовском правителе Г.Р. Державине, о губернаторах: П.А. Нилове, Д.Р. Кошелеве, А.М. Безобразове, И.С. Миронове, фон дер Лауницe и многих других. Лауреат литературной премии МВД «Доброе слово» и региональной премии имени Е.А. Боратынского. Организатор творческих встреч и литературных концертов «Трегуляевские среды».*

Сорокина Наталия Владимировна – *филолог, литературовед, педагог. Родилась в Тамбове. Окончила Тамбовский государственный педагогический институт (ТГПИ,1994, ныне ТГУ им. Г. Р. Державина). Работала учителем русского языка и литературы. Доктор филологических наук (2007). Преподаватель ТГУ им. Г. Р. Державина (с 1995 г.). Заместитель директора Института русской филологии по учебной работе (2007–2010). Заведующий отделением русской филологии Института филологии (2010–2015). Профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Руководитель образовательной программы по направлению «Филология» (с 2015 г.). Член методического объединения по классическому университетскому образованию (при МГУ им. М. В. Ломоносова). Область научных интересов: творчество прозаика и драматурга Л. М. Леонова; история русской литературы XX в.; история русской литературной критики; литературная регионалистика. Организатор и участник всероссийских и международных научных конференций по славянской культуре, по творчеству писателя Е. И. Замятина. Награждена нагрудным знаком «За заслуги перед ТГУ им. Г. Р. Державина» (2010).*

Тарасов Александр Васильевич – *поэт, прозаик, член Союза писателей и Союза журналистов России. Родился 2 марта 1952 г. в Шебекино. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. Стихи и рассказы печатались в столичных журналах «Костёр», «Наш современник», «Звезда полей», «Подъём». Автор книг: «Соседи», «Я молюсь за Россию», «Никто не уходит навсегда», «Гармоника ветров». Лауреат премии «Прохоровское поле» 2017 года за книгу «Вдоль по улице, да по Леоновке», а также за книгу для детей «Дикий гусь».*

Хапланова Елизавета Николаевна – *поэт, публицист, краевед. Заместитель Ответственного секретаря Правления Союза писателей России. Родилась в Донбассе, очевидец Русской весны и войны 2014-2021гг. Окончила Харьковский университет внутренних дел и ВЛК Литературного института им. Горького. Автор восьми книг. Лауреат литературных премий. Главный редактор литературного журнала «Пять стихий». Автор литературно-патриотического проекта «Слово Донбасса». Участник творческих десантов в зону Специальной военной операции. Отмечена Благодарственным письмом Президента РФ, наградами МО и Минкульта РФ, в том числе за создание патриотических проектов, реализуемых в условиях военных действий.*

Цветкова Надежда Павловна – *поэт, член Московской областной организации СП России. Родилась в Подмосковье, дебют состоялся в 1986 году в альманахе «Поэзия», автор семи поэтических сборников, кавалер «Золотой Есенинской медали», «Медали*

имени Ивана Бунина», лауреат премии МОО СП России «Золотое перо Московии». Лауреат литературного конкурса «Золотой диплом» имени Марины Цветаевой. Стихи опубликованы на сайтах «Жемчужины мысли», «Антология женской поэзии», «Стихи о русской словесности». Живёт в городе Жуковский Московской обл.

Чеботарёв Сергей Алексеевич – *советник главы Тамбовской области, проректор ТГУ имени Г.Р. Державина. Родился в 1971 г. в Мучкапском районе Тамбовской области. Окончил ТГПИ по специальности «история». Кандидат исторических наук. Победитель регионального конкурса «Учитель года». Занимал должности начальника Управления культуры и архивного дела области, мэра г. Тамбова, вице-губернатора Тамбовской области (2009-2017). Автор книг «Беспокойные люди. Провинциальные истории не провинциальной религиозной жизни СССР», «Тамбовская епархия 40-60-х гг. XX века», «Храмы Тамбовской епархии», а также нескольких других. Лауреат премии «Золотая маска – 2014» Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени.*

Черняк Станислав Владленович – *поэт, прозаик, общественный деятель, председатель правления Тамбовского регионального отделения Союза писателей России. Автор пяти поэтических книг, романа-трилогии «Мы, Николай II» и серии научно-познавательных книг для детей. Произведения публиковались в литературных изданиях «Нева» (Санкт-Петербург), «Подъём» (Воронеж), «Белая скала» (Республика Крым), «Петровский мост» (Липецк), «Александръ» и «Паровозъ» (Москва) и др. Лауреат IV Всероссийского литературного конкурса «Преображение России» им. С. Н. Сергеева-Ценского в номинации «Поэзия. Думы и грёзы» (2024), всероссийских творческих конкурсов «По праву памяти» (2025) и «Серебряные крылья» ВКС России (2025), II Открытого музыкально-патриотического конкурса Московского региона «Служим Отечеству» (2026) и регионального конкурса «С малой родиной я говорю…» (2022, 2023). Награждён памятными медалями Московского международного конкурса детской литературы им. А. Л. Барто и литературной премии ЦФО «Земля героев» Союза писателей России.*

Чистякова Елена Викторовна – *прозаик, баснописец, работает в жанре фольклорного повествования с использованием южнорусского говора. Член Союза писателей России. Автор книги повестей «Житейские истории», серии популярных книг «Сказы деда Савватея», серии книг «Современные басни», а также автобиографической повести «Бережком вдоль Громушки, бегущей по камешкам». Публиковалась в «Тамбовском альманахе», в журналах «Молодая гвардия», «Губернский стиль», «Литературный Тамбов», в сборнике очерков и рассказов издательства «Художественная литература». Победитель Первой Всероссийской премии «Сказитель Руси».*

Шишкин Александр Владимирович – *филолог, переводчик. Родился в 1972 г. в Москве. Правнук В.И. Агапкина, военного дирижёра и композитора, автора марша «Прощание славянки». Популяризирует творчество своего прадеда. В 2024 г. вышло составленное им нотное издание «Собрание сочинений В.И. Агапкина. Партитуры для духового оркестра с авторскими и новейшими оркестровками оригинальных музыкальных произведений Агапкина, а также его аранжировок и инструментовок».*

Инициирует выставки, посвященные Агапкину, созданные на основе материалов семейного архива и экспозиций различных музеев. Читает лекции и участвует в семинарах по биографии автора «Прощание славянки», пишет статьи на данную тему.

Юдин Александр Николаевич – *член Союза Белгородских литераторов, создатель и руководитель историко-поискового клуба «За Родину!», горноспасатель. Родился в 1972 г., проживает в г. Губкин. Автор романа «Чести не уронив», сборника очерков «Никто кроме нас», повестей и рассказов «Викинги», «Сердце Альпа», «Артист», «Олег» и др., публиковался в журналах «Военная археология», «Пересвет», «Русское воскресение» и др. Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Герой нашего времени». Участник контртеррористической операции на Кавказе.*

Содержание

ЭПИГРАФ
Надежда Башмакова. Спасибо тем, кто молится за нас. *Стихи* 3

ПРОЗА
Сергей Чеботарёв. Бабка. *Повесть.* 4
Сергей Доровских. Московское время. *Рассказы* 41
Елена Чистякова. Однолюб. *Фольклорное повествование* 84
Виктор Остриков. Скиф. *Рассказ* 160
Елена Борода. Дом большой. *Отрывок повести* 172
Владимир Селивёрстов. Онкологический патронаж. *Новелла* 181

ПОЭЗИЯ
Мария Знобищева. Неба горячий осколок. *Стихи* 21
Станислав Черняк. Цветок катальпы. *Стихи* 28
Сергей Берсенев. Небольшой городок,
затерявшийся в центре России. *Стихи* 36
Елизавета Хапланова. Найдите меня. *Стихи.* 68
Михаил Волчихин. Небеса и над пропастью сини. *Стихи* 74
Анатолий Гончар. Я родными просторами ранен. *Стихи* 78
Надежда Цветкова. Не полонённая. *Стихи* 184

ИСТОРИЯ
Александра Николаева. «Гавриил, тамбовский губернатор...»
К 240-летию назначения Г.Р. Державина правителем
Тамбовского наместничества 59
Александр Шишкин. Василий Агапкин: жизненный путь автора «Славянки».
Биографическая статья 130

ДОНБАСС
Александр Тарасов. Любовь, похожая на сон. *Рассказы* 116
Александр Юдин. Бонька – ПВО. *Рассказ* 125

НОВЫЕ ЛИЦА
Надежда Башмакова. Пока звонят колокола. *Стихи* 103
Марина Ермакова. Жива глубинка. *Стихи* 150
Татьяна Матвейкина. Городок мой маленький. *Стихи* 155

ТВОРЧЕСТВО ЮНЫХ
София Вязова. Стихи про осень. *Рассказ* 188

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Александра Михайлова. Место действия – Тамбов.
Обзор книг об истории города …..... 202
В.Р. Латышева, Н.В. Сорокина. Тамбовские реалии на страницах повести М. Кудимовой «Бустрофедон». *Статья* 206
Алла Новикова-Строганова. Жажда правды и права. *Статья* 212

ГАЛЕРЕЯ

Картины Андрея Бубенцова, члена Союза художников России 109

АВТОРЫ

Авторы «Тамбовского альманаха» 220

Тамбовский альманах № 32

Литературно-художественное издание
Тамбовского регионального отделения Союза писателей России

Главный редактор
Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Редакционная коллегия
Валерий АРШАНСКИЙ
Сергей БЕРЕЖНОЙ
Юрий БЕРИДЗЕ
Валентина ДОРОЖКИНА
Наталия ЖЕЛТОВА
Мария ЗНОБИЩЕВА
Геннадий ИВАНОВ
Сергей КОЧУКОВ
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА
Вячеслав ЛЮТЫЙ
Александра НИКОЛАЕВА
Светлана ПЕШКОВА
Людмила ПРОНИНА
Станислав ЧЕРНЯК

Корректор
Александра НИКОЛАЕВА

Вёрстка
Ксения ПОПОВА

ISBN 978-5-6030498-2-3

Подписано в печать 02.11.2026
Формат 70x100 1/16
Бумага my print. Печать цифровая
гарнитура Minion Pro. Печ. л. 13.25
Тираж 300 экз. Заказ № 87
Студия печати Ксении Поповой
г. Тамбов, ул. Курская, д. 57.
studiapechati@bk.ru
Тел.: + 7 (953) 715-48-36
+ 7 (953) 711-62-04